

◆ ◆ ◆ ◆ ◆
З Э Д И
С М И Т

◆ ◆ ◆ ◆ ◆
Б Е Л Ы Е
З У Б Ы

◆ ◆ ◆ ◆ ◆
ОГЛУШИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ
НАШЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

Зэди Смит
Белые зубы

«ЭКСМО»

2000

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Смит З.

Белые зубы / З. Смит — «Эксмо», 2000

ISBN 978-5-04-094875-8

Два незадачливых ветерана Второй мировой войны становятся, несмотря на все различия между ними, лучшими друзьями на всю жизнь. Арчи Джонс, чистокровный британец, берет себе в жены молодую крупную девушку с Ямайки. Самад Икбал вступает в брак по договоренности и вынужден ждать, пока его жена появится на свет. И если бы обоих друзей ждало счастливое будущее! Дети приносят головную боль, прошлое наступает на пятки, и никому нет покоя в этом многослойном романе.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-094875-8

© Смит З., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Арчи. 1974, 1945	6
Глава 1. Необычный второй брак Арчи Джонса	6
Глава 2. Зубки режутся	19
Глава 3. Две семьи	29
Глава 4. Будет трое	40
Глава 5. Корни Альфреда Арчибальда Джонса и Самада Миа Икбала	49
Самад. 1984, 1857	70
Глава 6. Испытание Самада Икбала	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Зэди Смит

Белые зубы

© Качанова О., перевод на русский язык, 2018

© Мельниченко М., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Посвящается маме, папе и Джимми Рэмани

Прошедшее пролог¹

«Буря»

акт II, сцена¹

Я благодарю Лизу и Джошуа Аппинанези за то, что они умудрились достать мне комнату, когда она была мне так нужна.

Хочу также сказать большое спасибо Тристану Хью и Ивонне Бейли-Смит, оказавшим теплый прием этой книге и ее автору.

Кроме того, я многим обязана следующим людям: Полу Хилдеру – другу и единомышленнику, Николасу Лэрду – такому же idiot savant, как и я; Донне Поппи, педантичной во всем; Саймону Проссеру – такому благоразумному редактору, о каком можно только мечтать; и, наконец, моему агенту Джорджии Гаррет, от которой ничто не ускользает.

¹ Перевод О. Сороки.

Арчи. 1974, 1945

Каждый пустяк почему-то кажется сегодня чрезвычайно важным, и если о чем-то говорят, что «отсюда ничего не следует», – это звучит как богохульство. Никогда не знаешь – как это выразить? – какое наше действие или какое бездействие не повлечет за собой никаких последствий².

Э. М. Форстер.

«Куда бояться ступить ангелы»

Глава 1. Необычный второй брак Арчи Джонса

Начало дня, конец столетия, Криклвуд-Бродвей. 1 января 1975 года в 6:27 утра Альфред Арчибальд Джонс, одетый в вельветовый костюм, сидел, опустив голову на руль, в наполненном газом автомобиле, и надеялся, что суд над ним не будет слишком строгим. Он лежал ничком, открыв рот, раскинув руки, как падший ангел; в левой он сжимал армейские медали, в правой – свидетельство о браке: свои ошибки он решил забрать с собой. Зеленая стрелка светофора вспыхнула у него перед глазами, обозначив правый поворот, который он никогда не сделает. Он смирился. Он приготовился. Так выпала монетка, и он не отступится. Обдуманное самоубийство. В сущности, новогодний зарок.

Но даже когда его дыхание стало судорожным и свет перед глазами померк, Арчи знал: многим покажется странным, что он выбрал для самоубийства Криклвуд-бродвей. Покажется странным прохожему, который заметит через ветровое стекло его осевшее тело, полицейскому, который будет составлять протокол, журналисту, которому поручат написать в местную газету полсотни слов, ближайшим родственникам, которые их прочтут. Зажатый между мощным бетонным киноцентром с одной стороны и огромной транспортной развязкой с другой, Криклвуд был неподходящим местом. В таком месте не умирают – сюда приезжают только для того, чтобы, постояв на светофоре, мчаться дальше по трассе А41. Но Арчи Джонс не хотел умирать в каком-нибудь тихом лесу или на краю обрыва, поросшего вереском. Арчи считал, что сельские жители должны умирать на природе, городские – в городе. И это правильно. *В смерти как в жизни...* и все такое. Тут был определенный смысл: раз уж все, к чему он пришел, – это одиночество в сорок семь лет и однокомнатная квартира над полупустым продуктовым магазином, то он умрет здесь же, на этой мерзкой улице. Арчи не из тех, кто тщательно готовится к самоубийству: предсмертные записки, указания по поводу похорон, – не из тех, кто стремится все обставить красиво. Ему нужно только немного тишины, чтобы вокруг не галдели, ему нужна возможность сосредоточиться. Он хочет, чтобы было абсолютно тихо и спокойно, как в пустой исповедальне, как в тот момент, когда мысль пришла в голову, но еще не выразилась в слове.

Он хочет покончить с этим до открытия магазинов.

Над головой стая местных крылатых паразитов сорвалась с невидимого насеста и начала пикировать, как будто целясь в машину Арчи, чтобы в последний момент, двигаясь как единое целое, с грацией подкрученного мяча, заложить крутой вираж и сесть на мясной магазин «Хуссейн-Ишмаэл». Но Арчи был уже слишком далеко, чтобы испугаться: с теплой нездешней улыбкой он наблюдал, как они гадят на белую стену, оставляя на ней синеватые полосы. Он смотрел, как они вытягивают шеи, заглядывая в сточную канаву вдоль «Хуссейн-Ишмаэла», как они следят за медленно стекающей кровью цыплят, коров и овец, развешанных вокруг

² Перевод Н. Рахмановой.

магазина, будто пальто на вешалках. Неудачник. У этих голубей было чутье на неудачников... и они пронеслись мимо Арчи. Потому что, хотя он этого не знал и хотя шланг пылесоса, лежащий на пассажирском сиденье и подсоединенный к выхлопной трубе, наполнял дымом легкие Арчи, удача не покинула его в это утро. Она покрывала его тончайшим слоем, как роса. Пока он лежал, то теряя сознание, то приходя в себя, положение планет, музыка сфер, взмах прозрачных крыльев бабочки-медведицы в Центральной Африке – все то, благодаря чему Какое Только Дерьмо Ни Случается, решило дать Арчи еще один шанс. Где-то там кто-то решил, что он будет жить.

* * *

Магазин «Хуссейн-Ишмаэл» принадлежал Мо Хуссейну-Ишмаэлу, огромному детине с прической как у Элвиса Пресли: кок и хвостик, похожий на утиный. По поводу голубей Мо считал, что надо устранять не последствия, а причину: не экскременты, а самих голубей. *Настоящее дерьмо* (такова была мантра Мо) – это голуби, а не их дерьмо. То утро, когда Арчи чуть не умер, началось для Хуссейна-Ишмаэла как любое другое: Мо уложил свой огромный живот на подоконник, высунулся из окна и стал размахивать мясницким ножом, пытаясь остановить поток стекающей бело-синеватой массы.

– А ну кыш! Пошли вон, срущие твари! Ура! ШЕСТЬ!

Это был крикет – некогда английская игра, ныне усвоенная иммигрантами, а шесть – максимальное число голубей за один взмах.

– Варин! – крикнул Мо, победоносно подняв окровавленный нож. – Тебе отбивать. Готов?

Внизу на тротуаре стоял Варин – молодой толстый индус, направленный сюда из соседней школы для прохождения практики по какой-то дурацкой программе. Он был похож на большую печальную точку под вопросительным знаком Мо. Вся работа Варина заключалась в том, чтобы подняться по лестнице, собрать слипшиеся куски голубятины в маленький пакет с надписью «Куик-Сейв», завязать его и выбросить в мусорный бак в конце улицы.

– Пошевеливайся, Мистер Жиртрест, – вопил один из поваров Мо и бил Варина по заднице шваброй, как будто ставил тире после каждого слова. – Поднимай – сюда – свой – жирный – индусский – зад – Ганеш – Слонопотам – и – прихвати – голубиное – месиво!

Мо вытер пот со лба, фыркнул и оглядел Криклвуд: поломанные кресла и ошметки ковров – гостиные местных бомжей, игровые автоматы, жирные ложки, такси – все покрыто голубиным пометом. Мо верил, что однажды обитатели Криклвуда поблагодарят его за эту ежедневную войну; настанет день, когда ни мужчине, ни женщине, ни ребенку с Бродвея не придется смешивать одну часть моющего средства с четырьмя частями уксуса, чтобы счищать эту мерзость, которая покрывает весь мир. *Настоящее дерьмо*, – торжественно повторил он, – это голуби, а не их дерьмо. И только он, Мо, это понимает. Он оглядывал район, и в его взгляде, вполне в духе дзен-буддизма, светились умиление и доброжелательность, но только до тех пор, пока в его поле зрения не попала машина Арчи.

– Аршад!

Тощий парень жуликоватого вида, с усами как руль велосипеда, одетый во все коричневое, вышел из магазина с окровавленными ладонями.

– Аршад! – Мо, едва сдерживаясь, ткнул пальцем в сторону машины: – Мальчик, я спрошу только один раз.

– Да, Абба? – отозвался Аршад, переминаясь с ноги на ногу.

– Это что такое? Что это еще за машина? В шесть тридцать приедут поставщики. В шесть тридцать здесь будет пятнадцать коровьих туш. Мне надо их затащить внутрь. Это моя работа. Понятно? Мясо приедет. Так что я даже не знаю... – Мо изобразил озадаченную невинность. –

Я думал, там ясно сказано: «Место доставки». – Он указал на старый деревянный ящик, надпись на котором гласила: «Стоянка запрещена для всех видов транспорта по всем дням». – Ну?

– Я не знаю, Абба.

– Аршад, сынок. Я не для того тебя нанял, чтобы ты не знал. Варин может ничего не знать. – Он высунулся из окна и треснул Варина, который осторожно, как по канату, переходил опасную канаву. От такого подзатыльника бедняга чуть не слетел с дощечки. – А тебя я нанял, чтобы ты все знал. Собираю информацию. Проливал свет на великую и неизъяснимую тайну вселенной.

– Абба?

– Выясни, какого черта там стоит эта машина, и чтоб через минуту ее там не было.

Мо исчез в доме. Вскоре Аршад вернулся. Теперь он был готов все объяснить:

– Абба!

Голова Мо снова высунулась из окна, как злобная кукушка из швейцарских часов.

– Он травится газом, Абба.

– Чего?

Аршад пожал плечами.

– Я постучал в стекло и сказал ему, чтоб убирался, а он ответил: «Я травлюсь газом, отстаньте от меня», или что-то такое.

– Никому не позволю травиться на моей территории, – оборвал его Мо и зашагал вниз по лестнице. – У меня нет на это лицензии.

Мо подошел к машине Арчи, вырвал полотенца, которые забивали щель в окне, и, нажав на стекло со всей своей бычьей силой, опустил его на пять дюймов.

– Вы что, не слышали, мистер? У нас нет лицензии на самоубийства. Здесь мясной магазин. Кошерный, понял? Если ты собирался тут помереть, друг мой, я тебя сперва хорошенько разукрашу.

Арчи поднял голову. И в тот момент, когда он уже сфокусировал взгляд на потной туше коричневого Элвиса, но еще не осознал, что жизнь к нему вернулась, ему было Видение. Он понял, что впервые с рождения Жизнь одобрила Арчи Джонса. Не просто сказала «о'кей» или «ладно-уж-продолжай-раз-начал», но громко воскликнула «Да!». Жизнь хотела Арчи. Она ревниво вырвала его из зубов смерти и снова прижала к груди. Да, он не лучшее ее детище, но он ей нужен, и, что самое удивительное, она тоже, оказывается, ему нужна.

Он лихорадочно опустил стекла с обеих сторон и глубоко вдохнул свежий воздух. Судорожно дыша, он цеплялся за фартук мясника, горячо благодарил Мо, а по его щекам текли слезы.

– Ладно, ладно, – Мо освободился от цепкой хватки Арчи и разгладил фартук, – а теперь проваливай. У меня мясо приезжает. Я тут, чтобы разделять туши, а не утешать. Ты что здесь искал – улицу Одиночества? Так это не здесь. Здесь у нас – Криклвуд-лейн.

Не переставая благодарить мясника в промежутках между приступами кашля, Арчи дал задний ход, съехал с бордюра и повернул направо.

* * *

Арчи Джонс попытался покончить с собой из-за того, что его жена Офелия – итальянка с фиалковыми глазами и легкими усиками – недавно развелась с ним. Но он провел утро Нового года, присосавшись к шлангу пылесоса, вовсе не потому, что ее любил. А потому, что прожил с ней так долго, не любя ее. Арчи женился, как будто купил пару туфель, принес их домой, и тут оказалось, что они не подходят. Ради соблюдения приличий он смирился. Прошло тридцать

лет. И вдруг, совершенно неожиданно, туфли встали и ушли из дома. Она его бросила. Через тридцать лет.

Насколько он помнил, начинали они не хуже других. Весной 1946 года Арчи вынырнул из темноты войны во флорентийском кафе, где пенистый капуччино ему подала официантка, похожая на солнышко, – Офелия Диаджило. Она была вся в желтом, и от нее исходило тепло и сексуальность. Они вступили в брак, как зашоренные лошади. Откуда ей было знать, что женщины в жизни Арчи недолго оставались солнышками? В глубине души они ему не нравились, он им не доверял и мог любить их только тогда, когда от них исходило сияние гало. Никто не предупредил Арчи, что в ветвях семейного древа Диаджило притаились две тетки-истерички, дядя, разговаривавший с баклажанами, и кузен, который носил одежду задом наперед. В общем, они поженились и вернулись в Англию, где она очень скоро поняла свою ошибку, а он очень скоро свел ее с ума, и гало забросили на чердак собирать пыль вместе с прочим старьем и сломанными электроприборами, которые Арчи обещал когда-нибудь починить.

Среди них был пылесос.

* * *

На второй день Рождества, то есть за шесть дней до того, как он остановился у магазина Мо, Арчи вернулся в Хендон – туда, где они занимали половину дома, – вернулся за пылесосом. Это был его четвертый поход на чердак за то время, пока он перетаскивал обломки брака на свою новую квартиру, и этот давно сломанный, безобразный пылесос оказался последним, что Арчи потребовал – такие вещи забираешь только из вредности, просто потому, что не достался дом. Развод – это когда отбираешь то, что тебе больше не нужно, у тех, кого ты больше не любишь.

– Опять ты, – сказала домработница-испанка, открыв дверь, Санта-Мария или Мария-Санта, что-то такое. – Ми-и-истер Джонс, что на этот раз? Раковину, sí?

– Пылесос, – мрачно ответил Арчи.

Она зло посмотрела на него и сплюнула на коврик в нескольких дюймах от его туфель.

– *Добро пожаловать, сеñор.*

Дом стал логовом тех, кто его ненавидел. Помимо домработницы, Арчи приходилось спорить с огромной итальянской семьей Офелии, медсестрой для душевнобольных, женщиной из попечительского совета и, конечно, самой Офелией, которая была центром этого сумасшедшего дома. Его бывшая жена свернулась калачиком на диване и выла в бутылку «Бейлиза». Ему потребовалось полтора часа, чтобы прорваться через ряды противника – и зачем? Чтобы забрать сломанный пылесос, выброшенный много месяцев назад, потому что выполнял свою функцию с точностью до наоборот: разбрасывал пыль, вместо того чтобы собирать ее.

– Ми-и-истер Джонс, зачем вы сюда приходите, раз это вам так неприятно? Будьте *благоразумны*. Зачем он вам? – Домработница поднималась за ним по лестнице на чердак, вооруженная какой-то чистящей жидкостью. – Он сломан. Он вам *не нужен*. Видите? Видите? – Она воткнула вилку в розетку и продемонстрировала мертвый выключатель. Арчи вытащил вилку и молча обмотал шнур вокруг пылесоса. Он заберет пылесос, пусть даже и сломанный. Всё сломанное уйдет из этого дома вместе с ним. Он починит эти чертовы агрегаты, лишь бы только доказать, что он кое-что может.

– Вы ничего не можете! – Санта, как хвост, тащила за ним вниз по лестнице. – Свели жену с ума. Вот и все, на что вы способны!

Прижимая пылесос к груди, Арчи вошел в наполненную людьми гостиную, достал ящик с инструментами и под прицелом дюжины осуждающих глаз принялся чинить этот сломанный агрегат.

– Только посмотрите на него, – начала одна из итальянских бабушек, вся обмотанная шарфами. Она была не такая отвратительная, как другие, и у нее было значительно меньше родинок. – Все забирает, *carisce*? Он забрал ее разум, забрал блендер и старый проигрыватель – он забирает все, кроме паркета. А она, несчастная...

Дама из совета, которая даже в безоблачные дни напоминала промокшую насквозь длинношерстую кошку, закивала:

– Что и говорить, просто отвратительно. Отвратительно! И, конечно, нам теперь заботиться о ней. А этот идиот...

Ее перебила медсестра:

– Она не может оставаться одна, ведь так?... Сам сбежал, а бедная женщина... ей же нужен нормальный дом, нужен...

Я здесь, мысленно говорил Арчи, я же тут, черт бы вас побрал, здесь я. И это был мой блендер.

Но не в его характере спорить. Он молча слушал их еще пятнадцать минут, проверяя, как пылесос засасывает кусочки газеты, пока не почувствовал, что Жизнь – это огромный рюкзак, такой тяжелый, что легче бросить его на обочине и уйти в темноту, пусть даже оставив все необходимое, чем тащить его с собой. *Тебе же не нужен блендер, старик, и пылесос тебе тоже не нужен. Только лишний груз. Брось рюкзак, Арчи, и примкни к счастливым туристам на небесах.* А как иначе? Когда бывшая жена и ее родственники жужжат в одно ухо, а пылесос – в другое, кажется, что Конец близок. И дело не в Боге или еще ком-то.

Просто Арчи чувствовал, что конец света наступил. И ему потребуется нечто большее, чем жалкое виски, бульварные романы и коробка леденцов «Кволити Стрит» – все клубничные уже выбраны, – чтобы засвидетельствовать переход в новый век.

Он починил пылесос и вычистил гостиную со странной тщательностью, дотягиваясь до самых малодоступных уголков. Затем мрачно подбросил монетку (решка – жизнь, орел – смерть) и не почувствовал ничего особенного, когда понял, что выпал орел. Он спокойно отсоединил шланг, убрал его в «дипломат» и в последний раз вышел из дома.

Но умереть не так просто. Самоубийство нельзя внести в список дел между «помыть сковородку» и «подпереть сломанную ножку дивана кирпичом». Это решение не сделать, разделить; поцелуй в забвение. Что ни говори, а самоубийство требует мужества. Оно для героев и мучеников, по-настоящему тщеславных. Но Арчи – не из таких.

Его значимость в Мировом Порядке Вещей можно выразить стандартными соотношениями:

Песчинка – Пустыня.

Капля – Море.

Иголка – Стог сена.

Несколько дней он игнорировал решение монетки и просто ездил со шлангом от пылесоса. По ночам он смотрел сквозь ветровое стекло на безграничное небо и осознавал свое значение в мире, он понимал, что такое быть крошечным и лишенным корней. Он думал о том, какой след останется после его исчезновения, и этот след оказывался таким ничтожным, что и говорить не о чем. Он тратил последние минуты жизни на размышления: можно ли называть пылесосом такой агрегат, который уже два месяца расплевывает пыль вместо того, чтобы ее засасывать, или это скорее «пылеплюй»? И все время шланг от пылесоса лежал на заднем сиденье, как вялый член, насмехаясь над его тихим страхом, глумясь над его бессилием и нерешительностью, издеваясь над голубиными шажочками, какими он подходит к палачу.

29 декабря Арчи повидался со своим старым другом Самадом Миа Икбалом. Такая дружба может показаться странной, и все же Самад был его самым старым другом: этот бенгалец-мусульманин сражался бок о бок с ним в те времена, когда еще велись бои. Он напоминал

ему о войне, о той войне, которая для многих ассоциировалась с жирным беконом и цветными чулками, но Арчи вспоминались выстрелы, бесконечная игра в карты и резкий вкус иностранной выпивки.

– Арчи, друг, – говорил Самад теплым проникновенным голосом, – забудь ты про свою жену. Начни новую жизнь. Именно это тебе и нужно. Вот. И не будем больше об этом. Ставлю против твоих пяти шиллингов и в пять раз увеличиваю ставку.

Они сидели в баре «О’Коннелл» и играли в покер тремя руками: две принадлежали Арчи и одна – Самаду. Правая рука Самада не двигалась: она была серая, мертвая, кровь по ней не проходила. Они каждый вечер ужинали в этом наполовину кафе, наполовину игорном доме, который принадлежал семье иракцев. У большинства членов этого семейства были явные проблемы с кожей.

– Посмотри на меня: женитьба на Алсане дала мне второе дыхание, понимаешь? Открыла новые возможности. Она у меня такая молодая, такая энергичная – как глоток свежего воздуха. Хочешь совет? Пожалуйста! Забудь про прежнюю жизнь, Арчибальд. В ней все было неправильно, и тебе от нее никакой пользы. Вообще никакой.

Самад смотрел на него с сочувствием, потому что любил Арчи. Их военная дружба прошла серьезное испытание: тридцать лет они жили на разных континентах, но весной 1973-го Самад прилетел в Англию. Уже немолодой, он искал новой жизни со своей двадцатилетней невестой Алсаной Беджум, миниатюрной, круглолицей, с умными глазками. В приступе ностальгии и просто потому, что он больше никого на острове не знал, Самад отыскал Арчи и поселился в том же районе Лондона. Постепенно между ними снова установилось что-то вроде дружбы.

– Ты играешь как идиот. – Самад выложил четверку выигравших дам. Он подцепил их большим пальцем левой руки и с легким шелчком бросил веером на стол.

– Я уже старик, – проговорил Арчи, бросая свои карты. – Я старик. Кому я теперь нужен? И в первый-то раз нелегко было кого-нибудь уговорить.

– Глупости, Арчибальд. Ты просто не встретил подходящую женщину. Эта Офелия, Арчи, совсем неподходящая. Насколько я понял, она сейчас даже не того...

Он намекал на то, что Офелия сумасшедшая и считает себя горничной известного мецената пятнадцатого века Козимо Медичи.

– Все дело в том, что она родилась и живет не в то время. Просто не ее день! Ну, может, не ее тысячелетие. Современная жизнь застала ее врасплох и хорошенько ей вмазала. Вышибла ей мозги. А ты? Ты просто взял в гардеробе не ту жизнь, так что верни ее на место. Кроме того, она не осчастливила тебя детьми... а жизнь без детей, Арчи, зачем она нужна? Поверь мне, уж я-то знаю. Тебе, – продолжал он, загребая мертвой рукой кучку десятипенсовых монет, – вообще не следовало на ней жениться.

Черт бы побрал вечную оглядку на прошлое, думал Арчи. Здесь у всех идеальное зрение.

Но через два дня после этого разговора, в новогоднее утро боль стала такой сильной, что Арчи уже не мог цепляться за спасительный совет Самада. Он решил убить свое тело, забрать свою жизнь, уйти с дороги, которая протащила его по множеству неверных поворотов, завела его в глушь и наконец исчезла совсем, а хлебные крошки, показывавшие дорогу назад, съели птицы.

* * *

Когда машина стала наполняться окисью углерода, вся его жизнь до сегодняшнего дня, как это всегда и бывает, пронеслась перед ним. Короткое и малопоучительное зрелище, не слишком интересное; в метафизическом смысле – аналог ежегодной речи королевы. Скучное детство, неудачный брак и бесперспективная работа – классический триумвират – все это про-

мелькнуло быстро, тихо, почти не сопровождаясь диалогами, и не вызвало никаких новых эмоций. Арчи не очень верил в судьбу, но теперь, по зрелом размышлении, пришел к выводу, что некое провидение позаботилось, чтобы его жизнь была выбрана как новогодний подарок от фирмы – заранее и такой же, как у всех.

Да, конечно, была еще и война; Арчи был на войне. Но только последний год – ему как раз исполнилось семнадцать, – к тому же не на передовой, ничего серьезного – так что и говорить не о чем. Им с Самадом, Стариной Сэмом, Сэмми, нечего рассказывать. Хотя у Арчи даже застрял в ноге кусок шрапнели и на него мог взглянуть любой желающий, но желающих не находилось. Об этом теперь никто не хочет слушать, это как плоскостопие или уродливая родинка. Как волосы в носу. Люди отворачиваются. Если бы кто-нибудь спросил Арчи: «*Что ты сделал в жизни?*» или «*Что тебе запомнилось больше всего?*» – боже упаси упомянуть войну: все отводили глаза, барабанили пальцами по столу и предлагали угостить выпивкой. Но *знать* не хотел никто.

Летом 1955-го Арчи, надев свою лучшую рубашку, пошел на Флит-стрит. Он хотел найти работу в качестве военного корреспондента. Какой-то парень, по виду мажор, с тонкими усиками и тонким голоском, спросил: «*У вас есть опыт работы, мистер Джонс?*» – и Арчи объяснил. Все про Самада. Все про их танк. А потом этот мажор перегнулся через стол – самодовольный профессионал – и сказал: «*Нам нужно нечто большее, чем просто участие в войне, мистер Джонс. Военный опыт особого значения не имеет.*»

Так оно и было, разве нет? Война не имела никакого значения, ни тогда – в 1955-м, ни тем более теперь, в 1974-м. Все, что он делал *тогда*, было совсем не важно *теперь*. Приобретенные навыки не имели значения или, как теперь говорят, были *неактуальны*.

Может, есть еще что-нибудь, мистер Джонс?

Но, конечно, ни черта больше не было; британская система образования с легким смешком поставила ему подножку много лет назад. И все-таки он умел видеть вещи, их внешний вид, их форму, поэтому в итоге стал работать в «Морган Хироу» – в типографии на Юстенроуд, где двадцать с лишним лет придумывал, как складывать все то, что только можно сложить: конверты, рекламные проспекты, брошюры, листовки – не бог весть какое достижение, но, оказывается, вещам надо, чтобы их складывали, чтобы они заступали краями друг на друга, иначе жизнь будет как плакат: летящий по улице, хлопающий на ветру, так что самая существенная информация теряется. Впрочем, Арчи слабо волновали плакаты. Если им все равно, сложат их как положено или нет, тогда и ему все равно, часто думал он.

Что еще? Ну, Арчи не всегда только складывал бумагу. Когда-то он был велогонщиком. Что ему нравилось в велогонках – так это то, как ты носишься по велодрому. Круг за кругом. Даешь себе шанс каждый раз немножко улучшить результат, проходить трек быстрее, *так, как нужно*. Но только у Арчи никогда это не получалось. 62,8 секунды. Хороший результат, даже мирового уровня. Но в течение трех лет он проходил каждый круг за 62,8. Специально чтобы на это посмотреть, гонщики останавливались, прислоняли велосипеды к скату и засекали время по секундным стрелкам своих часов. Каждый раз 62,8. Такая неспособность улучшить результат встречается действительно редко. Удивительное постоянство, в некотором роде почти чудо.

Арчи любил велогонки, и у него всегда неплохо получалось, к тому же с ними было связано единственное приятное воспоминание. В 1948 году Арчи Джонс участвовал в Олимпийских играх в Лондоне и разделил тринадцатое место (62,8 секунды) со шведским гинекологом Хорстом Ибельгауфтсом. К несчастью, этот факт не попал в результаты Олимпийских игр из-за невнимательности секретарши, которая однажды, вернувшись после обеденного перерыва, думала о чем-то постороннем и пропустила его имя, когда переписывала список с одной бумажки на другую. Мадам Слава усадила Арчи на диван в приемной и забыла о нем. Един-

ственным доказательством того, что такое вообще было, являлись письма и короткие записки, которые он изредка получал все эти годы от Ибельгауфтса. Например:

17 мая 1957

Дорогой Арчибальд,

Высылаю тебе фотографию, на которой мы с женой в нашем саду на фоне довольно неприятного строительного пейзажа. Может, это и не похоже на Аркадию, но именно здесь я строю примитивный велодром – не такой, конечно, как тот, на котором проходили те Олимпийские игры, но для моих целей и этого достаточно. Он будет гораздо меньше, но, как ты понимаешь, я строю его для своих будущих детей. Когда мне снится, как они станут тут гонять, я просыпаюсь со счастливой улыбкой! Как только закончим, приезжай к нам. Кто больше, чем ты, достоин быть крестным отцом моего трека?

Твой честный соперник Хорст Ибельгауфтс.

И открытка, лежавшая у него в машине в этот день, который чуть было не стал днем его смерти:

28 декабря 1974

Дорогой Арчибальд!

Я учусь играть на арфе. Можно сказать, это новогодний зарок. Я понимаю, что поздновато, но ведь старую собаку иногда все-таки можно обучить новым трюкам, ведь так? Знаешь, арфа – ужасно тяжелый инструмент, так что приходится держать ее плечом, но звук божественный, и жена говорит, что от игры на арфе я становлюсь ужасно чувствительным. А это гораздо лучше, чем ее высказывания о моем увлечении велоспортом. Но, в конце концов, велоспорт могут понять только такие парни, как ты, Арчи, и, конечно, автор этой открытки, твой старый соперник Хорст Ибельгауфтс.

Он не видел Хорста со времен тех гонок, но с нежностью вспоминал этого огромного человека с рыжеватыми волосами, оранжевыми веснушками и тонкими ноздрями, который одевался как всепланетный плейбой и казался слишком большим для своего велосипеда. После гонок Хорст напоил Арчи и раздобыл двух проституток из Сохо, которые, видимо, неплохо его знали («Я часто бываю по делам в вашей чудесной столице», – объяснил Хорст). Последний раз Арчи видел Хорста, когда случайно заметил, как его огромный розовый зад прыгает вверх-вниз в соседней комнате. На следующее утро у метрдотеля его ждало первое послание из будущей обширной переписки:

Дорогой Арчибальд,

В оазисе работы и соревнований женщины – поистине удивительное и легкое удовольствие. К сожалению, мне пришлось рано уехать, чтобы успеть на самолет, но, прошу тебя, Арчи, будем друзьями! Я считаю, что теперь мы так же близки, как наши результаты! Уверяю тебя, кто бы ни говорил, что тринадцать – плохое число, он был большим дураком, чем твой друг Хорст Ибельгауфтс.

P.S. Пожалуйста, позаботься о том, чтобы Дария и Мелани добрались до дома целыми и невредимыми.

Его была Дария. Ужасно тощая (ребра, как ловушки для омаров, и чахлая грудь), но милая и добрая девушка. Она целовала его очень нежно, у нее были тонкие и гибкие запястья,

которые она любила подчеркнуть длинными шелковыми перчатками, – и обошлась она в кругленькую сумму. Арчи помнил: она сняла перчатки, надела чулки, и он беспомощно сказал: «Ты мне нравишься». Обернувшись, она улыбнулась. Арчи понял, что хотя он для нее очередной клиент, он тоже ей нравится. Может быть, надо было не отпускать ее, сбежать с ней в горы. Но тогда это казалось невозможным – слишком много всего: как же молодая жена? и будущий ребенок (истерическая, ложная беременность, как оказалось, огромный живот, полный горячего воздуха)? как же его хромяя нога? как же отсутствие гор?

Как это ни странно, Дария была последним, о чем подумал Арчи, прежде чем потерять сознание. Именно из-за шлюхи, которую он встретил двадцать лет назад, из-за Дарии и ее улыбки он залил фартук Мо слезами радости, когда тот спас ему жизнь. Он мысленно представил ее: красивая женщина в дверях, смотрящая на него *призывным* взглядом; и понял, что жалеет о том, что не откликнулся на зов. Если только есть шанс увидеть такой взгляд, он хочет попытаться еще раз, он берет дополнительное время. Не только эту секунду, но и следующую, и еще следующую – все время, какое существует в мире.

Позже Арчи сделал несколько восторженных кругов по кольцу площади Свисс-Коттедж, высунув голову из окна, чувствуя, как поток воздуха бьет по его зубам в глубине рта. Он думал: черт побери. Вот, значит, каково это, когда какой-то придурок спасет тебе жизнь. Как будто ты держишь в руках все возможное Время. Смеясь как сумасшедший, он пронесся мимо своей квартиры, мимо дорожного знака (Хендон – 3 3/4 мили). На светофоре Арчи подбросил монетку в десять пенсов и улыбнулся, увидев, что результат подтвердил: Судьба ведет его в новую жизнь. Как собаку на поводке, которая свернула за угол. Женщины обычно так не могут, но мужчины наделены древней способностью оставлять семью и прошлое. Они просто снимают с себя все обязательства, как будто сдергивают накладную бороду, и снова прокрадываются в общество уже другими людьми. Неузнаваемыми. Вот так скоро появится и новый Арчи. Мы поймали его в переломный момент. Он в том состоянии, которое можно описывать прошедшим временем или будущим совершенным. В том состоянии, которое можно выразить словами: может, так, а может, иначе. Он подъезжает к развилке, сбрасывает скорость, смотрит на свое непримечательное лицо в зеркале заднего вида и совершенно без всякой мысли выбирает дорогу, по которой еще никогда не ездил, улицу, которая ведет в так называемый Королевский парк. Вперед! *Вперед*, малыш Арчи, – говорит он себе. Выжми двести и, бога ради, не оглядывайся назад.

* * *

Тим Вестли (чаще называемый Мерлином) наконец заметил настойчивый звон дверного звонка. Он поднялся с пола на кухне, с трудом, переступая через лежащие тела, пробрался в коридор и, открыв дверь, оказался лицом к лицу с мужчиной средних лет, одетым в вельветовый костюм и держащим на раскрытой ладони десятипенсовую монетку. Как потом объяснял Мерлин, когда описывал этот эпизод, вельвет в любое время суток – крайне раздражающая материя. В вельвете ходят сборщики арендной платы. Как и сборщики налогов. Учителя истории добавляют кожаные заплатки на локтях. Такое количество вельвета в девять часов утра в первый день нового года – это видение смертельно опасное, хотя бы только по количеству негативных эмоций, с ним связанных.

– В чем дело? – Мерлин стоял на пороге и, моргая, разглядывал человека в вельветовом костюме, освещенного ярким зимним солнцем. – Энциклопедии или Бог?

Арчи заметил, что у парня неприятная манера акцентировать отдельные слова, поводя головой от правого плеча к левому. Каждый раз, завершая полукруг, он несколько раз кивал.

– Потому что, если это энциклопедии, то у нас у самих этого добра хватает, этой, *информации*... а если Бог, то вы не по адресу. Тут веселенькое место, ясно? Понимаете, о чем я? – заключил Мерлин, покивал и собрался закрыть дверь.

Арчи качнул головой, улыбнулся и не двинулся с места.

– Э-э... с вами все в порядке? – поинтересовался Мерлин, не отпуская дверную ручку. – Я могу вам чем-нибудь помочь? Вам что-нибудь нужно?

– Я видел объявление, – сказал Арчи.

Мерлин затянулся косяком и, кажется, заинтересовался.

– Вон то объявление?

Он склонил голову и проследил за взглядом Арчи. Из окна верхнего этажа свисала белая простыня. На ней большими радужными буквами было написано: «Добро пожаловать на вечеринку в честь конца света, 1975».

Мерлин пожал плечами:

– Да-а, но так ничего и не случилось. Просто разочарование. Или благословение, – дружелюбно добавил он, – это как посмотреть.

– Благословение, – горячо ответил Арчи. – Сто процентов, *bona fide*³ благословение.

– Ну и вы углядели объявление, так? – спросил Мерлин и отступил в дом – вдруг это какой-нибудь шизик. – Любите такие тусовки? Да вообще-то это была просто шутка и все.

– Оно само бросается в глаза, – пояснил Арчи, все еще улыбаясь как сумасшедший. – Я ехал и выискивал какое-нибудь местечко, где можно выпить, все-таки Новый год... у меня выдалось нелегкое утро... оно просто *перевернуло меня*. Я подбросил монетку и подумал: почему бы нет?

Мерлин даже растерялся от такого неожиданного поворота.

– Э-э... вечеринка вроде как закончилась. К тому же вы, кажется, немного слишком *взрослый*... понимаете, что я хочу сказать... – Тут Мерлин смутился: несмотря на всю внешнюю крутизну, в душе он был хорошим мальчиком, которому привили уважение к старшим. – Я хочу сказать, – произнес он после неприятной паузы, – вы, наверно, привыкли общаться с людьми постарше, а у нас молодежь. Тут что-то вроде коммуны.

– Но тогда я был настолько старше, – с загадочным видом Арчи пропел строчку с пластинки Дилана десятилетней давности, заглядывая за дверь, – *а теперь я гораздо моложе*.

Мерлин вытащил из-за уха сигарету, прикурил и нахмурился.

– Послушайте... Не могу же я впускать в дом первого встречного. Я хочу сказать, вы можете оказаться полицейским, или психическим, или...

Но у Арчи в лице, большом, невинном, выжидающем, было что-то, напомнившее Тиму о христианском милосердии, о котором каждое воскресенье говорил с кафедры его отец, викарий Снэрбрука.

– Ладно, какого черта... все-таки Новый год. Заходите.

Арчи прошел мимо Мерлина и оказался в длинном коридоре, от которого вправо и влево ответвлялись четыре комнаты с распахнутыми дверями, на второй этаж вела лестница, а в конце коридора был выход в сад. Наросты любого рода – животные, минеральные, растительные – покрывали пол; по всему холлу были разбросаны одеяла и простыни, под ними спали люди – красное море, которое нехотя расступалось перед Арчи. В комнатах по углам были видны движущиеся тела: там целовались, сосали груди, трахались, блевали – словом, делали все то, что, как сообщало Арчи воскресное приложение к газете, делают в коммунах. На минуту он подумал, не присоединиться ли к этому бедламу, затеряться среди незнакомых тел (он держит в руках все свое время, огромное количество времени, которое просачивается у него сквозь пальцы), но решил, что глоток чего-нибудь крепкого нужнее. Он пробрался через холл,

³ Настоящее (*лат.*).

оказался на другой стороне дома и вышел в морозный сад. Там потерявшие надежду найти себе место в теплом доме расселись на холодном газоне. Мечтая о виски с тоником, он направился к пластиковому столу, где ему предстало, как мираж в пустыне пустых бутылок, нечто похожее по форме и цвету на бутылку виски «Джек Дэниелс».

– Можно?..

Два чернокожих парня, молодая китайка с голой грудью и белая женщина в тоге сидели вокруг стола на деревянных складных стульях и играли в рамми. Когда Арчи потянулся за «Джеком Дэниелсом», белая женщина покачала головой и изобразила, как тушат сигарету.

– Боюсь, что это теперь табачная настойка, дорогой. Какой-то мудила бросил свой окурочок в это вполне приличное виски. Тут есть еще грушевый сидр и другая хрень.

Арчи улыбнулся, благодарный ей за то, что предупредила его и предложила выпить. Он сел и налил себе большой бокал «Молока любимой женщины».

Много бокалов спустя Арчи уже не мог вспомнить того времени, когда Клайв и Лео, Ван-Ши и Петрония не были его близкими друзьями. Даже отвернувшись, он мог бы нарисовать кусочком угля выпуклые мурашки вокруг сосков Ван-Ши, каждую прядь, падавшую на лицо Петронии, когда она говорила. К 11 утра он нежно любил их, как детей, которыми он так и не обзавелся. Они, в свою очередь, заявили, что у Арчи удивительная для его возраста душа. Все решили, что вокруг Арчи вращались потоки мощной положительной энергии, такой сильной, что смогла заставить мясника опустить окно машины в решающую минуту. Оказалось, что Арчи был первым человеком старше сорока лет, которому предложили вступить в коммуны; оказалось, что уже давно поговаривали о необходимости сексуального партнера постарше для удовлетворения нужд некоторых смелых дам. «Здорово, – сказал Арчи. – Потрясающе. Тогда это буду я». Он так привязался к ним, что очень удивился, когда к полудню их отношения вдруг испортились, вдобавок ко всему его настигло похмелье, и он по колено увяз в споре о Второй мировой войне.

– Непонятно даже, как мы влезли в такие дебри, – проворчала Ван-Ши, которая наконец оделась – как раз тогда, когда все решили зайти в дом. Пиджак Арчи висел на ее крошечных плечах. – Зачем лезть в такие дебри? Пойдемте лучше спать.

– Но мы *уже* влезли, *уже* влезли, – повторял Клайв. – В этом и есть беда его поколения: они думают, что могут прекратить войну, как какое-нибудь...

Но тут, к радости Арчи, Лео переключил внимание Клайва на другой аспект первоначального тезиса, выдвинутого Арчи, – три четверти часа назад он сказал какую-то глупость, вроде того, что военная служба формирует характер молодого человека, и тут же пожалел об этом, потому что пришлось то и дело защищаться. Освободившись наконец от необходимости отбиваться, он сел на ступеньки и закрыл лицо руками, а спор продолжался без него.

Позор. А ведь он хотел стать членом коммуны. Если бы он правильно разыграл свои карты, а не устроил этот дурацкий спор, у него была бы свободная любовь и обнаженные груди повсюду; может быть, даже маленький участок, где можно выращивать свежие овощи. На некоторое время (это было около 2 часов дня, когда он рассказывал Ван-Ши о своем детстве) ему показалось, что впереди не жизнь, а сказка, и отныне он будет говорить то, что нужно и когда нужно, и кто бы ни попался на его пути, все станут любить его. Во всем виноват только я, вздохнул Арчи, размышляя о бессмысленном споре, только я один, а потом подумал, не заложено ли это в мировом порядке вещей. Может быть, это всегда так: есть люди, которые говорят то, что нужно и когда нужно, которые появляются, как трагический актер, в нужный момент истории, а есть такие, как Арчи Джонс, существующие только как часть толпы. Или еще хуже – совершающие рывок для того только, чтобы выйти на сцену и умереть у всех на глазах.

Можно было бы подвести жирную черту под этим происшествием, отчеркнув весь этот печальный день, если бы не случилось то, что привело к преобразованию Арчи Джонса во всех смыслах, в каких может быть преобразован человек; и это произошло не вследствие его усилий, но по странному совпадению, из-за непроизвольного столкновения одного человека с другим. Чистая случайность. Этой случайностью была Клара Боуден.

Но сначала нужно ее описать: Клара Боуден – красавица во всех смыслах, кроме классического, просто потому, что она была черной. Удивительно высокая, черная, как эбеновое дерево или соболь. Ее волосы заплетены в форме подковы, которая повернута вверх, когда Клара чувствует, что судьба ее ведет, вниз – когда нет. Сейчас кончики подковы смотрят вверх. Трудно сказать, знаменательно ли это.

Она не нуждалась в бюстгальтере – Клара была свободна даже от силы земного притяжения, – на ней был красный топ, который кончался сразу под грудью, ниже был виден пупок, такой же красивый, как и все в ней, а еще ниже очень узкие желтые джинсы. И, наконец, бежевые замшевые босоножки на высоких каблуках. Она медленно спускалась по ступенькам, словно видение, или, как показалось Арчи, когда он обернулся и посмотрел на нее, – словно вставшая на дыбы породистая лошадь.

В книгах и фильмах Арчи часто встречал такую ситуацию: некто спускается по лестнице, и все немеют – так потрясающе выглядит этот человек. В жизни Арчи этого не видел никогда. Но именно так и произошло, когда появилась Клара Боуден. Она медленно спускалась по ступенькам, залитая светом заката и окутанная сгущающимися сумерками. Арчи никогда не видел такого прекрасного создания и никогда не встречал такой теплой женщины. Ее красота не казалась холодной, бессмысленной ценностью. От нее пахло мягким женственным уютом, как от любимой одежды. И хотя в ней была некоторая физическая неорганизованность – движения рук и ног не вполне согласовались с центральной нервной системой, – даже ее неуклюжесть казалась Арчи верхом изящества. Она несла свою сексуальность с непринужденностью зрелой женщины – совсем не так, как это делали большинство девушек, с которыми Арчи сталкивался раньше, – словно это неудобная сумочка, которую не знаешь, как нести, куда повесить и когда отложить в сторону.

– Выше нос, парень, – сказала она с ритмичным карибским акцентом, который напомнил Арчи «Игрока в крокет с Ямайки», – она может и не произойти.

– Я думал, она уже произошла.

Арчи выронил изо рта сигарету, которая все равно уже догорела до фильтра, а Клара наступила на нее и затушила. Она широко ему улыбнулась, обнажив свой, пожалуй, единственный недостаток. Полное отсутствие верхних зубов.

– Знаешь... их выбили, – шепеляво пояснила Клара, заметив его изумление. – Но я думаю, когда наступит конец света, Богу будет без разницы, есть у меня зубы или нет, – она тихо засмеялась.

– Арчи Джонс, – представился Арчи и протянул ей «Мальборо».

– Клара. – Она непроизвольно свистнула, попытавшись одновременно улыбнуться и затащить сигаретой. – Арчи Джонс, ты выглядишь абсолютно так, как нужно. Клайв и прочие наговорили тебе всякой ерунды? Клайв, ты издевался над этим бедолагой?

Клайв что-то пробурчал – всякое воспоминание об Арчи исчезло, когда прошло действие вина, – и продолжил с того, на чем остановился: он обвинял Лео в непонимании разницы между политической и физической жертвой.

– Да нет... Ничего страшного, – бессмысленно пробормотал он перед лицом ее совершенного лица. – Маленькое недоразумение, вот и все. У нас с Клайвом разные взгляды на некоторые вещи. Думаю, из-за разницы в возрасте.

Клара хлопнула его по плечу.

– Да ладно! Ты не такой старый. Видала я и постарше.

– Я достаточно старый, – ответил Арчи, а потом, просто потому, что ему захотелось рассказать ей об этом, добавил: – Трудно поверить, но я чуть не умер сегодня.

Клара вскинула бровь.

– Да ну? Присоединяйся к нам. Сегодня здесь туча народа. Странная получилась вечеринка. Кстати, – она провела своими длинными пальцами по его лысине, – ты выглядишь просто круто для того, кто настолько приблизился к воротам рая. Хочешь совет?

Арчи живо кивнул. Он всегда был рад совету, любил выслушать чужое мнение. Вот почему он держал при себе монетку в десять центов.

– Пойди домой, отдохни. Каждое утро мир становится новым. Парень... жизнь не простая штука.

«Куда домой?» – подумал Арчи. Он отбросил старую жизнь и шел в неизвестность.

– Парень... – повторила Клара, хлопая его по спине. – Жизнь непростая штука.

Она еще раз издала долгий свист и грустно рассмеялась, и, если только он не совсем спятил, Арчи увидел тот же призывный взгляд – как у Дарии, – окрашенный грустью, разочарованием, как будто у нее не было особого выбора. Кларе было девятнадцать. Арчибальду сорок семь.

Через полтора месяца они поженились.

Глава 2. Зубки режутся

Однако Клара Боуден не взялась из ниоткуда. Пора сказать правду о красивых женщинах. Они не парят над ступеньками. Не опускаются, как полагали некогда, с небес исключительно на крыльях. Клара была из вполне определенного места. У нее имелись *корни*. Конкретнее, она была из Ламбета (с заездом на Ямайку), где с молчаливой отроческой послушностью сошлась с Райаном Топсом. Потому что до того, как стать красивой, Клара слыла уродиной. И до Клары с Арчи были Клара и Райан. С этим Райаном Топсом нельзя не считаться. Как хорошему историку необходимо учитывать наполеоновские амбиции Гитлера на Востоке, чтобы понять его нежелание вторгаться на Запад, в Британию, так Райан Топс нужен, чтобы разобраться в коренных причинах Клариных поступков. Без Райана не обойтись. Клара и Райан были вместе восемь месяцев, покуда Клару и Арчи не бросило навстречу друг к другу с разных концов лестницы. И, возможно, Клара не угодила бы в объятия Арчи Джонса, если бы не бежала со всех ног от Райана Топса.

Бедный Райан Топс. Вот уж у кого несчастная внешность. Тощий и очень высокий, страдающий плоскостопием, с рыжими волосами и таким количеством веснушек, что кожи между ними было почти не разглядеть, Райан мнил себя модом⁴. Носил дурно сидящие серые костюмы и черные водолазки с высоким воротом. Весь мир познавал радости электронного синтезатора, а Райан хранил верность маленьким людям с большими гитарами: Kinks, Small Faces, The Who⁵. Ездил Райан Топс на зеленом мотороллере «веспа джи эс», который он два раза в день полировал детской пеленкой, а на ночь прятал в специальный бокс из гофрированного железа. В представлении Райана «веспа» была не просто транспортным средством, но идеологией, семьей, другом и любовницей – воплощенными в одном образце инженерного искусства конца сороковых.

Вполне понятно, друзей у Райана Топса было мало.

Долговязая семнадцатилетняя Клара Боуден, свидетель Иеговы с торчащими зубами, разглядела в Райане родную душу. Будучи типичным женским паноптикумом подросткового возраста, она знала о Райане Топсе все, что полагалось знать, задолго до их первого разговора. Знала основное: та же школа (Общины Святого Иуды, Ламбет), тот же рост (182,5 см); знала, что, подобно ей, он не принадлежит ни к ирландским, ни римским католикам, что он – такой же островок в папистском океане школы Святого Иуды – оказался здесь, поскольку жил рядом, и что его так же презирали учителя и другие школьники. Она знала марку его мотороллера, читала названия выглядывавших из сумки пластинок. Знала о нем то, чего не знал он сам: например, что он Последний Мужчина На Земле. Таковой имеется в каждой школе, и в школе Святого Иуды, как во всяком другом учебном заведении, девочки тоже нашли, кому приспособить эту кличку. Допускались, конечно, и варианты:

Мистер *Ни* за какие коврижки

Мистер *Ни* за ради своей мамочки

Мистер *Ни* за мир во всем мире

Однако в целом ученицы школы Святого Иуды придерживались старых проверенных формулировок. Райан не слышал, о чем судачат школьницы в женских раздевалках, зато слышала Клара. Она знала, как честят объект ее страсти, и держала ухо востро – во время таких

⁴ Моды (mods) – в Британии начала 60-х годов – приверженцы музыкального стиля, определенного образа жизни и манеры одеваться. Моды носили вызывающие мини-юбки, вельветовые пиджаки безумных расцветок, водолазки с узким высоким воротом, ботинки на очень толстой подошве, сложные архитектурные головные уборы.

⁵ Английские рок-группы 60-х годов, отличавшиеся экзотическими сценическими образами и поведением.

разговоров среди пота, спортивных топиков и взмахов мокрых полотенец его акции падали ниже некуда.

– Господи, ты не слушаешь. Я говорю, а если бы он был *последним* человеком на земле!

– Я бы все равно не стала.

– Куда б ты делась!

– Но представь: весь гребанный мир разнесло бомбой, как Японию, так? И все привлекательные мужчины, все *наездники*, как твой Ники Лэрд, все они погибли. Поджарились до корочки. Остался только Райан Топс да кучка тараканов.

– По мне, лучше спать с тараканами.

По непопулярности в школе Святого Иуды Райан мог сравниться разве что с Кларой. Отправляя Клару в первый раз на занятия, мать засунула ей в сумку две сотни экземпляров «Сторожевой башни» и напутствовала на труды во славу Господа «в этом логове дьявола». Изо дня в день Клара, опустив голову, слонялась по школе и совала всем журналы, бормоча «Да спасет вас Иегова»; высоченная чернокожая миссионерка в гольфах пыталась обратить шестьсот католиков в свидетелей Иеговы – в школе, где подвергали остракизму за чересчур заметный прыщ, это равнялось социальной прокаженности.

Итак, Райан был красный как рак. А Клара – черная как трубочист. О веснушках Райана грезил каждый любитель дартса. Клара же могла обкусать яблоко передними зубами, ни разу не коснувшись его языком. Этого им не прощали даже католики (а ведь католики дают прощение примерно так же, как политики дают обещания, а шлюхи попросту дают); даже святой Иуда, которому с первого века вменили в обязанность помогать людям в безнадежных делах (должно быть, сыграло свою роль имя), не решался здесь вмешаться.

Каждый день в пять часов, когда Клара сидела дома над Евангелиями или над сочинением брошюры о мерзостях языческого кровосмешения, Райан Топс, возвращаясь к себе, проносился на мотороллере мимо ее открытого окна. Гостиная Боуденов помещалась ниже уровня мостовой, к тому же обзору мешали решетки на окнах. Обычно Клара видела ноги, колеса, выхлопы проезжающих машин, мелькающие зонты. Но ей хватало и таких обрывочных впечатлений; живое воображение расцветивало грустью обтрепанные кружева, штопаные носки, знававшие лучшие времена сумки с длинными ручками. Однако ничто не трогало ее так, как вид удаляющейся выхлопной трубы его мотороллера. Не умея назвать возникающее у нее при этом тайное урчание внизу живота, она звала его Духом Господним. Кларе казалось, что ей каким-то образом предстоит спасти язычника Райана Топса. Она хотела прижать этого парня к своей груди и не отпускать, ограждая от вездесущих искушений, пока не придет день его спасения. (Но не было ли у нее где-то пониже живота – где-то в запретных глубинах – бессознательной надежды, что Райан Топс спасет *ее*?)

* * *

Стоило Гортензии Боуден застать дочь у забранного решеткой окна, где та мечтательно прислушивалась к затихающему шуму мотора, держа на коленях *Новую Библию*⁶, которую листал ветер, – она вперяла взгляд в пространство над ее головой и призывала вспомнить о том, что только 144 тысячи свидетелей Иеговы будут допущены к престолу Божьему в Судный день. И среди помазанников не сыщется места для всяких гадких типов на мотоциклах.

– Можно попытаться его...

⁶ Свидетели Иеговы признают собственный перевод Библии – анонимный «Перевод Нового Мира».

– Некоторые люди, – фыркала Гортензия, – успели столько всего нагрешить, что *поздно* им появляться пред очами Иеговы. Эту честь надобно заработать. Преданностью и ревностным служением. *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.* Матфей 5:8. Так ведь, Даркус?

Даркус Боуден, отец Клары, вонючий, слюнявый, отживающий свой век старик, похоронил себя в кишасшем паразитами кресле и никогда с него не вставал, даже в туалет (благо катетер давал ему такую возможность). В Англию Даркус приехал четырнадцать лет назад и все эти годы провел перед телевизором в дальнем углу гостиной. Первоначально задумывалось, что в Англии он подкопит денег и вызовет к себе Клару и Гортензию. Однако по приезде Даркуса Боудена сразила загадочная болезнь. Физических симптомов этой болезни не смог обнаружить ни один врач; она проявлялась в чудовищной апатии, породившей в Даркусе – который, сказать по правде, и так не страдал избытком энергии – необоримую привязанность к пособию по безработице, креслу и каналам британского телевидения. В 1972 году Гортензия, разозленная четырнадцатилетним ожиданием, решила своими силами перебраться в Англию. Сил Гортензии было не занимать. Заявившись на порог с Klarой, девицей шестнадцати лет, она в ярости сокрушила дверь и – как донесла молва до Сент-Элизабета⁷ – устроила Даркусу Боудену настоящее словесное бичевание. Кто говорит, что экзекуция длилась четыре часа, а кто утверждает, что она цитировала Библию весь тот день и следующую ночь. Наверняка можно сказать одно: после этого Даркус еще глубже забился в кресло и сидел там, горестно глядя в телевизор, который так хорошо понимал его и поддерживал (простейшая и невиннейшая страсть), и лишь изредка из его глаза вытекала слеза и застывала в выемке под глазом. И тогда он говорил *хм*.

Даркус только и говорил всегда, что *хм*, впрочем, большего от него и не требовалось. Спроси его о чем угодно в любое время дня или ночи, мучай расспросами, веди беседу, умоляй, объясняйся в любви, бросайся обвинениями или оправдывай его – ответ будет один.

– Я говорю: так ведь, Даркус?

– *Хм*.

– Если, – продолжала Гортензия, получив невнятное одобрение Даркуса и снова обращаясь к Кларе, – и нужно тебе о какой душе заботиться, так не о душе того парня. Сколько тебе толковать: на мальчишек времени нету!

Время для Боуденов несло стремительно. Шел 1974 год, Гортензия готовилась к концу света, дату которого заботливо отмечал в домашнем календаре синий кружок: 1 января 1975 года. Не одни Боудены на этом помешались. Вместе с Гортензией конца света ожидали восемь миллионов свидетелей Иеговы. Солидная, хоть и странноватая компания. Гортензия, секретарь ламбетского Зала Царств⁸, получила персональное письмо с уведомлением о точной дате события за факсимильной подписью Уильяма Дж. Рэйнджфорга из главного отдела Общества Сторожевой башни в Бруклине, США. Наступление конца света *официально* подтверждали тисненные золотом буквы, и Гортензия не упустила случая купить для письма симпатичную рамку из красного дерева и поставить его на салфеточке на телевизор между спешашей на бал стеклянной Золушкой и чехлом на чайник с вышитыми десятью заповедями. Спросила, нравится ли рамка Даркусу. Тот одобрил: *хм*.

Близился конец света. Тут уж конфуз 1914 и 1925 годов не повторится – пусть ламбетская община свидетелей Иеговы не сомневается. Обещали намотать кишки грешников на стволы деревьев – и на этот раз действительно наматывают. Долгие годы ждали, когда реки крови затопят уличные канавы, – и жажда эта будет утолена. Время пришло. Это правильная, единственно правильная дата, все прежние даты возникали просто из-за ошибки в расчетах: то прибавить

⁷ Сент-Элизабет – один из 14 округов Ямайки с центром в городе Блэк-Ривер.

⁸ Залы Царств – места для совместных воскресных встреч и проповедей Свидетелей Иеговы (они не употребляют слова «церковь»).

забывали, то отнять, то держать в уме единицу. Но время пришло. Дело верное: 1975 год, 1 января.

Гортензия, разумеется, очень обрадовалась. В первое утро нового, 1925 года она плакала, как дитя, когда проснулась и обнаружила, что вместо града, клубов серы и вселенского разрушения продолжается обычная жизнь, автобусы и трамваи ходят по расписанию. Значит, прахом пошла беспокойная, дерганая ночь, ожидание того, что те соседи, которые так и не прислушались к предостережениям, будут пожраны чудовищным пламенем, и отделится их кожа от их костей, и расплавятся глаза в глазницах, и сгорят заживо дети, сосущие материнскую грудь... столько ваших соседей умрут в тот день, что их уложенными в ряд телами можно будет триста раз обвить Землю, и по их обугленным останкам истинные Свидетели Иеговы пойдут вослед Господу.

«Набатный колокол», выпуск 245

Как горько она разочаровалась! Но раны 1925 года зажили, и опять Гортензия была готова поверить словам мистера Рэйнджфорта, настоящего святого, что до Апокалипсиса рукой подать. Для поколения 1914 года оставалось в силе обещание: *Истинно говорю вам: не преидет род сей, как все сие будет»* (Матфей, 24:34). Те, кто успел родиться до 1914 года, доживут до Армагеддона. Им обещано. Гортензия родилась в 1907 году и теперь превратилась в старую и уставшую женщину; ее ровесники мерли, как мухи. Похоже, 1975 год был ее последним шансом.

Разве двадцать лет двести лучших умов церкви не изучали Библию – прежде чем единодушно назвать эту дату? Они читали между строк пророка Даниила, искали скрытые смыслы у Иоанна Богослова и установили, что именно о восточных войнах (Корейской и Вьетнамской) говорил ангел: «в продолжение времени, времен и полвремени». У Гортензии не было сомнений: это самые верные знаки. Счет шел на дни. До конца света оставалось восемь месяцев. В обрез! А ведь надо делать плакаты, писать статьи («Простит ли Господь онанистов?»), ходить по домам, звонить в звонки. И о Даркусе надо подумать: он самостоятельно до холодильника дойти не может, как же он войдет в царство Божие? Клара, в конце концов, обязана помочь; тут не до мальчиков, не до Райана Топса, праздношатаний и подростковой смуты. Потому что Клара не обычная девочка. Она – Божие дитя, дарованное Гортензии чудесным образом. Гортензии было уже сорок восемь, когда однажды утром, в 1955 году, потроша рыбу в Монтего-Бэй⁹, она услышала глас Господний. В сей же миг она отшвырнула марлина, вскочила в троллейбус и помчалась домой, чтобы предаться нелюбимейшему своему занятию и зачать обещанного Им ребенка. Зачем же Господь так медлил? Он хотел явить Гортензии чудо. Гортензия сама была дарованным ребенком: в разгар кингстонского землетрясения¹⁰ 1907 года, когда вокруг все только и делали, что умирали, в их семье случилось чудо. Гортензия так это понимала: если уж она пришла в мир во время землетрясения, когда кварталы Монтего-Бэй уходили под воду, а с гор текла огненная лава, ее слово – закон. Она любила повторять: «Труднее всего родиться. Все остальное пустяки». И поскольку Клара уже *здесь* и вполне может ходить по домам, участвовать в обрядах, писать речи и жить многочисленными нуждами церкви Свидетелей Иеговы, нечего ей отлынивать. Не до мальчиков теперь. Для этого ребенка работа только начинается. Подумаешь, Апокалипсис наступает до дня ее двадцатилетия, по мнению Гортензии, рожденной в разгар крушения Ямайки, – это не причина для лени.

Странно, но именно по делам Господним Клара случайно столкнулась нос к носу с Райаном Топсом – вероятно, тому виной хрестоматийная любовь Иеговы к неисповедимости. Однажды в воскресенье молодежь ламбетского Зала Царств отправилась по домам соседей,

⁹ Второй по величине город Ямайки, известный курорт.

¹⁰ Кингстон – столица Ямайки.

чтобы *отделять овец от козлищ* (Матфей, 25:31-46), и Клара, не выносившая кособокие галстуки и вкрадчивые голоса молодых людей из их общины, ушла с чемоданчиком на Крайтон-роуд. В первых нескольких домах, куда она позвонила, ее встретили привычные страдальчески сморщенные лица: милые женщины очень вежливо избавлялись от нее, держась на расстоянии, чтобы, не дай бог, не подхватить религию, как заразную болезнь. Чем беднее были дома на улице, тем агрессивнее становилась реакция; из окон или из-за закрытых дверей доносились выкрики:

– Свидетели Иеговы, черт бы их подрал? Пусть катятся куда подальше!

Некоторые были изобретательнее:

– Извини, дорогуша, ты знаешь, какой сегодня день недели? Воскресенье, так? Я устал. Я всю неделю создавал сушу и океаны. Сегодня я отдыхаю.

В доме № 75 она битый час слушала четырнадцатилетнее светило физических наук по имени Колин, который, оглаживая взглядом ее юбку, пытался логическими доводами разубедить ее в существовании Бога. Потом она позвонила в дом № 87. И Райан Топс сказал:

– Да?

Криво ухмыляясь, он стоял перед ней во всем своем великолепии – рыжая копна и черная водолазка с высоким воротом.

– Я... я...

Она отчаянно пыталась забыть, что на ней белая блузка с гофрированным воротником и шотландка до колена с поясом, заявлявшим гордо: «Господь близко».

– Тебе чего? – яростно затянувшись гаснущей сигаретой, спросил Райан. – Или чего другого?

Клара улыбнулась во все свои торчащие зубы и перешла на автопилот:

– Доброе утро, сэр. Я из местного Зала Царств, мы, свидетели Иеговы, ждем, когда Господь снова подарит нас своею милостью и придет к нам, как Он уже делал на короткое время – только, к сожалению, невидимо – в 1914 году от Своего Рождества. Но мы верим, что теперь уж Он нам явится. Он сойдет на Армагеддон в тройном огне ада, и в тот день спасутся немногие достойные. Хотите узнать...

– Чего?

Клара была готова разрыдаться, но не отступала.

– Хотите узнать об учении Иеговы?

– О чем?

– Об учении Господа нашего Иеговы. Ну это как лестница. – В качестве последнего средства Клара всегда прибегала к метафоре своей матери о святых ступенях. – Вот вы идете вниз по лестнице, а у вас под ногами нет ступеньки. И я просто предупреждаю вас: берегись! Просто хочу привести вас на небеса. Не хочу, чтоб вы ноги себе переломали.

Привалившись к дверному косяку, Райан Топс долго смотрел на нее из-под рыжей челки. Клара почувствовала, что складывается под его взглядом, как телескоп. Еще немного, и она бы наверняка исчезла вовсе.

– Есть некоторые материалы для почитать... – Она неловко раскрыла свой чемоданчик, не спуская пальца с замка, но низ чемодана не придержала. Пятьдесят экземпляров «Сторожевой башни» разлетелись по ступеням.

– Сядь все из рук валится! – Она поспешно плюхнулась за ними на землю и оцарапала левую коленку. – Ой!

– Тебя зовут Клара, – произнес Райан. – Ты из нашей школы.

– Да, – сказала Клара, забывшая о боли от ликования: он помнит ее имя! – Из Святого Иуды.

– Я в курсе, как она называется.

Клара покраснела так, как только умеют краснеть чернокожие, и уставилась в пол.

– Безнадега. Все эти святые дела, – сказал Райан, украдкой вытаскивая что-то из носа и стряхивая в цветочный горшок. – Взять хоть ИРА. Или еще кого.

Он еще раз прошелся взглядом по высоченной фигуре Клары, потратив невероятное количество времени на изучение внушительной груди и сосков, проступивших сквозь белую синтетику.

– Да ты лучше входи, – наконец сказал он и скосил глаза на ободранную коленку. – Приложим чего-нибудь.

И была тайная возня на кушетке Райана (гораздо более результативная, чем можно было ожидать от верующей христианки), и старый покерщик дьявол легко выиграл еще одну партию у Господа Бога. Были щипки, кувырки и барахтания; и не успел школьный звонок известить об окончании понедельничных занятий, как новость о Райане Топсе и Кларе Боуден (во многом благодаря всеобщей к ним неприязни) облетела почти всю школу Святого Иуды; на здешнем лексиконе это называлось «гулять» друг с другом. Могла ли Клара грезить об этом даже в самых жарких своих ювенильных мечтах?

Впрочем, выяснилось, что «гуляние» с Райаном сводится к трем основным пунктам (по порядку их значимости): восхищению мотороллером Райана, восхищению пластинками Райана, восхищению самим Райаном. Другим девушкам, возможно, свидания в гараже Райана, который вечно копался в моторе, без устали вохваляя его тонкую организацию, показались бы скучными, однако для Клары не было ничего упоительнее. Она быстро усвоила, что Райан патологически скуп на слова, а если о чем и говорит, то исключительно о собственной персоне: своих надеждах и страхах (все они касались мотороллера) – он был убежден, что они с мотороллером долго не проживут. По какой-то причине Райан впечатлился лозунгом конца пятидесятых: «Живи быстро, умри молодым», и хотя его мотороллер выжимал максимум 35 километров в час под горку, любил мрачно попросить Клару «не слишком увлекаться», потому как он здесь не надолго: «возьмет да и кончится с треском». Та представляла, как истекающий кровью Райан будет лежать в ее объятиях и под конец признается ей в своей бессмертной любви; воображала, как в память о своем моде станет год носить черные водолазки и закажет на похоронах «Закат на мосту Ватерлоо»¹¹. Необъяснимая нежность Клары к Райану не знала границ. Нежности этой не было дела, что Райан пугало и зануда с дурными привычками. В сущности, сам Райан ее тоже не волновал. Ибо Клара, что бы там ни говорила Гортензия, была обычной девчонкой; объект ее страсти являлся всего лишь приложением к собственно страсти, долгое время находившейся под запретом и теперь извергающейся, как вулкан. В последующие месяцы менялось сознание Клары, менялись ее одежда, походка, душа. Девочки по всему миру звали эти перемены Донни Осмондом¹², или Майклом Джексонем, или Bay City Rollers¹³. А Клара звала их Райаном Топсом.

Свиданий как таковых у них не было. То есть не было традиционных цветов и вечеринок, походов в кино или ресторан. Иногда, когда кончалась трава, Райан вел ее в большой сквот в Северном Лондоне, где осьмушка выходила дешевле и обкуренные люди, неспособные отличить лицо от салфетки, радовались тебе, как лучшему другу. Райан уютно устраивался в гамаке и после нескольких затяжек переходил от своего обычного односложного состояния к полной прострации. Не курившая Клара, сидя у его ног, смотрела на него с восхищением и пыталась участвовать в разговоре. Ей нечего было рассказать, не то что Мерлину, Клайву, Лео, Петронии, Ван-Си и остальным. Она не знала баек про трипы под ЛСД, полицейские облавы или марши на Трафальгарской площади. Однако Клара завела друзей. И, будучи девчонкой находчивой, развлекала эту разношерстную компанию хиппи, фриков, шизиков и отморозков иными

¹¹ «Закат на мосту Ватерлоо» (Waterloo Sunset) – популярная песня группы The Kinks.

¹² Один из участников американской семейной группы The Osmond Brothers.

¹³ Шотландская «мальчуковая» группа, популярная в Великобритании и США в конце 60–70-х годов.

страшилками: про адское пламя и вечные муки, про любовь дьявола к фекалиям, его страсть к сдиранию кожи, выжиганию глаз каленым железом и отрыванию гениталий, – все это Люцифер, изощреннейший из падших ангелов, приберегал для 1 января 1975 года.

Постепенно предмет по имени Райан Топс стал вытеснять мысль о Конце Света на задворки Кларинового сознания. В ее жизни появилось много других предметов, столько всего нового появилось! Она уже ощущала себя помазанницей, прямо здесь, в Ламбете, – мыслимое ли дело? Чем больше благодати нисходило на нее на земле, тем реже ее помыслы обращались к небу. Вообще-то в Кларинои голове не укладывалось это грандиозное просеивание душ. Столько людей не спасутся! Из восьми миллионов свидетелей Иеговы лишь 144 тысячи человек взойдут к Христу на небеса. Хорошие женщины и более-менее хорошие мужчины обретут рай на земле – это не какой-нибудь утешительный приз для неудачников, если все взвесить, однако, остается добрых два миллиона человек, которым не повезет. Плюс все язычники; все евреи, католики, мусульмане; бедные племена Амазонки, от жалости к которым Клара плакала, как дитя; столько людей не спасутся! Свидетели Иеговы гордятся, что в их учении нет ада – наказанием станет мука, непередаваемая мука последнего дня, а после смерть так уж смерть. Но Клару ужасала мысль, что «великое множество» будет наслаждаться земным раем на едва присыпанных землей изувеченных скелетах отверженных.

С одной стороны стояло громадное количество людей во всем мире, которые не читали «Сторожевую башню» (у некоторых даже не было почтового ящика), не имели возможности обратиться в ламбетскую общину, получить необходимые печатные материалы и стать на путь спасения. С другой стороны была Гортензия в железных бигуди, которая ночи напролет вертелась на простынях, предвкушая, как с небес на грешников польется серный дождь, особенно на женщину из дома номер 53. Гортензия пыталась было объяснить: «Те, которые умерли, не узнав Господа, воскреснут и получают ищо один шанс». Но пропорция-то не меняется, думала Клара. В книгах тоже нет гармонии. Уверовать трудно, потерять веру легко. На красных подушечках в Зале Царств все реже стали оставаться отпечатки Клариних колен. Она сняла пояс, перестала носить плакаты и раздавать брошюры. И про щербатую лестницу никому больше не говорила. Она распробовала наркоту, забыла про ступеньки и стала ездить на лифте.

1 октября 1974. Задержали после уроков. Оставили на сорок пять минут (на музыке сказала, что Роджер Долтри¹⁴ гениальнее Иоганна Себастьяна Баха), и в результате Клара опоздала на встречу с Райаном в четыре часа на углу улицы Линэн. Когда она вышла из школы, уже смеркалось и было жутко холодно; по гниющим осенним листьям она без толку обегала всю улицу Линэн. С содроганием Клара приближалась к родному дому, по пути давая Господу множество безмолвных обетов («я больше не буду заниматься сексом, не сделаю ни одной затяжки, не надену юбку выше колен») – только бы Он сделал так, чтобы Райан Топс, спасаясь от ветра, не позвонил в дверь ее матери.

– Клара! Не стой на холоде!

Таким голосом Гортензия обычно разговаривала при посторонних – с пасторами, например, или белыми женщинами, тогда речь ее становилась на удивление четкой.

Клара закрыла за собой входную дверь и, замирая от ужаса, прошла мимо Иисуса, который плакал (а потом перестал), через гостиную в кухню.

– Боже милостивый, ну чисто дрянь, которую кошка принесла с улицы, у?

– М-м, – отозвался Райан, с довольным видом уплетая акки¹⁵ и соленую рыбу за маленьким кухонным столом.

¹⁴ Роджер Долтри (Roger Daltrey) – певец, актер и телеведущий, лидер английской рок-группы The Who.

¹⁵ Плоды африканского плодового дерева, завезенного на Ямайку в XVII веке.

Клара застыла на месте, закусила нижнюю губу.

– Что ты здесь делаешь?

– Ха! – почти торжествующе воскликнула Гортензия. – Думаешь, от меня можно вечно прятать своих друзей? Парень заморозился, я его впустила, мы славненько поболтали, верно, молодой человек?

– М-м, да, миссис Боуден.

– Ну-ну, не надо делать такое испуганное лицо. Будто я его съесть собиралась или еще чего, а, Райан? – сказала Гортензия с таким довольным видом, какого раньше за ней не наблюдалось.

– Ага, – ухмыльнулся Райан. И оба они, Райан Топс и мать Клары, покатались со смеху.

Пожалуй, ничто так не убивает нежные чувства, как закадычная дружба любовника с матерью его возлюбленной. Вечера темнели и укорачивались, Райана все труднее было выудить из толпы, ежедневно, в три тридцать, возникавшей у школьных ворот, и расстроенная Клара долго шла домой – а дома, за кухонным столом, восседал Райан и оживленно болтал с Гортензией, поглощая изобильную снедь хозяйки Боуден: акки и соленую рыбу, вяленую говядину, цыплят с рисом и горохом, имбирные пироги и кокосовое мороженое.

Их беседа с глазу на глаз текла рекой, но стоило Кларе повернуть ключ в двери и дойти до кухни, совершенно иссякала. Словно застигнутые врасплох дети, они надувались, повисало неловкое молчание, а затем Райан извинялся и уходил. А еще она стала замечать, что они как-то по-особенному на нее смотрят – с жалостью, что ли, или снисхождением; мало того: они стали критиковать ее теперешнюю молодежную, яркую манеру одеваться, а сам Райан – что это с ним такое? – отказался от водолазок, в школе Клару избегал и *купил галстук*.

Разумеется, как мать о ребенке-наркомане или соседи о живущем под боком серийном убийце, Клара узнала обо всем последней. Когда-то она знала о Райане все – даже раньше его самого, – была эдаким райановедом. Теперь же ей пришлось подслушивать ирландок, которые утверждали, что Клара Боуден и Райан Топс больше *не* гуляют – нет-нет, между ними все кончено.

Если Клара и видела, что происходит, то старалась этому не верить. Когда она застала на кухне Райана, обложенного брошюрами, – и Гортензия поспешно сгребла их и засунула в карман фартука, – Клара *велела* себе об этом забыть. Не прошло и месяца, как Кларе, которой удалось уломать скорбного Райана покориться природе в неисправном туалете, пришлось зажмуриваться, дабы не видеть того, чего ей видеть не хотелось. Но он там был, и когда Райан наклонился к крану, блеснул серебряным огонечком, едва различимым в тусклом свете; невероятно, но факт – серебряный огонечек от маленького серебряного креста.

Невероятно, но факт. Именно так говорят о чудесах. Противоположности Гортензии и Райана каким-то образом встретились в своей логической перспективе, и точкой их пересечения в каком-то болезненном пространстве стала общая способность этих существ упиваться болью и смертью окружающих. Замкнулся волшебный круг: спасенный и не спасенный вдруг поменялись местами. Теперь Гортензия и Райан пытались спасти Клару.

– Садись.

Клара едва успела выйти из школы в сумерки, как прямо у ее ног затормозил мотороллер Райана.

– Клаз, садись.

– Ты лучше мамочку мою покатай.

– Пожалуйста, – сказал Райан, протягивая ей запасной шлем. – Эт важно. Надо поговорить. Времени мало.

– Чего так? – недовольно покачиваясь на высоченных «платформах», огрызнулась Клара. – Тебя ждут?

– Не только меня, но и тебя тоже, – пробормотал Райан. – Надеюсь, попадем, куда нужно.
– Нет.
– Пожалуйста, Клаз.
– *Нет.*
– Прощу тебя. Это важно. Вопрос жизни и смерти.
– Ну... ладно. Но эту штуковину я не надену, чтоб мне не напяливать, – она протянула ему шлем и уселась на мотороллер, – не буду прическу мять.

Райан привез ее через весь Лондон на Хэмпстед-Хит – самую вершину Парламент-Хилл – и, глядя с высоты на город, залитый болезненно-оранжевым флюоресцентом, туманным, осторожным, несвойственным ему языком изложил суть своего дела. Она заключалась в следующем: до конца света остался один месяц.

– И мы, в общем, мы вместе просто...

– Мы!

– Твоя мама... твоя мама и я, – мямлил Райан, – мы волнуемся. Нащел тебя. В те последние дни мало кто выживет. У тебя дурная компания, Клаз...

– Знаешь, – сказала Клара, качая головой и всасывая воздух сквозь зубы, – я в эти дела не верю. И это ведь твои друзья.

– Нет-нет. Больше нет. Травка... травка – зло. И все эти... Ван-Си, Петрония.

– Они мои друзья!

– Они плохие, Клара. Им сидеть бы дома, с родителями, а не одеваться как не знаю кто и не заниматься всякими делами с мужиками в том доме. И тебе тоже этого делать не стоит. И одеваться, как, как, как...

– Как кто?

– Как шлюха! – сказал Райан, выплюнув это слово с каким-то странным облегчением. – Как падшая женщина!

– Ну все, хватит... отвези меня домой, ты.

– Они получают по заслугам, – проговорил Райан, кивая себе и проводя рукой над Лондоном – от Чизика до Арчвея. – У тебя еще есть время. С кем ты хочешь быть, Клаз? С кем же? С теми 144 тысячами, что окажутся на небе, под предводительством Христа? Или с «великим множеством», в земном раю, который тоже по-своему хорош, но... Ты ж не хочешь оказаться среди тех, чья участь – мука и смерть, а? Я просто хочу отделить овцу от козлов, Клаз, овцу от козлов¹⁶. Это из Матфея. Я думаю, что ты овца, так ведь?

– Знаешь что, – отозвалась Клара, обходя мотороллер и усаживаясь на заднее сиденье. – Я козел. Мне *нравится* быть козлом. Я *хочу быть* козлом. Я лучше буду сгорать под серным дождем со своими друзьями, чем сидеть, зевая до слез, на небесах с Даркусом, матерью и тобой!

– Нельзя так говорить, Клаз, – торжественно произнес Райан и надел шлем. – Зря ты так. О себе подумай. Он нас слышит.

– А мне тебя слушать надоело. Отвези меня домой.

– Но это правда! Он нас слышит! – кричал через плечо Райан сквозь рев выхлопной трубы: они мчались вниз, набирая скорость. – Он все это видит! Он смотрит на нас!

– Смотри, куда едешь! – крикнула в ответ Клара, когда группка хасидов бросилась от них врассыпную. – Смотри за дорогой!

– Лишь немногие – так там сказано – лишь немногие. Все получают свое – так сказано во Второзаконии – все свое получают, и лишь немногие...

¹⁶ «Овцами» свидетели Иеговы называют всех обращенных в их веру, «козлами» – всех людей, не пожелавших стать свидетелями Иеговы.

В разгар просветительской экзегезы Райана Топса его прежний кумир, «веспа жжи эс», врезался в четырехсотлетний дуб. Природа победила самонадеянную инженерию. Дерево устояло; мотороллер погиб; Райана отшвырнуло в одну сторону, Клару – в другую.

В основе христианского учения и закона подлости (также известного как «закон Мерфи»¹⁷) лежит один и тот же принцип: *Случится то, что должно случиться*. Так что если человек роняет бутерброд и тот падает маслом вниз, эту неприятность следует трактовать как доказательство непреложной истины: «Нет счастья на земле»; упавший бутерброд еще раз подтверждает *вам*, господин Неудачник, факт, что мирозданием управляет невезение. Случайностей не бывает. Бутерброд никогда не падает как положено, а все по причине – следует вывод – закона подлости. Короче, закон подлости срабатывает для того, чтобы доказать вам, что есть такой закон. И все же, в отличие от закона притяжения, он не существует сам по себе: стоит только бутерброду упасть *как положено* – и закона подлости как не бывало. Так вот, когда Клара упала и выбила себе верхние зубы, а Райан поднялся без единой царапины, он знал: Бог предназначил его к спасению, а Клару решил не спасать. Подумаешь, на нем был шлем, а на Кларе не было. Если бы все вышло наоборот, если бы притяжение завладело зубами Райана и пустило их под горку с Примроуз-Хилл, будто эмалированные крошечные снежные комья, тогда... Бог наверняка выветрился бы из его головы.

А так Райан уверился окончательно. В канун Нового года он, сидя с Гортензией в гостиной посреди зажженных свечей, пламенно молился о спасении души Клары, а Даркус тем временем мочился через катетер и смотрел игру «Дети и родители»¹⁸ по первому каналу Би-би-си. Клара же натянула желтые клешы и красный топ на бретельках и отправилась на вечеринку. Она организовала вечеринку, нарисовала и повесила за окно плакат; вместе со всеми танцевала, курила и без ложной скромности ощущала себя королевой сквота. Но когда неизбежно полночь настала и минула, а всадник Апокалипсиса так и не появился, Клара, к своему удивлению, загрустила. Ибо избавиться от веры – как выпаривать соль из морской воды: что-то получишь, но что-то утратишь. И хотя друзья – Мерлин, Ван-Си и остальные – одобрительно хлопали ее по спине, мол, молодец, ни к чему этот бред про вечные муки и спасение, Клара втайне тосковала о теплом прикосновении, которого она ждала все эти девятнадцать лет, об уютных медвежьих объятиях Спасителя, Того, кто есть Альфа и Омега, начало и конец; этот человек избавил бы ее от безотрадного существования в ламбетском полуподвале. Что теперь Кларе оставалось? Райан найдет себе другую забаву; Даркус переключится на другой канал; Гортензия уверует пуще прежнего в другую дату и снова станет распространять брошюры. Но Клара-то не Гортензия.

Все же ее вера испарилась не до конца. Клара по-прежнему мечтала о пришествии Спасителя. Мужчины, который выберет ее среди других и возьмет с собой, дабы она могла *ходить с Ним в белых одеждах, ибо [она] достойна*. Откровение 3:4.

Поэтому, наверное, нет ничего удивительного в том, что когда Клара Боуден на следующее утро увидела у подножия лестницы Арчи Джонса, он показался ей не просто круглолицым белокожим коротышкой средних лет в плохо сидящем костюме. Клара увидела Арчи серозелеными глазами утраты: ее мир рухнул, вера, которой она жила, отступила, как волна во время отлива, и Арчи волей случая предстал перед ней героем шутки про последнего мужчину на земле.

¹⁷ «Законы Мерфи» Артура Блоха (1977) – сборник грустных юмористических афоризмов, суть которых можно выразить фразой «Улыбайтесь... завтра будет хуже».

¹⁸ Командная игра, в которой детям задаются вопросы о привычках и пристрастиях их родителей и наоборот.

Глава 3. Две семьи

Лучше вступить в брак, нежели разжигаться, говорится в Первом послании к Коринфянам, глава седьмая, стих девятый.

Хороший совет. И, конечно, Послание к Коринфянам сообщает нам: «Не заграждай рта у вола молотящего»,¹⁹ – вот и попробуй разберись.

К февралю 1975-го Клара оставила церковь и библейский буквализм ради Арчибальда Джонса, но не стала беспечным атеистом, который может смеяться перед алтарем или совершенно игнорировать учение святого Павла. Второе изречение не представляло сложности – у Клары не было быка, так что ее это не касалось. Но из-за первого она проводила бессонные ночи. Было ли лучше вступить в брак? Даже с язычником? Трудно сказать: теперь она лишилась поддержки, живет без страховки. Еще больше, чем Бог, ее беспокоила мать. Гортензия была категорически против их отношений, в большей степени из-за разницы в цвете, чем из-за разницы в возрасте, и, узнав обо всем, в одно прекрасное утро не пустила дочь на порог.

Но Клара чувствовала, что в душе ее мать предпочитает, чтобы она вышла замуж за неподходящего человека, чем жила в грехе, поэтому они так поспешно поженились, и Клара попросила Арчи увезти ее как можно дальше от Ламбета, насколько ему позволят средства – в Марокко, в Бельгию, в Италию. Арчи взял ее за руку, кивнул и прошептал какую-то ласковую чепуху, отлично сознавая, что средства не позволят ему уехать дальше недавно приобретенного в ипотеку двухэтажного дома в Уиллзден-Грин. Но он понимал, что сейчас не стоит сообщать ей об этом, по крайней мере, не в такую нежную минуту. Со временем она все равно разочаруется.

Со временем, а точнее, через три месяца, Клара разочаровалась, и вот они переезжают. Арчи медленно взбирается по ступенькам, как всегда, ругается и чертыхается, изнемогая под тяжестью коробки – Клара легко могла бы перенести две и даже три таких за раз; Клара, устроив себе перерыв, жмурится на ласковом майском солнышке и пытается понять, что же наделала. Она сняла свитер и осталась в фиолетовой маечке, прислонилась к воротам. *Что* это за место? В том-то и дело – никогда не знаешь *наверняка*. Она ехала в кабине фургона с их мебелью, и все вокруг казалось безобразным, нищим и знакомым (хотя здесь и не было «Залов Царств» и епископальных церквей), но вот они свернули и вдруг оказались среди деревьев, прекрасных дубов, дома стали выше, шире и не жались друг к другу, тут были парки, библиотеки. А потом вдруг, как по мановению волшебной палочки, деревья пропали, снова пошли автобусные останки, одноэтажные домишки, понастроенные вкривь и вкось напротив полузаброшенных торговых рядов, как обычно включающих:

одну заколоченную закусочную, до сих пор предлагающую завтрак;

одну мастерскую слесаря, не заинтересованного в изысках маркетинга (ДЕЛАЕМ КЛЮЧИ);

и одну вечно закрытую парикмахерскую, гордо украшенную каким-нибудь невообразимым каламбуром (НАТУРАЛЬНАЯ ХИМИЯ или УКЛАДЫВАЕМ, ВЫТЯГИВАЕМ, ОБРЕЗАЕМ, или ВОЛОСЫ: СЕГОДНЯ ЕСТЬ, ЗАВТРА – НЕТ).

Это напоминало лотерею: едешь, смотришь и не знаешь, где придется провести жизнь, среди деревьев или среди дерьма. Наконец фургон остановился перед домом, *красивым* домом где-то между деревьями и дерьмом, и Клара почувствовала, как ее накрывает волна благодарности. Красивый, не такой красивый, как ей хотелось, но и не такой ужасный, как она боялась; с двумя садиками: один перед домом, другой за ним – с ковриком у двери, звонком и туалетом *не на улице*... И за все это она заплатила совсем недорого. Только любовью. Просто любовью.

¹⁹ Первое послание к Коринфянам, глава 9, стих 9.

Что бы там ни говорили «Коринфяне», любовью расплачиваться не так уж и тяжело, особенно если любви не было. Она не любила Арчи, но с первого же мгновения на лестнице решила посвятить ему свою жизнь, если он заберет ее отсюда. Вот он ее забрал; и несмотря на то, что это, конечно, не Марокко, не Бельгия и не Италия, тут *красиво*, не земля обетованная, но красиво, она еще никогда не жила в таком красивом месте.

Клара понимала, что Арчибальд Джонс – не романтический герой. Ее достаточно убедили в этом три месяца, проведенные в вонючей комнатенке в Криклвуде. Он иногда мог быть любящим и даже обаятельным, по утрам насвистывал чистую, прозрачную мелодию, водил машину спокойно и ответственно и, как ни удивительно, довольно хорошо готовил, но романтика была не для него, страсть немыслима. И если уж ты оказалась связанной с таким человеком, думала Клара, он, по крайней мере, должен быть всей душой привязан к тебе, твоей красоте, твоей молодости, – это самое меньшее, что он может сделать, чтобы компенсировать свои недостатки. Но только не Арчи. Всего через месяц после свадьбы у него появился тот странный мутный взгляд, который говорит о том, что мужчина смотрит сквозь тебя. Он снова вернулся к своей холостяцкой жизни: пиво с Самадом Икбалом, ужин с Самадом Икбалом, воскресные завтраки с Самадом Икбалом, каждую свободную минуту они проводили в этом проклятом месте, «О’Коннелле», в этом проклятом кабаке. Она пыталась быть разумной. Она спрашивала: *Почему тебя никогда нет дома? Почему ты все время с этим индийцем?* Но он только похлопает ее по плечу, чмокнет в щеку, схватит пальто – и за порог с вечным ответом: *Мы с Сэмом? У нас же общее прошлое.* С этим не поспоришь. Их прошлое началось раньше, чем она родилась.

Да, Арчибальд Джонс – не прекрасный принц. Ни целей, ни надежд, ни амбиций. Человек, чья единственная радость – завтраки с Самадом Икбалом и наборы «Сделай сам». Скучный человек. *Старый*. И все же... хороший. Арчи – *хороший* человек. *Хороший* мало что дает, *хороший* не освещает жизнь, но это уже кое-что. Еще тогда, при первой встрече на лестнице, она поняла это – легко и сразу, – так же, как на Брикстонском рынке она могла выбрать хорошее манго, даже не прикасаясь к нему.

Вот о чем думала Клара, когда стояла, прислонясь к воротам своего дома, через три месяца после свадьбы и молча разглядывала своего мужа: лоб морщинится и сжимается, будто аккордеон, живот нависает над ремнем, словно у беременной женщины. Она видела белизну его кожи, синеву его вен, жилы, выступающие на шее, а это (как говорят на Ямайке) свидетельствуют о том, что время мужчины истекает.

Клара нахмурилась. На свадьбе она не заметила этих недостатков. Почему? Он улыбался, на нем был белый джемпер, но нет, дело не только в этом – просто она тогда не старалась их увидеть, вот в чем дело. Большую часть дня своей свадьбы Клара провела, глядя на свои ноги. Был жаркий день, 14 февраля, удивительно теплый, им пришлось долго ждать, потому что все хотели именно сегодня пожениться в маленьком здании на Ладгейт-Хилл. Клара вспоминала, как она сбросила крошечные коричневые туфли на каблуках, поставила ноги на прохладный пол, стараясь не заступить на черные стыки между кафельными плитками, и загадала: если удастся удержать равновесие, то она будет счастлива в браке.

В это время Арчи вытер пот с верхней губы, проклиная настойчивый солнечный луч, который заставлял тонкие струйки соленой воды сбегать по его ногам. Он решил вступить в свой второй брак в кашемировом костюме и белом джемпере – и то и другое доставляло неприятности. Ручейки пота стекали по всему его телу, насквозь пропитывали джемпер, а потом кашемир, и от Арчи исходил запах мокрой собаки, который ни с чем не спутаешь. Клара, конечно, была похожа на кошку. Коричневое шерстяное платье от Джеффа Бэнкса, идеальные вставные зубы. Платье с глубоким вырезом на спине, зубы белые, и создается впечатление, что перед вами представитель семейства кошачьих, пантера в вечернем платье; где заканчивалась шерстяная ткань, а где начиналась спина Клары, невооруженным глазом было не разобрать. И,

как кошка, она грелась в пыльном солнечном луче, который протянулся от высокого окна к ожидающим своей очереди парам. Она подставляла солнцу спину и, казалось, расцветала. Даже регистратор, который чего только не видал: женщины, похожие на лошадей, выходят замуж за мужчин, похожих на кротов; мужчины, похожие на слонов, женятся на дамочках, похожих на сов, – когда Арчи и Клара предстали перед ним, удивленно вскинул бровь, при виде такого противоестественного союза. Собака и кошка.

– Здравствуйте, отец, – сказал Арчи.

– Это же регистратор, Арчибальд, старая ты дубина, – вмешался его друг Самад Миа Икбал. Он и его жена Алсана были свидетелями. Все это время они провели в ссылке в комнате для гостей новобрачных, и только теперь их позвали. – А не католический священник.

– Да. Конечно. Извините. Нервничаю.

Сердитый регистратор сказал:

– Можно начинать? Много вас тут на сегодня.

Это практически все, что составило церемонию. Арчи дали ручку, и он написал свое имя (Альфред Арчибальд Джонс), национальность (англичанин) и возраст (47). Он немного помедлил, прежде чем заполнить графу «род занятий», потом остановился на «реклама (печатные проспекты)» – и расписался. Клара вписала имя (Клара Ифигения Боуден), национальность (с Ямайки) и возраст (19). Не найдя графы для рода занятий, она перешла прямо к решающей пунктирной линии, расписалась и выпрямилась: Джонс. Как тысячи людей до нее.

Потом они вышли на улицу, на ступеньки, где ветер поднимал конфетти, оставшиеся от предыдущих пар, и осыпал ими вновь прибывших. Здесь Клара впервые официально познакомилась со своими гостями – двумя индийцами, одетыми в лиловый шелк. Высокий красивый мужчина с белоснежными зубами, Самад Икбал, похлопывал ее по спине одной рукой, другая у него неподвижна.

– Знаете, это была моя идея, – без конца повторял он, – этот брак моя идея. Я знаю старину Арчи с... Когда это было?

– С 1945-го, Сэм.

– Да, вот я об этом и говорю твоей очаровательной жене, с 1945-го... а когда знаешь человека так долго и воевал с ним плечом к плечу, твой долг сделать его счастливым, если он еще не счастлив. А он не был счастлив! Даже совсем наоборот, пока ты не появилась! Просто в дерьме тонул, извиняюсь за мой французский. Слава богу, теперь-то *ее* упрятали. Единственное подходящее место для психбольной – рядом с такими же, как она, – начал Самад, но сбавил темп посреди предложения, так как Клара понятия не имела, о чем он говорил. – Ну, все равно, незачем теперь о... В общем, это все моя идея.

А еще была его жена Алсана, маленькая, с поджатыми губами, – казалось, она по какой-то неизвестной причине не одобряет Клару (хотя сама была всего на несколько лет старше). Алсана ничего не говорила, кроме «Да, миссис Джонс» и «Нет, миссис Джонс», из-за чего Клара нервничала и *стеснялась* настолько, что решила надеть туфли.

Арчи знал, что Кларе хотелось бы устроить большой прием, и расстраивался, что это не удалось. Но приглашать было больше некого. Все остальные друзья и родственники отклонили приглашение: некоторые сдержанно, другие с ужасом, третьи решили, что лучше ничего не отвечать, и всю последнюю неделю игнорировали почту и не отвечали на телефонные звонки. Свои наилучшие пожелания прислал только Ибельгауфс, которого не пригласили и которому не сообщили о свадьбе. И тем не менее, как это ни странно, с утренней почтой от него пришла открытка:

14 февраля 1975

Дорогой Арчибальд,

В бракосочетании есть нечто, что обычно пробуждает во мне мизантропа, но сегодня, когда я пытался спасти клумбу с петуниями от

увядания, я почувствовал необыкновенное тепло при мысли о соединении мужчины и женщины для вечной совместной жизни. Удивительно, что мы, люди, идем на такой подвиг. Но если серьезно, как ты знаешь, я человек, чья профессия – глубоко изучать Женщину и в качестве психиатра констатировать ее полное здоровье или наоборот. И я уверен, друг мой (продолжая метафору), что ты исследовал свою будущую супругу в этом смысле, то есть в плане умственном и духовном, и не нашел в ней никаких изъянов, так что мне ничего не остается тебе предложить, кроме сердечных поздравлений.

Твой честный соперник Хорст Ибельгауфс.

Какие еще воспоминания делают этот день уникальным, возвышают его над остальными тремястами шестьдесятю четырьмя днями, составляющими 1975 год? Клара помнила, как молодой чернокожий стоял на коробке из-под яблок, потел в черном костюме и взывал к милосердию братьев и сестер; как старая почтальонша достала гвоздику из урны и воткнула в волосы. Вот и все. Завернутые в бумагу бутерброды, которые приготовила Клара, томились на дне сумки, небо затянуло облаками, и когда они проходили мимо ехидных парней с Флит-стрит с кружками пива в руках, по пути к пабу «Король Лудд», оказалось, что Арчи выписали штраф за парковку в неположенном месте.

Поэтому Клара провела первые три часа замужней жизни в полицейском участке Чипсайда, с туфлями в руках, а ее спаситель нудно спорил с инспектором дорожного движения, который никак не хотел понять его тонкую интерпретацию воскресных правил парковки.

– Клара, Клара, милая...

Это Арчи, наполовину скрытый кофейным столиком, протискивался к двери.

– Сегодня вечером придут Икбалы, и я хотел навести в этом доме хотя бы приблизительный порядок... так что не стой, пожалуйста, на пути.

– Тебе помочь? – терпеливо спросила Клара, все еще не выходя из задумчивости. – Я могу принести что-нибудь, если...

– Нет, нет... я справлюсь.

Клара взялась за стол с одного края:

– Давай я...

Арчи попытался протиснуться в узкий дверной проем, стараясь удержать и ножки, и большое стекло, закрывавшее поверхность стола.

– Это мужская работа, милая.

– Но... – Клара взяла огромное кресло с легкостью, которой можно только позавидовать, и перенесла его туда, куда Арчи пытался его дотащить, когда выдохся и не смог поднять его по лестнице. – Без проблем. Если нужна помощь, только попроси. – Она нежно отерла его лоб.

– Да, да. – Он раздраженно сбросил ее руку, как будто смахнул муху. – Ты же знаешь, я сам могу...

– Знаю...

– Это мужская работа.

– Да, да, понятно, я не хотела...

– Послушай, Клара, милая, просто не мешайся, и я все сделаю, хорошо?

Клара смотрела, как он решительно закатывает рукава и снова пытается протиснуть столик.

– Если ты действительно хочешь помочь, дорогая, можешь пока переносить свою одежду. Боже мой, ее там столько, что можно потопить целый линкор. Как мы ее разместим в таком маленьком доме, просто ума не приложу.

– Я уже говорила... мы можем кое-что выкинуть, если хошь.

– Нет, это не мне решать, не мне решать, ведь так? Правда? А как насчет вешалки?

В этом он весь: не в состоянии принять решение, не в состоянии четко изложить свое мнение.

– Я гр'ла, если тебе не нравится, дай отошлем назад эту чертову штуку. Я ее купила, потому что думала, тебе понравится.

– Ну, милая, – начал Арчи, на этот раз осторожно, потому что она повысила голос, – это мои деньги, было бы неплохо хотя бы спросить мое мнение.

– Это всего лишь вешалка! Подумаешь, красная. Че тут такого? Красный – вполне нормальный цвет. С чего это ты так против него?

– Я просто пытаюсь, – ответил Арчи, понизив голос до хриплого, сдавленного шепота (любимое оружие супружеского арсенала: *Не при соседях / детях*), – сделать так, чтоб наш дом выглядел более *представительным*. Это хороший район, новая жизнь, понимаешь. Давай не будем спорить. Давай подбросим монетку: решка – она остается, орел...

Влюбленные ссорятся и в следующую секунду падают друг другу в объятия, любящие с более длительным стажем разойдутся по комнатам, или один из них уйдет на второй этаж, прежде чем раскается и вернется. В отношениях на грани разрыва один из партнеров успеет пересечь два квартала или окажется на две страны к востоку, прежде чем что-то остановит его, какое-то обязательство, какое-то воспоминание – тронет ли ребенок его руку, или что-то тронет тайную струну его сердца и заставит проделать долгий путь назад к своей второй половине. По такой шкале Рихтера Клара испытала только самые слабые толчки. Она отвернулась, сделала два шага к воротам и остановилась.

– Решка! – сказал Арчи, явно не расстроившись. – Она остается. Видишь? Совсем несложно.

– Я не хочу спорить. – Клара повернулась, приняв новое решение: она запомнит, что должна ему. – Ты сказал, на ужин придут Самад и Алсана? Я подумала... мож, ты хочешь, чтобы я приготовила им карри... в смысле, я могу готовить карри, но только так, как я готовлю карри.

– Бог мой, да они совсем не из *таких* индийцев, – сердито заметил Арчи. Его оскорбило, что она могла так подумать. – Сэм с удовольствием съест обычное воскресное жаркое, как всякий другой. Он только и делает, что подает индийские блюда, они надоели ему до смерти.

– Я просто уточнила, вдруг...

– Клара, прошу тебя!

Он нежно поцеловал ее в лоб, для чего ей пришлось немного наклониться.

– Я тысячу лет знаю Сэма, и его жена, по-моему, скромная женщина. Они не королевская семья. Они не из *таких* индийцев, – повторил он и покачал головой: его что-то беспокоило, какое-то сложное чувство, которое он не мог до конца объяснить.

* * *

Самад и Алсана Икбал, которые были не из «таких» индийцев (так же как для Арчи Клара была не из «таких» черных) и вообще были не из Индии, а из Бангладеш, жили через четыре квартала от них в плохом квартале в Уиллздене. Они потратили целый год, пытаясь перебраться сюда, целый год нещадно тяжелой работы, все для того, чтобы однажды переехать из плохого квартала в Уайтчепеле в плохой квартал Уиллздена. Целый год Алсана не отрывалась от старой швейной машинки «Зингер», поставленной на кухне, и сшивала кусочки черной синтетики для магазина в Сохо под названием «Доминейшн» (часто по ночам Алсана вертела в руках вещь, которую только что сшила по заданному образцу, и гадала, что бы это могло быть). Целый год Самад почтительно наклонял голову, держа карандаш в левой руке и слушая жуткое произношение британцев, испанцев, американцев, французов, австралийцев:

Кари Кури Ца и Рис, позалиста.

Фашоль ф шоусе, шпашыбо.

С шести вечера до трех утра; потом он весь день спал, солнечный свет стал для него такой же редкостью, как приличные чаевые. Какой смысл, думал Самад, забирая две крупные банкноты и счет, сверх которого обнаруживалось только пятнадцать центов, давать чаевых столько же, сколько не жалко бросить в фонтан, чтобы загадать желание? Но прежде чем у него могла возникнуть противозаконная мысль спрятать пятнадцать центов под накинутой на руку салфеткой, перед ним выросла тощая, как будто проволоочная, фигура Мухула. Ардашир Мухул, владелец ресторана, обходивший дозором свой «Палас», одним глазом благосклонно глядя на посетителей, другим – внимательно следя за персоналом, тотчас же накидывался на него.

– Саамаад, – у него была приторная, елейная манера говорить, – поцеловал ли ты сегодня нужный зад, брат мой?

Самад и Ардашир были дальними родственниками, Самад – старше на шесть лет. Какую радость (просто блаженство!) испытал Ардашир, когда в прошлом году, в январе, получил письмо, из которого явствовало, что его брату, который и старше, и умнее, и красивее, не удастся найти работу в Англии, так что не мог бы Ардашир...

– Пятнадцать центов, брат, – ответил Самад, раскрывая ладонь.

– Ну, ничего, это уже хорошо, это уже хорошо, – говорил Ардашир, и его бледные рыбы губы растягивались в тонкой улыбке. – В Горшок их.

Горшок был черной банкой с надписью «Балти», водруженной на постамент за туалетом для персонала; в нее складывали все чаевые, а потом делили в конце дня. По отношению к молодым, ярким, красивым официантам, таким как Шива, это было несправедливо. Шива был единственным индусом среди персонала – его взяли благодаря замечательным способностям, которые заслонили собой религиозные разногласия. Шива умел получать до пяти фунтов за вечер, если в углу одиноко сидела заплаканная, только что разведенная женщина, и ему удавалось эффектно взмахивать длинными ресницами. Кроме того, он умел выжимать деньги из режиссеров в свитерах с отложными воротничками и продюсеров («Палас» находился в районе театров, а это было время «Ройал Корта»²⁰, смазливых мальчиков и мелодрамы), которые льстили Шиве, провожали его взглядами, когда он, соблазнительно виляя задом, шел к бару и обратно, и клялись, что если кто-нибудь переложит для сцены «Поездку в Индию»²¹, Шива может получить в ней любую роль, какую только пожелает. Для него система Горшка – грабеж среди бела дня и оскорбление его исключительных способностей. Но такие, как Самад, которому под пятьдесят, и другие, старше его, такие, как восьмидесятилетний седовласый Мухаммед (двоюродный дедушка Ардашира), с глубокими морщинами у рта – следами улыбок молодости, – такие люди не могли жаловаться на систему Горшка. Для них было лучше бросить чаевые в общую кассу, чем прикарманить пятнадцать центов, рискуя быть пойманными (и лишиться чаевых за всю неделю).

– Вы все сидите на моей шее! – ворчал Шива, когда ему приходилось бросать в Горшок пять фунтов. – Вы все живете за мой счет! Снимите с моей шеи этих неудачников! Это была моя пятерка, а теперь ее разделят на шестьдесят пять чертовых миллионов частей и выдадут, как милостыню, этим неудачникам! Это что – коммунизм?

Остальные избегали его яростного взгляда и пытались сделать вид, что занимаются своими делами, пока однажды, в один из «вечеров пятнадцати центов», Самад не сказал: «Заткнись, парень», – тихо, почти шепотом.

²⁰ Театр «Ройял корт» – театр в Лондоне, где выступает «Английская театральная труппа» и ставит преимущественно пьесы современных английских и зарубежных авторов.

²¹ Роман Э.М. Форстера.

– Ты! – Шива резко повернулся к Самаду, сбросив огромную банку с чечевицей для завтрашнего дала. – Ты хуже всех! Ты самый говеный официант, какого я когда-либо видел! Ты не смог бы выбить чаевые, даже если бы грабил этих дебилов! Я слышал, как ты разговариваешь с посетителями: о биологии то, о политике это, – просто подавай еду, идиот, – ты, блин, официант, а не Майкл Паркинсон. «Вы, кажется, сказали Дели?» – Шива перебросил фартук через руку и стал прохаживаться по кухне (актер из него выходил скверный). – «Знаете, я и сам там был, Университет Дели, это было превосходно, да – я воевал, за Англию, да... да, да, прелестно, прелестно». Он ходил кругами по кухне, опуская голову и потирая руки, как Урия Хип, кланяясь и приседая перед шеф-поваром, старичком, который выкладывал большие сочные куски мяса в сумку-холодильник, перед мальчиком, чистившим духовку. – Самад, Самад... – проговорил он, изображая бесконечную жалость, потом вдруг остановился, надел фартук. – Ты такой жалкий человек.

Мухаммед оторвался от чистки горшков, покачал головой. Ни к кому особо не обращаясь, сказал:

– Молодежь... что говорят? Что говорят? Куда делось уважение? Что говорят?

– И ты заткнись. – Шива махнул половником в его сторону. – Ты старый идиот. Ты мне не отец.

– Трюродный брат дяди твоей матери, – пробормотал кто-то сзади.

– Наплевать, – ответил Шива, – плевать мне на это.

Он схватил швабру и направился к туалету, но остановился напротив Самада и придвинул ее деревянную ручку к самым его губам.

– Поцелуй, – усмехнулся он, а потом, изображая тягучую речь Ардашира, сказал: – Кто знает, брат мой, может быть, ты получишь прибавку!

И так почти всегда: Шивы и другие оскорбляют, Ардашир смотрит снисходительно, он совсем не видит Алсану, совсем не видит солнца, хватает пятнадцать пенсов, а потом отдает их и ему ужасно хочется повесить себе на грудь табличку, большой белый плакат:

Я НЕ ОФИЦИАНТ. Я БЫЛ СТУДЕНТОМ, УЧЕНЫМ, СОЛДАТОМ. МОЮ ЖЕНУ ЗОВУТ АЛСАНА, МЫ ЖИВЕМ НА ЗАПАДЕ ЛОНДОНА, НО ХОТЕЛИ БЫ ПЕРЕЕХАТЬ НА СЕВЕР. Я МУСУЛЬМАНИН, НО АЛЛАХ ОСТАВИЛ МЕНЯ, ИЛИ Я ОСТАВИЛ АЛЛАХА, НЕ ЗНАЮ. У МЕНЯ ЕСТЬ ДРУГ – АРЧИ – И ДРУГИЕ. МНЕ СОРОК ДЕВЯТЬ, НО ЖЕНЩИНЫ НА УЛИЦЕ ВСЕ ЕЩЕ ОБОРАЧИВАЮТСЯ. ИНОГДА.

Но за неимением такого плаката он стремился говорить с каждым и, как Старый Мореход, постоянно объяснять, постоянно пытаться кого-то убедить в чем-то, хоть в чем-нибудь. Разве не это самое главное? Но потом горькое разочарование: главное, самое главное, оказывается, – склонить голову, приготовить карандаш, главное – быть хорошим официантом, слушать, как кто-то говорит:

– Молодой ягненок с рисом. И с картошкой. Спасибо.

И пятнадцать пенсов звякнули о фарфор. Спасибо, сэр. Огромное вам спасибо.

* * *

Во вторник, после свадьбы Арчи, Самад подождал, пока все уйдут, аккуратно сложил белые брюки-кlesh (сделанные из той же ткани, что и скатерти) и поднялся по лестнице, ведущей в кабинет Ардашира, он хотел его кое о чем спросить.

– Брат мой! – сказал Ардашир с дружелюбной миной, увидев, как Самад робко высовывает голову из-за двери. Он знал, что Самад пришел просить прибавки, и хотел показать, что прежде чем отказать ему, обдумал дело со всей присущей ему благожелательностью.

– Войди, брат мой!

– Добрый вечер, Ардашир Мухул, – сказал Самад, уже целиком входя в комнату.

– Садись, не стой, – тепло предложил Ардашир, – Ни к чему эти церемонии.

Самад был рад этому. О чем и сообщил Ардаширу. Минуту он с ожидаемым от него восхищением разглядывал комнату: повсюду золото, толстый ковер, мебель в желто-зеленых тонах. Как можно было не восхищаться деловой хваткой Ардашира? Он взял за основу обычное представление об индийском ресторанчике (небольшой зал, розовые скатерти, громкая музыка, ужасные обои, блюда, о которых в Индии даже понятия не имеют, всевозможные соусы) и просто придал всему этому масштаб. Он ничего не усовершенствовал – все та же дрянь, только в большем объеме, расположенная в большом здании на Лестер-сквер – самой большой в Лондоне ловушке для туристов. Как можно было не восхищаться всем этим и человеком, похожим на какую-то благодушную саранчу, который сидит, погрузив свое узкое членистое тельце в черное кожаное кресло, облокотясь на стол и не переставая улыбаться – паразит под личиной филантропа.

– Брат мой, что я могу для тебя сделать?

Самад набрал в легкие воздуха. Дело в том, что...

Самад начал объяснять ему свое положение, и взгляд Ардашира тотчас же стал отстраненным. Его тощие ножки подергивались под столом, а в руках он вертел скрепку, превращая ее в букву А. «А» значит Ардашир. Дело в том, что... да, в чем дело? Все дело в доме. Самад переезжает из Восточного Лондона (где нельзя растить детей, да-да, конечно, нельзя, если не хочешь, чтобы их покалечили), из Восточного Лондона с его бандами Национального фронта, на север, на северо-запад, где все гораздо... гораздо... либеральнее.

Теперь пора ему говорить.

– Пойми же, брат мой... – заговорил Ардашир, сделав серьезное лицо, – ты должен понимать... я не могу покупать дома всем своим служащим, даже если они мои родственники... Я плачу зарплату, брат мой... Так устроен бизнес в этой стране.

Ардашир пожал плечами, показывая, что сам он совершенно не одобряет «бизнес в этой стране», но что поделаешь. Его вынуждают, говорил его взгляд, эти англичане вынуждают его зарабатывать такие бешеные деньги.

– Ты не понял, Ардашир. Я внес первый платеж за дом, теперь это *наш* дом, мы уже переехали...

Как это он умудрился? Его жена, наверно, работала как каторжная, думал Ардашир, доставая из нижнего ящика стола еще одну скрепку.

– Мне нужна только небольшая прибавка, чтобы свести концы с концами. Чтобы нам было немножко легче, пока мы обустраиваемся на новом месте. К тому же Алсана... она беременна.

Беременна. Это сложнее. Тут требуется тонкая дипломатия.

– Пойми меня правильно, Самад, мы с тобой люди культурные, откровенные люди, так что, думаю, я могу быть с тобой откровенным... Я знаю, что ты не *говеный* официант, – он прошептал бранное слово и снисходительно улыбнулся, как будто это было нечто пикантное и тайное, что их сближало, – я понимаю, в каком ты сейчас положении... само собой разумеется, я все понимаю... но и ты меня пойми... если я начну повышать зарплату всем родственникам, которые у меня работают, я пойду по миру, как какой-нибудь Ганди. Даже без ночного горшка. Буду прясть при свете луны. Вот например, сейчас этот кровопийца Жирный Элвис, мой шурин, – Хуссейн Ишмаэл...

– Мясник?

– Мясник. Требуется, чтобы я больше платил за его вонючее мясо! «Ну, Ардашир, мы же родичи!» – говорит он мне. А я ему говорю: но Мо, это же получается *розничная цена*...

Теперь взгляд Самада стал отстраненным. Он подумал о своей жене, Алсане, которая вовсе не была такой робкой, как он думал, когда они только поженились; он принесет плохие новости Алсане, у которой случаются приступы, даже припадки – да, настоящие припадки – дикой ярости. Его тети, братья, двоюродные братья и сестры – все считали, что это плохой знак, и опасались, что в семье Алсаны могло передаваться по наследству «какое-то душевное расстройство», они сочувствовали ему, как сочувствуют тому, кто купил краденую машину с подкрученным спидометром. Самад был настолько наивен, что думал: с молодой женой будет... легко. Но с Алсаной было не легко... совсем не легко. Значит, теперь так вот с этими девушками, решил он. Невеста Арчи... в прошлый вторник он понял по ее глазам, что она тоже не из тех, с кем легко. Такие теперь девушки.

Ардашир подошел к концу своей, как он полагал, замечательно сказанной речи. Довольный собой, он откинулся на спинку кресла и разместил на колене только что сделанную букву М, означавшую Мухул, рядом с уже готовой А, означавшей Ардашир.

– Спасибо, сэр, – сказал Самад. – Огромное вам спасибо.

В тот вечер разразился страшный скандал. Алсана сбросила на пол швейную машинку вместе с черными шипованными шортами, над которыми она сейчас работала.

– Бесполезно! Скажи мне, Самад Миа, зачем было переезжать сюда – в красивый дом, да-да, очень красивый, очень-очень, – если в нем нет еды?

– Это хороший район. У нас тут друзья.

– Какие еще друзья? – Она стукнула маленьким кулачком по кухонному столу, отчего баночки с солью и перцем подскочили и выразительно столкнулись в воздухе. – Я их не знаю! Ты воевал на старой, всеми забытой войне с каким-то англичанином... женатым на черной! Кому это они друзья? С такими людьми будет расти мой ребенок? С их детьми – черно-белыми? Но скажи мне, – закричала она, возвращаясь к своей любимой теме, – где еда? – Она открывала каждый шкафчик на кухне, театрально указывая на них рукой. – Где она? Мы можем съесть фарфоровый сервиз? – Две тарелки полетели на пол. Она похлопала себя по животу, чтобы напомнить о будущем ребенке, и ткнула пальцем в осколки: – Хочешь есть?

Самад, тоже любитель мелодраматических жестов, особенно если не он первый начал, рванул дверцу холодильника и выложил посреди кухни огромную гору мяса. Его мать по ночам готовила мясо для своей семьи, объявил он. Его мать, продолжал Самад, не тратила, как Алсана, все семейные деньги на полуфабрикаты, йогурты и консервированные спагетти. Алсана с размаху ударила его в живот.

– Самад Икбал – традиционалист! Может, мне еще стирать, стоя на карачках перед корытом посреди улицы? А? И, кстати, моя одежда – она съедобна?

Пока Самад хватался за живот, корчась от боли, она сняла с себя все, каждый клочок ткани, и водрузила одежду прямо на кучу замороженной баранины – куски, не пригодившиеся в ресторане. Несколько секунд она стояла перед ним совершенно голая, выставив на обозрение пока еще небольшой живот, потом надела длинное коричневое пальто и вышла из дома.

Но вообще-то, думала она, хлопывая за собой дверь, это правда: район красивый; она не могла это отрицать, несясь вдоль дороги мимо деревьев, тогда как раньше, в Уайтчепеле, она ходила мимо выброшенных матрасов и бездомных. В таком районе ребенку будет лучше, трудно это отрицать. Алсана была глубоко убеждена, что жить среди зелени детям полезно, а тут справа Гладстон-парк, зеленый массив, простиравшийся до самого горизонта и названный в честь либерального премьер-министра (Алсана была из почтенной бенгальской семьи и изучала английскую историю; но посмотрите на нее теперь, кто бы мог подумать, до каких глубин!), и, в либеральных традициях, это был парк без ограждения, в отличие от более богатого Королевского парка (королевы Виктории) с его остроконечным металлическим забором.

Трудно отрицать. Не то что Уайтчепел, где этот сумасшедший Инок Какой-то произносил речь, которая заставила их прятаться в подвале, пока дети били стекла ботинками с металлическими носами. Реки крови и все такое. Теперь, когда она беременна, ей нужны тишина и покой. Хотя в каком-то смысле здесь было то же самое, на нее странно поглядывали: маленькая индианка в макинтоше шагает вдоль дороги, и ее густые волосы развеваются по ветру. «Кебабы Мали», «Мистер Чонг», «Раджа», «Булочная Малковича», читала она незнакомые вывески. Она прощательна. Она понимает, что это значит. «Либеральный? Ерунда!» Люди тут все равно не более либеральны, чем везде. Просто здесь, в Уиллздене, слишком мало тех, кто может объединяться в банды и заставлять несчастных прятаться в подвале, когда окна разлетаются вдребезги.

– Выживание, вот что! – заключила она вслух (она обращалась к своему ребенку, ей нравилось говорить ему по одной умной мысли в день) и открыла дверь под вывеской «Старая обувь», от чего колокольчик над входом зазвенел. Здесь работала ее племянница Нина. Это была старомодная мастерская, где Нина ставила набойки на «шпильки».

– Алсана, ты выглядишь отвратительно, – крикнула Нина на бенгальском. – Что за дурацкое пальто?

– Не твое дело, вот что, – ответила Алсана по-английски. – Я пришла забрать туфли моего мужа, а не болтать с Позорной Племянницей.

Нина привыкла к такому обращению, а теперь, когда Алсана переехала в Уиллзден, Нине придется слышать это чаще. Раньше Алсана выражала свое негодование более длинными предложениями, например: «Ты не принесла нам ничего, кроме позора...» или «Моя племянница, навлекшая позор...», но теперь у Алсаны не было ни времени, ни сил, чтобы каждый раз производить впечатление, так что она сократила свои пыльные тирады до «Позорной Племянницы» – ярлык на все случаи жизни, суммировавший ее чувства.

– Видишь, какие подошвы? – спросила Нина, убирая с глаз светлую крашеную челку. Она достала с полки туфли Самада и протянула Алсане синий талончик. – Они были ужасно стоптанными, тетенька Алси, мне пришлось их чуть не заново сшить. Заново! Что он только в них делает? Бегает марафон?

– Работает, – сухо ответила Алсана, – и молится, – добавила она, потому что ей нравилось выставлять свою респектабельность, а кроме того, она действительно была традиционалисткой и очень религиозной – ей не хватало только веры. – И не зови меня тетенькой, я всего на два года старше тебя, – Алсана запихнула туфли в пакет и пошла к выходу.

– Я думала, молятся, стоя на коленях, – заметила Нина со смешком.

– И так, и так, а еще во сне, просыпаясь и на ходу, – отрезала Алсана, снова проходя под звонким колокольчиком. – Создатель всегда следит за нами.

– Как новый дом? – прокричала ей вслед Нина.

Но Алсана уже ушла; Нина покачала головой, глядя, как ее молодая тетя исчезла вдали, похожая на маленькую коричневую пулю. Алсана. Одновременно и молодая, и старая, думала Нина. Она казалась такой правильной, такой практичной в своем длинном практичном пальто, но создавалось впечатление...

– Эй, мисс! Спуститесь на землю, тут вас ждут туфли, – раздался голос из задней комнаты.

– Отвали, – огрызнулась Нина.

Алсана спряталась за угол почты и, сняв тесные босоножки, надела туфли Самада. (У Алсаны было странное сложение. Сама маленькая, а ноги – большие. Когда смотришь на нее, создается впечатление, что ей еще предстоит вырасти). Быстрым движением она завязала волосы в узел и поплотнее запахнула пальто, чтобы не задувал ветер. Затем пошла мимо библиотеки по зеленой улице, по которой еще никогда не ходила.

– Выжить, маленький Икбал, – снова повторила она своему животу. – Самое главное – выжить.

Вскоре она перешла дорогу, собираясь свернуть налево и вернуться на ту улицу, по которой двигалась раньше. Но тут, поравнявшись с большим белым фургоном и завистливо посмотрев на мебель, наваленную внутри, она вдруг узнала черную женщину. (Едва одетая! Прозрачная фиолетовая маечка, чуть ли не белье!) Она опиралась на ворота и мечтательно глядела перед собой в сторону библиотеки, как будто в этом направлении лежало ее будущее. Алсана не успела снова перейти дорогу, чтобы не попасться на глаза этой даме, – ее уже заметили.

– Миссис Икбал! – закричала Клара и помахала рукой.

– Миссис Джонс.

Обеим тотчас же стало стыдно своего вида, но, посмотрев друг на друга, они успокоились.

– Надо же, какое совпадение, Арчи? – проговорила Клара, произнося все звуки правильно. Она уже говорила почти без акцента и любила при случае практиковаться.

– Что? Что? – спросил из коридора Арчи, бившийся там со шкафом.

– Мы только что о вас говорили. Вы ведь сегодня ужинаете у нас, верно?

Черные всегда такие дружелюбные, подумала Алсана, улыбаясь Кларе, и автоматически занесла это маленькое «за» в список «за» и «против» этой девочки. Алсане нравилось из каждого социального меньшинства, которое она не любила, выделять один экземпляр для духовного оправдания. В Уайтчепеле было много таких заслуживших спасение. Мастер по педикюру мистер Ван – китаец, плотник мистер Сигал – еврей, Роза – доминиканка, которая постоянно к ним заходила, вызывая в Алсане недовольство и радость, и пыталась обратить ее в адвентиста седьмого дня, – все эти счастливицы получили высочайшее помилование и волшебным образом освободились от своей кожи, как индийские тигры.

– Да, Самад мне говорил, – ответила Алсана, хотя Самад ничего такого ей не говорил.

Клара просияла:

– Замечательно... замечательно!

Повисла пауза. Ни та ни другая не могла придумать, что сказать. Обе смотрели себе под ноги.

– Эти туфли, должно быть, очень удобные, – заметила Клара.

– Да, очень. Я много хожу. А теперь... – она похлопала свой живот.

– Ты беременна? – удивилась Клара. – Пусенька, такой маленький, совсем не видно.

Сказав это, Клара тут же покраснела; когда она была чем-то взволнована или обрадована, то опять начинала говорить с акцентом. Алсана только мило улыбалась, не совсем поняв, что та сказала.

– Кто бы мог подумать, – добавила Клара, несколько успокоившись.

– Боже мой, – проговорила Алсана с принужденной веселостью, – наши мужья что, ничего не говорят друг другу?

Но как только она это сказала, на двух юных жен снизошло озарение. Их мужья говорили друг другу все. И только своих жен держали в неведении.

Глава 4. Будет трое

Арчи был на работе, когда услышал новость: Клара на третьем месяце беременности.

– Не может быть, любимая!

– Может!

– Не может быть!

– Может! И я спросила у доктора, какой он будет: половина черный, половина белый и все такое. Он сказал, всякое может быть. Может быть даже, у него будут голубые глаза! Представляешь?

Арчи не представлял. Он не представлял, что какая-то частичка его борется в генетической лужице с частичкой Клары и *побеждает*. Но какая перспектива! Вот это будет здорово! Он пулей вылетел из офиса и помчался на Юстон-роуд за сигарами. Двадцать минут спустя Арчи с важным видом вернулся в «Морган Хироу», неся коробку индийских сладостей, и принялся обходить комнату.

– Ноэл, возьми тянучку. Вот эта очень вкусная.

Ноэл – младший сотрудник редакции – с подозрением заглянул в промасленную коробку:

– Это в честь чего?

Арчи хлопнул его по спине.

– У меня будет ребенок! С голубыми глазами, представляешь? Я праздную! Штука в том, что на Юстон-роуд можно купить четырнадцать видов дала, но ни за какие деньги не найдешь ни одной сигары. Давай, Ноэл? Как тебе вот эта?

Арчи вытащил бело-розовую конфету, распространявшую малопривлекательный аромат.

– Хм... мистер Джонс, это очень... Но я не очень люблю... – Ноэл сделал вид, что занимается своими папками. – Я лучше займусь...

– Ну, давай же, Ноэл. У меня будет ребенок. Мне сорок семь, и *у меня будет маленький ребеночек*. Это стоит отметить, разве нет? Бери... ты же ведь не пробовал. Откуси хоть кусочек.

– Просто эти пакистанские сладости не всегда... У меня некоторые проблемы с...

Ноэл похлопал себя по животу и сделал несчастное лицо. Несмотря на то что Ноэл работал в фирме, занимающейся рекламой, он терпеть не мог себя рекламировать. Причем саморекламой он считал любое ясно высказанное мнение. Ему нравилось быть посредником в «Морган Хироу». Он любил соединять телефонные звонки, пересказывать одному человеку, что сказал другой, пересылать письма.

– Черт побери, Ноэл... это всего лишь конфета. Дружище, я просто пытаюсь отпраздновать. Разве вы, хиппи, не едите сладкого или чего-то такого?

Волосы Ноэла были чуть длиннее, чем у всех, а однажды он купил ароматическую палочку и зажег ее в столовой. Офис у них маленький, говорить не о чем, потому-то эти два факта сделали Ноэла почти таким же великим хиппи, как Дженис Джоплин; точно так же Арчи считался белым Джесси Оуэнсом, потому что занял тринадцатое место на Олимпийских играх двадцать семь лет назад; у Гэри из бухгалтерии была бабушка-француженка и была привычка выпускать сигаретный дым через нос – он стал Морисом Шевалье; а Элмота, работавшего в одном отделе с Арчи, звали Эйнштейном – он мог отгадать две трети кроссворда в «Таймс».

Казалось, Ноэл расстроился.

– Арчи... Ты получил мою записку от мистера Хироу по поводу буклетов о...

Арчи вздохнул.

– О фонде будущих матерей. Да, Ноэл. Я сказал Элмоту, чтобы сделал перфорацию.

Ноэл посмотрел на него с благодарностью.

– Ну, тогда поздравляю с... Я займусь... – Ноэл отвернулся к своему столу.

Арчи отошел от него и решил попытать счастья с Морин, секретаршей. Для женщины ее возраста у Морин были неплохие ноги, похожие на сосиски, плотно затянутые в целлофан; вдобавок Арчи всегда ей немножко нравился.

– Морин, дорогая. Я стану отцом!

– Неужели, дорогой? Как я за тебя *рада*. Девочка или...

– Пока еще неизвестно. Но зато с голубыми глазами! – объявил Арчи, для которого эти глаза превратились из ничтожной генетической вероятности в непреложный факт. – Можешь ты в это поверить?

– Неужели с голубыми глазами, дорогой? – Морин говорила медленно, пытаясь помягче сформулировать свою мысль. – Я ничего не хочу сказать... но разве твоя жена не... *цветная*?

Арчи удивленно тряхнул головой.

– Конечно! У нас будет ребенок, гены смешиваются, и – голубые глаза! Чудо природы!

– О, да. Чудо, – сухо подтвердила Морин и подумала: «Чудо. Можно, конечно, сказать и так».

– Хочешь конфетку?

Морин засомневалась. Она похлопала по своим рыхлым розовым бедрам, затянутым в белые колготки.

– Арчи, дорогой, мне нельзя. Каждая конфетка сказывается на моих ногах и бедрах, понимаешь? Мы ведь не молодеем. Никто не в силах повернуть время вспять. Разве что Джоан Риверс, как это ей только удается?!

Морин залилась своим фирменным смехом, пронзительным и громким, но едва приоткрывая рот, потому что жутко боялась появления морщин вокруг рта.

Она скептически ткнула кроваво-красным ногтем в одну из конфет.

– Индийские?

– Да, Морин, – ответил Арчи с идиотской улыбкой. – Острые и сладкие одновременно. Прямо как ты.

– О Арчи, *какой ты!* – печально сказала Морин. Арчи ей *немножко* нравился, но только *немножко*, из-за его странной манеры разговаривать с пакистанцами и карибцами, как будто даже не замечал, что они другой национальности, а теперь еще взял и женился на негритянке и даже не подумал упомянуть о цвете ее кожи. Морин чуть не подавилась салатом из креветок, когда эта женщина появилась на корпоративной вечеринке, черная как бог знает что.

Морин перегнулась через стол, чтобы ответить на телефонный звонок.

– Мне не хочется, Арчи, дорогой...

– Угощайся. Ты не знаешь, от чего отказываешься.

Морин слабо улыбнулась и взяла трубку.

– Да, мистер Хироу, он здесь, он только что узнал, что станет папой... да, и у ребенка будут голубые глаза, по всей вероятности... да, вот и я то же сказала, что-то там с генами, кажется... да, да, конечно... Я ему скажу. Я пришлю его... О, *спасибо*, мистер Хироу, вы *так добры*. – Морин прикрыла трубку рукой с длинными ногтями и театральным шепотом обратилась к Арчи: – Арчибальд, дорогой, мистер Хироу хочет с тобой поговорить. Он сказал, срочно. Ты был непослушным мальчиком, да?

– Нет, но стоило! – прокричал Арчи, направляясь к лифту.

На двери была табличка:

Келвин Хироу
Директор компании
Морган Хироу
Специалисты по рекламе

Табличка должна была напугать. И напугала: Арчи постучал сначала слишком тихо, потом слишком громко, а затем ввалился в комнату, когда Келвин Хироу в костюме из молескина повернул ручку, чтобы впустить Арчи.

– Арчи, – сказал Келвин Хироу, обнажая двойной ряд зубов, жемчужно-белых скорее благодаря дорогому стоматологу, чем регулярной чистке. – Арчи, Арчи, Арчи, Арчи.

– Мистер Хироу, – сказал Арчи.

– Ты меня удивляешь, Арчи, – сказал мистер Хироу.

– Мистер Хироу, – сказал Арчи.

– Садись, Арчи, – сказал мистер Хироу.

– Хорошо, мистер Хироу, – сказал Арчи.

Келвин вытер ручеек жирного пота, стекавший за воротник рубашки, повертел в руках серебряную ручку «Паркер» и несколько раз глубоко вздохнул.

– Это очень деликатное дело, Арчи... и я никогда не считал себя расистом...

– Мистер Хироу?

Черт побери, думал Келвин, какие огромные глаза. Когда пытаешься сказать что-то деликатное, это ужасно мешает. Огромные глаза, как у ребенка или детеныша тюленя, воплощенная невинность, – смотришь на Арчи и как будто видишь перед собой создание, каждую секунду ожидающее удара палкой по голове.

Келвин решил сменить тактику.

– Обычно, сталкиваясь с подобными деликатными ситуациями, я всегда советуюсь с тобой. Потому что для тебя, Арч, у меня всегда найдется время. Я уважаю тебя. Ты не лезешь вперед, Арчи, и никогда не лез, но зато ты...

– Надежный, – закончил Арчи, потому что он уже наизусть знал, что ему скажут.

Келвин улыбнулся – огромная щель на его лице появилась и исчезла резко и неожиданно, как будто толстяк прошел через двустворчатую дверь.

– Да, верно, надежный. Тебе доверяют, Арчи. Я знаю, что ты немного сдал, что старое ранение причиняет тебе беспокойство, но когда весь штат на фирме сменялся, тебя, Арчи, я оставил, потому что ясно видел: тебе доверяют. Вот почему ты так долго в рекламе. И я доверяю тебе, Арчи, я верю, что ты правильно поймешь то, что я тебе скажу.

– Мистер Хироу?

Келвин пожал плечами:

– Я мог бы солгать тебе, Арчи, мог бы сказать, что произошла ошибка при заказе билетов и для тебя просто не нашлось места; мог бы почесать задницу и придумать какую-нибудь отговорку – но ты большой мальчик, Арчи. Ты бы позвонил в ресторан, ты не дурак, Арчи, у тебя в голове кое-что есть, ты бы сложил два и два и...

– Получил четыре.

– Получил четыре, верно, Арчи. Ты бы получил четыре. Понимаешь, о чем я, Арчи? – спросил мистер Хироу.

– Нет, мистер Хироу, – ответил Арчи.

Келвин решил взять быка за рога.

– Я о корпоративной вечеринке в прошлом месяце. Было очень неудобно, Арчи, неприятно. Скоро ежегодный банкет, на котором должны присутствовать и сотрудники нашего филиала в Сандерленде. Там будет человек тридцать, ничего особенного, так, карри, пиво, танцы... как я уже говорил, Арчи, я не расист...

– Расист?..

– Я не одобряю идей Инока Пауэлла... но все же в его идеях кое-что есть, ведь правда? Наступает такой момент, момент пресыщения, и люди начинают испытывать неловкость... Как видишь, то, что он говорил...

– Кто?

– Пауэлл, Арчи, Пауэлл, *следи за моей мыслью*, то, что он говорил, это справедливо, иногда справедливо, так? Я хочу сказать, что это как «Дели» на Юстон-роуд каждый понедельник. И есть такие люди, Арчи (я к ним не отношусь), есть такие люди, которым твое поведение кажется немного *странным*.

– Станным?

– Видишь ли, жены недовольны, потому что она красивая, действительно красивая – удивительные ноги, Арчи, могу поздравить тебя с такими ногами. А мужчины, ну... мужчины недовольны: им неприятно чувствовать, что они хотят чужого, когда сидят на корпоративной вечеринке рядом со своими женами, особенно если она... сам понимаешь... они не знают, что со всем этим делать.

– Кто – она?

– Что?

– О ком мы говорим, мистер Хироу?

– Ладно, Арчи, – сказал Келвин, с которого теперь пот лил ручьями, а это крайне неприятно для мужчины с таким количеством волос на груди, – вот, возьми. – Келвин подтолкнул к нему стопку талонов на обед: – Остались после лотереи в пользу Биафранз, помнишь.

– Ох, не надо, мистер Хироу... я же выиграл прихватку для духовки, так что не стоит...

– Возьми, Арчи. Тут талонов на пятьдесят фунтов, и их можно реализовать более чем в пяти тысячах предприятий питания по всей стране. Возьми. Пообедаешь пару раз за мой счет.

Арчи перебирал талоны, как будто это были пятидесятифунтовые купюры. На секунду Келвину показалось, что он увидел слезы радости в глазах Арчи.

– Ну... даже не знаю, что сказать. Есть одно местечко, куда я хожу довольно часто. Если они принимают талоны, я обеспечен на всю жизнь. Спасибо большое.

Келвин приложил ко лбу носовой платок.

– Не за что, Арч. На здоровье.

– Мистер Хироу, можно я... – Арчи махнул в сторону двери. – Просто хотелось бы позвонить некоторым людям, понимаете, рассказать им о ребенке... так что, если мы уже закончили...

Келвин с облегчением кивнул. Арчи поднялся со стула. Только он взялся за дверную ручку, как Келвин снова схватил свой «Паркер» и сказал:

– И, Арчи, еще кое-что... этот обед с филиалом в Сандерленде... Я поговорил с Морин, и мы пришли к выводу, что надо сократить состав... мы положили бумажки с именами в шляпу и вытащили твое. Ну, думаю, ты все равно не будешь скучать, да? На таких банкетах всегда довольно скучно.

– Вы правы, мистер Хироу, – сказал Арчи, уносясь мыслями далеко-далеко. Он молил бога, чтобы бар «О’Коннелл» оказался «предприятием питания». И улыбался, представляя себе реакцию Самада, когда он предъявит эти талоны на сумму в пятьдесят фунтов.

* * *

Теперь Клара и Алсана стали чаще видеться. Отчасти из-за того, что миссис Джонс забеременела вскоре после миссис Икбал, отчасти из-за ежедневного соседства. К этому времени Клара работала на полставки тренером в молодежной группе Килберна, которая представляла собой шеренгу в пятнадцать человек из ска-группы²²: прически афро, спортивные костюмы «Адидас», коричневые полуботинки, застежки «липучки», все в желто-коричневых тонах. Алсана же посещала азиатский клуб будущих мам на Килберн-Хай-роуд, прямо за углом. Сперва нерешительно (несколько раз вместе пообедали, от случая к случаю пили кофе)

²² Танцевальный ямайский стиль.

то, что началось как партизанская война против дружбы их мужей, быстро развилось в настоящую дружбу. Да, им пришлось смириться с взаимным восхищением своих мужей, зато у них оставалось свободное время, которое можно было приятно проводить: устраивать пикники и ходить на экскурсии, спорить и размышлять, смотреть старые французские фильмы, во время которых Алсана вскрикивала и закрывала глаза руками при малейшем намеке на наготу («Уберите! Мы не хотим смотреть на болтающиеся части!»), а Клара получала возможность увидеть, как живут другие – те, кто живет романтикой, страстью и *joie de vivre*²³. Те, кто занимается сексом. Увидеть жизнь, какая могла быть и у нее, если бы в один прекрасный день она не оказалась на лестнице, у которой ее поджидал Арчибальд Джонс.

Но вот животы у них стали слишком большими, так что теперь кресла в кинотеатре им не подходят, они стали встречаться в Килберн-парке, чтобы пообедать, обычно вместе с Позорной Племянницей. Втроем они усаживаются на широкой скамейке, Алсана вручает Кларе термос с чаем P. G. Tips, без молока, с лимоном, разворачивает бумагу, в которую завернуто сегодняшнее чудо: пряные комочки теста, рассыпчатые индийские сладости, раскрашенные в яркие цвета, тонкие лепешки с перченой говядиной внутри, салат с луком. Она говорит Кларе: «Ешь! Наедайся! Он барахтается у тебя в животе, ждет, когда ты его покормишь. Женщина, не мучь его! Хочешь уморить его голодом?» – потому что, хотя это и не заметно, на скамейке шестеро (трое уже есть, а скоро будет еще трое: девочка у Клары и два мальчика у Алсаны).

Алсана говорит:

– Никто не жалуется, скажем прямо. Дети – это благословение, чем больше, тем лучше. Но, я вам говорю, когда я повернула голову и увидела это изобретение – ультра-чего-то-там...

– Ультразвук, – поправляет Клара с набитым ртом.

– Да! Я чуть не померла от разрыва сердца! Двое! Одно-то прокормить!..

Клара смеется:

– Представляю лицо Самада, когда он это увидел.

– Нет, дорогуша, – укоризненно отвечает Алсана и прячет свои большие ноги под складками сари. – Ничего он не видел. Его там не было. Я не позволяю ему смотреть на такое. У женщины должна быть своя заповедная область. Мужчина не должен иметь дело с тем, что связано с ее телом, с... *интимными* местами женщины.

Позорная Племянница, сидящая между ними, хмыкает.

– Черт возьми, Алси, он должен иногда иметь дело с твоими интимными местами, или это, блин, непорочное зачатие?

– Как грубо, – замечает Алсана, обращаясь к Кларе, в своей высокомерной английской манере, – уже достаточно большая, чтобы не выражаться, и слишком маленькая, чтобы больше всех знать.

И Клара с Алсаной одновременно кладут руку на живот – случайное копирование, которое случается, когда людей объединяет схожий опыт.

Нина, чтобы искупить вину:

– Да... э-э... Вы уже выбрали имена? Какие варианты?

Алсана уже все решила:

– Мина и Малана, если будут девочки, и Маджид и Миллат, если мальчики. «М» – хорошая буква, сильная. Махатма, Мухаммед, и этот странный мистер Моркомб из «Моркомб и Мудрец»²⁴. Такой букве можно доверять.

Но Клара выбирает имя более осмотрительно. Ей кажется, что дать имя – значит взять на себя страшную ответственность, божественную задачу, которая не по силам простому смертному.

²³ Радость жизни (*фр.*).

²⁴ Комический дуэт 1970-х годов.

– Если будет девочка, я, наверно, назову ее Айри. На нашем языке это означает, что все *о'кей, без проблем, спокойно, мирно*, понимаете?

Прежде чем Клара заканчивает фразу, Алсана приходит в ужас:

– «О'кей»? И это имя для ребенка? С тем же успехом можешь назвать ее «*Не-хотите-ли-сэр-заказать-и-нападамы?*» или «*Чудесная-погода-не-правда-ли?*».

– Арчи нравится имя *Сара*. Вообще-то в этом имени нет ничего плохого, но и хорошего тоже мало. Пусть это и чудо, что жена Авраама...

– Ибрагима, – поправляет Алсана, скорее машинально, чем из религиозного педантизма. – По милости Аллаха принялась рожать детей одного за другим, как только ей стукнуло сто.

И тут Нина, недовольная тем, какой оборот принимает разговор, объявляет:

– Не знаю, а мне нравится «Айри». Классное имя. Необычное.

Алсана хмыкнула.

– Подумать только! Да что Арчибальд понимает в *классных* и *необычных* вещах?! Я бы на твоём месте, милочка, – Алсана похлопывает Клару по колену, – назвала ее Сарой, и точка. Иногда надо уступать мужчинам. Чтобы не было... – она машет руками, изображая яростную ссору, – чтобы не было скандала.

Нина делает из шарфа чадру, хлопает густыми ресницами и говорит с сильным восточным акцентом:

– Да-да, тетенька, маленькая *покорная* индийская женщина. Вы с ним не разговариваете, он тебе только приказывает. Вы ругаетесь, кричите, но не слышите друг друга. И в итоге он побеждает, ведь он делает что хочет и когда хочет. И в половине случаев ты не знаешь даже, где он, чем занят, что *чувствует*. На дворе 1975 год, Алси. Теперь нельзя так строить отношения. Тут нельзя жить так, как дома. На Западе мужчина и женщина должны слышать друг друга, должны общаться, иначе... – Нина взмахивает руками, изображая ядерный взрыв.

– Какая ерунда! – торжественно изрекает Алсана, закрывая глаза и качая головой. – Это ты меня не слышишь. Во имя Аллаха, я обращаюсь с людьми так же, как они со мной. Почему ты думаешь, что мне *интересно*, чем он занят? Думаешь, я хочу *знать*? На самом деле, если ты хочешь, чтобы брак не распался, нечего вести эти бесконечные разговоры, разговоры, разговоры. Не нужны все эти «я такой-то» и «а в душе я такой-то» – прямо как в газетах, все эти разоблачения, особенно если твой муж старый, морщинистый, разваливается на куски. Тогда уже не хочется копаться в его грязном белье и *знать*, чей скелет гремит костями в шкафу.

Нина хмурится, Клара не может придумать, что на это возразить, и Алсана снова раздает рис.

– Более того, – продолжает Алсана, складывая свои полные руки под грудь. Она рада, что удастся порассуждать на тему, столь близкую к ее будущему ребенку. – В наших семьях знают, что *самое важное* в браке – это *молчание*, то, чего *не* говоришь.

Все три женщины выросли в строгих религиозных семьях, где бог непременно появлялся за обедом, проникал в каждую детскую игру, сидел в позе лотоса с факелом в руках у супружеской кровати и следил, чтобы не было ничего неприличного.

– Дай-ка мне понять, – насмешливо обращается Нина к Алсане, – ты считаешь, что здоровое угнетение полезно для семейной жизни.

Алсана тут же выходит из себя.

– Угнетение! Бессмысленное слово! Я тебе говорю про обычный здравый смысл. Что собой представляет мой муж? И ее тоже? – она кивает на Клару. – Они прожили на этой земле уже двадцать пять лет к тому времени, как мы *родились*. Кто они? На что способны? В чьей крови их руки? Какие мерзкие тайны они хранят? Кто знает? – Она вскидывает руки – и эти вопросы, вспорхнув, улетают, вместе со стаей воробьев, в нездоровый воздух Килберна. – Чего

ты не понимаешь, моя Позорная Племянница, чего вообще все ваше поколение не понимает, так это...

При этих словах изо рта у Нины вырывается кусочек лука – она спешит возразить Алсане: – *Мое* поколение? Да ты, на хрен, всего на два года меня старше, Алси!

Но Алсана продолжает, не обращая на нее внимания, рубя рукой воздух, как грязный язык Позорной Племянницы:

– ...что не всякий хочет разведывать мерзкие тайны другого.

– Но, тетенька, – вскрикивает Нина, потому что они дошли как раз до того вопроса, по которому она хочет поспорить, до камня преткновения, брака Алсаны, – как ты можешь жить с человеком, если тебе не кажется, что ты знаешь его с сотворения мира?

Когда собеседник начинает злиться, Алсана любит проявлять веселость, и этим окончательно его доводить. Она подмигивает Нине:

– Потому что, мисс Самая Умная, это гораздо проще. Как раз потому, что Ева не знала Адама от сотворения мира, все у них было хорошо. Хочешь, объясню? Да, я вышла замуж за Самада Икбала в тот же день, как с ним познакомилась. Да, я его совсем не знала. Но я его знала достаточно, чтобы он мне понравился. Мы встретились за завтраком в Дели жарким индийским утром, и он обмахивал меня газетой «Таймс». Я решила, что у него доброе лицо, приятный голос и неплохая задница для его возраста. Очень хорошо. А теперь, чем больше я узнаю его, *тем меньше он мне нравится*. Так что, как видишь, лучше было, когда мы друг друга не знали.

Нина топает ногой. Ее раздражает такая извращенная логика.

– Кроме того, я все равно никогда его не узнаю до конца. Добиться от него откровенности – как доить молоко, когда ты козел.

Нина не выдерживает – смеется:

– Как *от козла молока*.

– Да, да. Думаешь, я такая дура. Но в мужчинах я отлично разбираюсь. И вот что я тебе скажу. – Алсана готова выдать заключение. Много лет назад она видела, как это делают гладко причесанные юристы в Дели. – Мужчина – величайшая загадка. Постичь бога гораздо легче, чем мужчину. Ну и хватит философии. – Она снимает крышку с пластиковой баночки. Толстая, красивая, она радуется тому, как ловко подвела черту.

– Просто ужас, что они в тебе, – говорит Нина своей тетке и закуривает. – В смысле, мальчишки. Просто ужас, что у тебя родятся мальчишки.

– Что ты этим хочешь сказать?

Это Клара. Они с Ниной держат в секрете от Арчи и Алсаны, что Клара за несколько месяцев прочитала «Женщину-евнуха» Джермены Грир, «Боязнь полета» Эрики Йонг и «Другой пол»²⁵, которые ей дала Нина, тайно пытаясь освободить Клару от «ложных представлений».

– Я хочу сказать, что за последние сто лет мужчины устроили такой бардак. На свете до хренища мужиков. Если бы я узнала, что беременна и у меня будет мальчик, – она делает паузу, чтобы ее подруги, отравленные ложными представлениями, подготовились к оригинальной мысли, – я бы сделала аборт.

Алсана вскрикивает, прикрывает одной рукой свое ухо, а другой – ухо Клары и закашливается: она подавилась кусочком баклажана. Кларе эта идея почему-то кажется забавной, ужасно, страшно смешной, уморительной, а Позорная Племянница ничего не может понять – она сидит между двумя похожими на яйцо женщинами, причем обе сгибаются пополам, одна от смеха, вторая от ужаса и удушья.

– Дамы, с вами все в порядке?

²⁵ Роман Симоны де Бовуар.

Это Сол Йозефович – старик, давным-давно решивший, что его долг – патрулировать парк (когда-то он был здесь сторожем, но его сократили). Вот он перед ними и, как всегда, готов прийти на помощь.

– В порядке, мистер Йозефович. Если то, что мы все будем гореть в аду, – это порядок, – объясняет Алсана, взяв себя в руки.

Нина закатывает глаза:

– Говори за себя!

Алсана парирует с ловкостью профессионального фехтовальщика:

– А я, слава Аллаху, за себя и говорю.

– Добрый день, Нина, добрый день, миссис Джонс. – Сол кивает каждой. – Вы уверены, что все в порядке? Миссис Джонс?

У Клары все еще бегут слезы. Она и сама не может понять: смеется она или плачет.

– Все нормально... нормально, извините, что встревожили вас, мистер Йозефович. Правда, все в порядке.

– Не вижу в этом ничего смешного, – бурчит Алсана. – Что смешного в убийстве невинных младенцев?

– Ничего, насколько могу судить по опыту, миссис Икбал, ничего, – сдержанно отвечает Сол (он всегда говорит сдержанно) и протягивает Кларе носовой платок. И трех женщин вдруг осенило – внезапно, как может потрясти история, словно вспышка, – по какому именно опыту может судить этот бывший сторож. Они примолкли.

– Ну тогда, раз с вами все в порядке, я пойду, – говорит Сол и кивает Кларе: она может оставить себе его платок. Потом старомодно приподнимает шляпу. Еще раз коротко кланяется и медленно уходит, продолжая обход парка против часовой стрелки.

Как только Сол оказывается за пределами слышимости, Нина говорит:

– Ладно, тетя Алси, прошу прощения, извини, пожалуйста... Чего же тебе еще?

– Много чего. – Голос Алсаны больше не звучит сердито, становится мягче. – Я хочу понять весь этот мир, чтобы его смысл можно было выразить в двух словах. Я стараюсь понять, но ничего не понимаю.

Она вздыхает и, не дожидаясь ответа, глядя не на Нину, а туда, где исчезает сгорбленная фигура Сола, мелькая между тисами, продолжает:

– Может быть, ты и права насчет Самада... и насчет всего остального. Может быть, хороших мужчин не бывает, и те двое, у меня в животе, тоже не будут хорошими людьми... И может быть, я слишком мало с ним разговариваю, может быть, я вышла замуж за человека, которого совершенно не знала. Наверно, ты все понимаешь лучше меня. Что я могу знать... босоногая деревенская девочка, которая в университетах не обучалась.

– Алси, – говорит Нина, пытаясь пробраться между слов Алсаны, как уток сквозь основу будущего гобелена. – Ты же знаешь, что я совсем не то имела в виду.

– Но я не могу все время думать об истине. Мне нужна только правда, с которой *можно жить*. А разница между ними, как между сумасшедшей попыткой выпить соленое море и глотком из ручья. Моя Позорная Племянница верит в целительную силу разговоров, да? – Алсана усмехается. – Бесконечные разговоры, разговоры, разговоры, и никаких проблем. Будь искренним, вскрой свою душу и залей кровью все вокруг. Но прошлое, милочка, – это не просто слова. Мы вышли замуж за стариков, понимаешь? Отцы этих детей, – Алсана похлопывает свой живот и живот Клары, – всегда будут длинноногими дядюшками. Одна нога в прошлом, другая – в настоящем. И никакие разговоры тут не помогут. Их корни всегда будут спутаны и, как всякие корни, будут вылезать из земли. Погляди у меня в саду: каждый божий день птицы летают вокруг кориандра и...

Сол Йозефович доходит до ворот, оборачивается, машет им. Они машут в ответ. Клара машет над головой кремовым платком, и ей кажется, что это похоже на спектакль. Как будто она провожает кого-то, кто уезжает за границу.

– Как они познакомились? – спрашивает Нина, пытаясь развеять тучи, сгустившиеся над их пикником. – Мистер Джонс и Самад Миа?

Алсана откидывает голову, решая забыть о споре.

– А, на войне. Когда убивали каких-то бедняг, которые, скорее всего, этого не заслуживали. И чего добились? У Арчибальда что-то там с ногой, а Самад Миа остался без руки. Большая польза, просто огромная.

– У Арчи в *правой* ноге, – тихо говорит Клара и показывает на своем бедре место, куда Арчи ранен, – осколок, кажется. Но он ничё мне не рассказывает.

– А кому интересно?! – взрывается Алсана. – Я скорее поверю Вишну, многорукому карманнику, чем этим двоим.

Но Клара лелеет образ юного солдата Арчи, особенно когда на ней лежит старый, дряблый Арчи – служащий типографии.

– Ну все-таки... откуда мы знаем, какие...

Алсана с чувством плюет в траву.

– Вранье собачье! Если они герои, то где доказательства? Где всякие геройские штуки? У героев всегда что-нибудь такое остается. У них есть разные геройские принадлежности. Их сразу видно. Я ни разу не видела у него медалей... или хотя бы фотографий. – Алсана производит некий гортанный звук, так она выражает недоверие. – Подумай – нет, милочка, так надо – хорошенько подумай. Подумай о том, что из этого вышло. У Самада одна рука. Он говорит, что ищет Бога, но правда в том, что Бог давно оставил его. Вот уже два года, как Самад подает в каком-то индийском ресторане жилистую говядину белым, которые тоже ничего не понимают, а Арчибальд... подумай хорошенько...

Алсана умолкает, чтобы взглянуть на Клару и убедиться, что может продолжать, не обидев ее и не причинив ей боли, но Клара сидит с закрытыми глазами. Она думает – молодая женщина видит перед собой старика. На ее лице появляется улыбка, и она заканчивает за Алсану:

– ...складывает бумагу, чтобы заработать себе на жизнь. *Боже мой!*

Глава 5. Корни Альфреда Арчибальда Джонса и Самада Миа Икбала

Возвращаясь к предмету: конечно, хороши все эти наставления Алсаны думать хорошо; смотреть на вещи широко открытыми глазами, решительным и честным взглядом, настойчиво проникающим изнутри самого дела в его замысел и далее, в причины возникновения этого замысла, его корни, – однако возникает вопрос: глубоко ли копать? Где уже будет *довольно*? Большой вопрос американцев: *кровь*. Хотя, скорее всего, нужна не одна только кровь: шепотки; забытые разговоры; медали и фотоснимки; списки и грамоты, бледные коричневые даты на пожелтевшей бумаге. Дальше, дальше, *глубже*. Хорошо, и мы вернемся. Назад в то время, когда румяный, надраенный до блеска Арчи, кажущийся старше своих семнадцати лет, сумел обвести вокруг пальца военную комиссию со всеми ее карандашами и рулетками. Самаду, парню с кожей цвета свежейиспеченного хлеба, было тогда на два года больше. Впервые Самад Миа Игбал (вторая шеренга, шаг вперед!) и Альфред Арчибальд Джонс (давай, давай, давай) обратили друг на друга внимание в тот день, когда Арчи ненароком забыл важнейшее английское правило хорошего тона: он засмотрелся. Они стояли бок о бок на просторах русского чернозема в похожих треугольных пилотках, торчащих на голове, как бумажные кораблики, в одинаковой типовой, кишасей паразитами форме; на онемевших ногах – одинаковые сапоги, заляпанные одинаковой грязью. Но Арчи не мог оторвать глаз. Самад терпел, ждал, пока Арчи надоест, но тот и ухом не вел, а после недели, проведенной взаперти в тесной, душной, горячей жестянке, Самад быстро дошел до белого каления.

– Дружище, что это ты, глядя на меня, так замечтался?

– А? – вскинулся Арчи, ибо был не из тех, кто позволяет себе личные разговорчики на службе. – Никто, то есть ничего... То есть я хочу сказать, что *ты* этим хочешь сказать?

Говорили они полупшепотом, потому что в присутствии двух других рядовых и капитана, вместе с которыми они в пятиместном «Черчилле» катили через Афины в Фессалоники, разговор получался не таким уж и личным. Это было первого апреля 1945 года. Арчи Джонс числился механиком-водителем, Самад – радистом, Рой Макинтош был вторым механиком, Уилл Джонсон сидел наводчиком, а Томас Дикинсон-Смит возвышался на небольшом сиденье, покинуть которое, несмотря на многочисленные удары о потолок, его новоиспеченному капитанству гордость не позволяла.

– Я хочу сказать, что мы в этой штуковине как два года провели.

Запищало радио, и Самад, не желая быть заподозренным в небрежении своими обязанностями, быстро и ловко стал отвечать на вызов.

– И? – спросил Арчи, когда Самад сообщил кому следует их координаты.

– Ты непозволительно долго пялишься на человека. Изучаешь военных радистов или просто без ума от моей задницы?

Их капитан, Дикинсон-Смит, который *действительно* был без ума от задницы Самада (а также от его интеллекта, рук с неразвитой мускулатурой, словно созданных лишь для любовных объятий, и чудесных зеленовато-коричневатых глаз), немедленно их оборвал.

– Ик-Балл! Джонс! А ну хватит. Мы тут что, языки чесать собрались?

– Я всего только сделал замечание, сэр. Знаете, сэр, трудно сосредоточиться на Ф – Фокс-тротах и З – Зебрах²⁶, на точках и тире, когда этот мопс смотрит своими мопсьими глазами за каждым твоим движением, сэр. В Бенгалии такой взгляд сочли бы...

²⁶ Принятые в радио условные обозначения букв при плохой слышимости.

– Султан, педик, заткнись, – сказал Рой, который терпеть не мог радиста Самада и его пижонские замашки.

– *Макинтош*, – вмешался Дикинсон-Смит, – не мешай Султану. Говори, Султан.

Дурацкое прозвище «Султан» придумал и поощрял капитан Дикинсон-Смит, чтобы его ненароком не заподозрили в симпатии к Самаду, однако пользовался им неумело: в его устах оно всегда звучало слишком мягко, слишком похоже на дивный родной язык Самада; в итоге это привело лишь к тому, что Рой и еще восемьдесят таких же Роев, находящихся в прямом подчинении у Дикинсон-Смита, насмехались и открыто демонстрировали командиру свое неуважение; к апрелю 1945-го их просто воротило от своего капитана с его пижонскими педагогическими замашками. Будучи новичком в Первом штурмовом саперном дивизионе, Арчи только-только вникал в суть дела.

– Я всего-навсего попросил Султана заткнуться, и Султан заткнется, потому что знает, чем ему, индийскому ублюдку, это грозит. К вам это, конечно, совсем не имеет отношения, – вежливо добавил Рой.

Дикинсон-Смиту было известно, что в других дивизионах, в других танках подчиненные не просто не осмеливались возражать командирам, но и вообще открывать рот. Даже вежливый реверанс Роя говорил о полном фиаско Дикинсон-Смита. В других танках – «Шерманах», «Черчиллях», «Матильдах», – жизнерадостными тараканами усеявших опустошенную Европу, не было понятий «уважение» и «неуважение». Только «выполнение приказа», «невыполнение приказа», «наказание».

– Султан... Султан... – задумчиво и удивленно бормотал Самад. – Даже если не брать в расчет эпитет, знаете ли вы, мистер Макинтош, что это, по меньшей мере, *неточно*. Исторически *неточно*. И географически тоже. Бесспорно, я уже не раз объяснял вам, что я из *Бенгалии*. Слово «*султан*» означает определенных людей в *арабских* странах – а это много километров западнее Бенгалии. Назвать меня султаном, знаете ли, так же неточно, как, если считать по расстоянию, назвать вас толстым ублюдочным гансом-фрицем.

– Я назвал тебя Султаном и снова назову, ясно?

– Ох, мистер Макинтош. Вас не удивляет, что мы с вами, почему-то сидя в этой британской жестянке, почему-то сражаемся за британские интересы?

При слове «британский» слабоватый на голову Уилл Джонсон, как всегда, сдернул с головы пилотку.

– О чем этот педик распинается? – спросил Макинтош, оглаживая свой пивной живот.

– Ни о чем, – сказал Самад. – Боюсь, я «распинаясь» ни о чем; говорил, говорил, говорил, сотрясал, так сказать, воздух, пытаюсь заставить сапера Джонса прекратить пялиться, тарачить свои гляделки – и всего делов-то... однако, похоже, проиграл по всем статьям.

Похоже, он был не на шутку задет, и Арчи вдруг ощутил невозможное для солдата желание избавить его от этой боли. Но для этого было не место и не время.

– Ладно. Вы все, хватит. Джонс, давайте посмотрим карту, – сказал Дикинсон-Смит.

Арчи полез за картой.

Путь их был длинным, скучным и почти бессобытийным. Танк Арчи находился в составе частей обеспечения и не был причислен ни к определенному графству, ни к роду войск; он перемещался из страны в страну вместе с армией и латал вышедшую из строя технику, наводил мосты и подъездные пути к местам сражений, чинил, где нужно, разрушенные дороги. Их задачей было скорее не воевать, а помогать воевать другим. К тому моменту, когда Арчи очутился в этой заварушке, никто не сомневался, что решающий перевес в войне определится жестокими схватками в воздухе, а не 30-миллиметровой разницей между калибром немецких и английских бронебойных снарядов. Настоящая война, в которой падают на колени покоренные города, в которой идет масштабный отсчет взрывов и смертей, происходит на высоте мно-

гих километров над головой Арчи. А здесь, на земле, у их тяжелого, бронированного разведывательного танка задача была простая: не вмешиваться в гражданскую войну в горах – войну в войне – между ЕАМ и ЕЛАС²⁷; не угодить в огульные списки убитых и пропавших без вести; следить за тем, чтобы дороги из одного края ада в другой были налажены и функционировали.

– В тридцати двух километрах к юго-западу отсюда, сэр, есть разбомбленный завод боеприпасов. Мы должны забрать что удастся. Рядовой Ик-Балл принял и передал мне в 16.47 часов радиосообщение, что, насколько видно с воздуха, территория свободна, сэр, – отчитался Арчи.

– Это не война, – спокойно сказал Самад.

Две недели спустя, когда Арчи сверял по карте путь на Софию, не обращаясь ни к кому конкретно, Самад сказал:

– Я бы должен был быть не здесь.

Как обычно, его проигнорировали; особенно усердствовал Арчи, которому отчаянно хотелось послушать дальше.

– У меня же есть образование. Специальная подготовка. Мне бы сейчас летать в Королевских ВВС, поливая врага огнем! Ведь я офицер! Не какой-нибудь там мулла или сипай, обивающий чаппалы²⁸ на тяжелой службе. Мой прадедушка Мангал Панде... – он оглянулся, чтобы увидеть впечатление, произведенное громким именем, но, узрев лишь плоские, как блин, английские физиономии, продолжил: – ...был великим героем Восстания сипаев²⁹ в Индии!

Молчание.

– 1857 года! Именно он произвел первый и в итоге последний выстрел мерзкой пулей в свином сале!

Глубокое, полнейшее молчание.

– Если бы не эта чертовка, – проклиная в душе рыбу историческую память англичан, Самад оторвал от привычного места на груди пять мертвых, скрюченных пальцев, – если бы не эта подлая рука, которой индийская армия наградила меня за все мои страдания, я бы тоже многого добился. Ведь почему я теперь калека? Потому что индийская армия здорово умеет задницы целовать, а сражаться в пекле, в поту не умеет! Мой дорогой друг, сапер Джонс, ни за что не езжайте в Индию, там одни дураки и еще того хуже. Дураки, индусы, сикхи и пенджабцы. А теперь к тому же все эти разговорчики про независимость – дайте независимость Бенгалии, Арчи, вот что я скажу – и пусть Индия по-прежнему спит в британской постели, если ей так нравится.

Его рука мертвой тяжестью опустилась на грудь – так старики хватаются за сердце после приступа гнева. Самад всегда обращался к Арчи, словно бы они двое были в пяти километрах от всей остальной компании. За четыре дня «гляделок» между этими двумя мужчинами возникла связь – шелковая нитка, за которую Самад, как бы Арчи ни отбрыкивался, тянул при малейшей возможности.

– Видите ли, Джонс, – говорил Самад, – сикхам нельзя было давать власть – вот в чем ошибка вице-короля, понимаете? Ну у них есть определенные успехи с кафрами в Африке, вот он и решил: «Да, мистер такой-то», – а у того мистера рожа потная, мясистая, глупейшие фальшивые усики на английский манер и тюрбан болтается на макушке, как кусок дерьма, – «быть

²⁷ Греческие партии в период 1944–1951 гг.: Национальный освободительный фронт (известен под своим греческим акронимом ЕАМ) и Национальная народная освободительная армия (ЕЛАС).

²⁸ Индийская обувь.

²⁹ Сипай (*перс.*) – наемные войска из местного населения в Индии с XVIII века до 1947 года, обученные по европейскому образцу и служившие в английской колониальной армии под начальством офицеров-англичан. Восстание сипаев (1857–1859) – крупнейшее восстание местного населения Индии против английских колонизаторов.

тебе офицером, пора индианизировать армию; давай-давай, риссалдар майор Пугри, Даффалдар Пугри, тебя в Италии ждут мои славные старые английские вояки! Какая ошибка! А затем вызвали меня, героя 9-го Северного бенгальского полка конных стрелков и Бенгальского авиакорпуса, и сказали: «Самад Миа Икбал, Самад, мы хотим удостоить тебя огромной чести. Ты будешь сражаться в континентальной Европе – не голодать и пить собственную мочу в Египте или Малайе, нет – ты будешь сражаться с фрицами по месту их нахождения». Прямо на пороге их дома, сапер Джонс, прямо на пороге. Итак, я отправился в путь. Италия – отлично, думал я, там я англичанам и покажу, что мусульманин из Бенгалии умеет сражаться не хуже любого сикха. Даже лучше! Яростнее! Мы самые образованные, с хорошей наследственностью – лучше офицеров не найти.

– Офицеры-индусы? Черный, однако, это будет день, – сказал Рой.

– В первый же день, – продолжал Самад, – я разбомбил немецкое логовище. Спикировал на них, как орел.

– Брехня, – сказал Рой.

– На второй день я обстреливал врага во время его наступления на линию Готик, когда он уже прорвал оборону Ардженты и теснил союзников в долине По. Сам лорд Маунтбэттен³⁰ от себя лично вынужден был выразить мне поздравления. Руку пожал. Но это были цветочки. Знаете, что случилось на третий день, сапер Джонс? Знаете, почему я теперь калека? В расцвете-то сил?

– Нет, – тихо отозвался Арчи.

– Из-за одного убудочного сикха, сапер Джонс, убудочного дурака. Мы стояли в траншее, его карабин сорвался и прострелил мне запястье. Но я не позволил ничего ампутировать. Каждая частичка тела дарована мне Аллахом. К нему и вернется.

Так Самад среди других неудачников оказался в армии Его Величества, в бесславном дивизионе, наводящем мосты; его окружали люди, подобные Арчи, подобные Дикинсон-Смиту (в чьем государственном досье стояла пометка: «Внимание: гомосексуален») или Макинтошу с Джонсоном, явно подвергшимся фронтальной лоботомии. Отбросы войны. «Батальон педиков», как любовно выразался Рой. Главная загвоздка заключалась в следующем: капитан Первого штурмового дивизиона Дикинсон-Смит не был солдатом, но и офицером тоже не являлся, хоть командирские замашки были у него в крови. Его против воли вытащили из отцовского колледжа, вытряхнули из отцовского платья и отправили, как когда-то отца, **ВОЕВАТЬ**. Как когда-то отца, а еще раньше – отца отца, и так до бесконечности. Молодой Томас покорились судьбе и уже целых четыре года настойчиво шел к цели: присоединить свое имя к удлиняющемуся списку Дикинсон-Смитов, вырезанному на большой надгробной плите в деревне Литтл-Марлоу, и быть похороненным на самом верху семейной банки сардин, что горделиво возвышается на историческом церковном дворе.

Дикинсон-Смитам случалось пасть от рук фрицев, мавров, китаез, кафров, лягушатников, шотландцев, мексикашек, зулусов, краснокожих (южных и восточных), а один из них был даже подстрелен вместо быстроногой окапи каким-то шведом на охоте в Найроби, поэтому они спали и видели, чтобы каждый Дикинсон-Смит по семейной традиции пролил кровь на чужой земле. А если подходящей войны не подворачивалось, у Дикинсон-Смитов имелся в запасе курортный полигон смерти – Ирландия, на которую начиная с 1600 года всегда можно было рассчитывать. Но умереть – дело хитрое. И хотя во все времена возможность подставить грудь под смертоносное оружие имела для членов этой семьи магическую притягательность, нынешний Дикинсон-Смит обещал не оправдать надежд. У бедного Томаса к экзотическим странам

³⁰ Лорд Маунтбэттен – британский адмирал, герой Второй мировой войны, дипломат, видный государственный деятель. По «плану Маунтбэттена» (1947) Британская Индия на почве религиозной розни была разделена на два независимых государства – Индийский Союз (индусы) и Пакистан (мусульмане). Погиб от рук боевиков ИРА в 1979 г.

была своя, особая страсть. Ему хотелось узнать их, вскормить, перенять опыт, полюбить. Для военных игрищ он попросту не годился.

Долгая история о том, как Самад из бенгальских войск, с пика своих боевых достижений, докатился до «батальона педиков», рассказывалась и пересказывалась Арчи Джонсу – без разницы, интересно ему или нет, – ежедневно две недели подряд, каждый раз в новой версии и с новыми уточнениями. Рассказ был очень тягомотным, но все-таки светлым, по сравнению с другими историями, которые передавались долгими ночами и поддерживали в личном составе «батальона педиков» общее состояние подавленности и отчаяния. Трагическая смерть невесты Роя, парикмахерши, поскользнувшейся на бигуди и разбившей голову о раковину; невежество Арчи, не ходившего в школу, потому что мама не могла купить ему школьную форму; сонм погибших родственников Дикинсон-Смита – таков был список затертых канонических историй; что касается Уилсона, то днем он молчал, зато во сне начинал скулить, и на его лице явственно отражались такие горькие горести, о которых никто не смел его спрашивать. Так продолжалось какое-то время; «батальон» недовольных «педиков», словно бродячий цирк – уроды и шуты, бесцельно скитался по дорогам Восточной Европы, за неимением публики развлекал сам себя. Каждый по очереди смотрел и показывал номера. Но однажды их танк въехал в день, которого История еще не знала. Который не могла удержать Память. Камень утонул. Вставные зубы бесшумно опустились на дно стакана. Это случилось 6 мая 1945-го.

6 мая 1945, примерно в 18.00, в танке что-то взорвалось. На мину было не похоже, скорее повредился мотор, и танк стал медленно останавливаться. Это произошло в маленькой болгарской деревушке на границе с Грецией и Турцией, по которой война прокатилась и схлынула, почти не изменив привычный уклад жизни.

– Ясно, – сказал Рой, посмотрев, в чем дело. – Мотор екнулся, и одна гусеница полетела. Нужно звать помощь по радио и сидеть ждать, покамест они не приедут. Ничего тут мы сами не сделаем.

– Даже пробовать не станешь? – спросил Самад.

– И не надо, – вступился Дикинсон-Смит. – Рядовой Макинтош прав. Для устранения такого рода поломки у нас нет оборудования. Будем ждать помощи.

– А долго нам ждать?

– День, – пропел Джонсон. – Мы оторвались от остальных.

– Капитан Смит, а есть ли необходимость сидеть внутри все эти двадцать четыре часа? – поинтересовался Самад, который страдал от личной гигиены Роя и вовсе не жаждал находиться с ним рядом в душный, безветренный вечер.

– А ведь точно, день отгула – мысль неплохая, – пророкотал Рой.

– Да-да... Отчего бы нам не поразмяться – нет смысла торчать всем в этой норе. Вы с Джонсом идите первыми, все разведайте, а когда вернетесь, пойдем мы с Джонсоном и рядовым Макинтошем.

Таким образом, Самад и Арчи отправились в деревню и три часа пили там самбуку и слушали рассказ хозяина корчмы о мимолетном вторжении двух нацистов: те появились внезапно, съели все его припасы, подловили двух гуляющих деревенских девок и убили выстрелом в голову человека, недостаточно быстро сообщившего им дорогу к ближайшему селению.

– Какие-то они были нетерпеливые, – говорил старик, качая головой. Самад уплатил по счету.

На обратном пути Арчи, пытаясь завязать беседу, сказал:

– Ха, да их особо-то и не приходится завоевывать и грабить.

– Двое людей – сильный и слабый – уже колония, сапер Джонс, – ответил Самад.

Вернувшись к танку, Арчи с Самадом обнаружили, что рядовой Макинтош, Джонсон и капитан Томас Дикинсон-Смит мертвы. Джонсон был задушен проволокой для резки сыра, Рой убит выстрелом в затылок. Из его распахнутого рта исчезли все серебряные пломбы; только клещи остались торчать, как железный язык. А Томас Дикинсон-Смит, увидев надвигающегося убийцу, успел отвернуться от уготованной судьбы и выстрелить себе в лицо. Он стал единственным Дикинсон-Смитом, который погиб от руки англичанина.

В то время как Арчи и Самад обмозговывали ситуацию, генерал-полковник Йодль сидел в маленьком красном здании школы в Реймсе и тряс чернильную ручку. Взмах, другой. Затем ручка исполнила вдоль пунктирной линии торжественный танец, вписав имя генерал-полковника в историю. Война в Европе окончилась. Человек, стоящий за плечом, быстро выхватил из-под руки Йодля бумагу, и тот понурился, в полной мере осознав совершившееся. Но Арчи и Самад узнают об этом спустя целых две недели.

В это странное время и завязалась между Икбалом и Джонсом дружба. В тот день вся Европа ликовала, а Самад с Арчи стояли на обочине дороги в Болгарии, и Самад сжимал здоровой рукой деревяшки, куски проволоки и металлической обшивки.

– Радио – вдребезги, черт бы его побрал, – сказал Самад. – Придется начинать все сначала. Плохи дела, Джонс. Весьма плохи. Мы потеряли средства связи, передвижения и защиты. Хуже того: мы потеряли командира. У кого на войне нет командира, у того дела действительно плохи.

Арчи отвернулся от Самада и опрометью бросился в кусты. Вопреки своей похвальбе, рядовой Макинтош обгадился у врат Святого Петра, и запах, проникая в легкие Арчи, дурно действовал на его нервы, чувство страха и завтрак.

Самад *теоретически* знал, как починить радио, а у Арчи имелись руки и определенная сноровка, обнаруживавшаяся, когда дело доходило до проволоки, гвоздей или клея. Они склонились над крохотными полосками металла, которые могли спасти их обоих, и между теорией и практикой развернулось забавное сражение.

– Не подашь мне тот трехомный резистор?

Арчи, густо покраснел, не зная, какую именно деталь просит Самад. Его рука нерешительно застыла над коробкой с проволокой и всякой мелкой всячиной. Когда его мизинец случайно потянулся в направлении нужного предмета, Самад деликатно кашлянул. Индиец указывает англичанину, что делать, – вот так конфуз, но им хватило спокойствия и мужества, чтобы его преодолеть. Тогда-то Арчи впервые понял, что умелые руки, молоток и гвозди – отличный способ общения: они способны с успехом заменить разные там существительные да прилагательные. Этот урок он запомнил на всю жизнь.

– Молодец, – сказал Самад, когда Арчи подал ему электрод, но вскоре обнаружил, что одной рукой неудобно наматывать проволоку на панель радио, и возвратил его Арчи, показав, куда его требуется приделать.

– Да мы его враз сделаем, – весело сказал Арчи.

– Жвачка! Пожалуйста, мистер!

На четвертый день танк окружила ватага деревенской ребятни, привлеченной недавним жутким убийством, зелеными глазами Самада и имеющейся у Арчи американской жвачкой.

– Мистер солдат, – старательно проговаривал английские слова мальчик-воробушек с каштановыми волосами, – жвачка пожалуйста-спасибо.

Арчи достал из кармана пять тонких розовых пластинок. Мальчик с покровительственным видом разделил их среди товарищей. Те, наслаждаясь постепенно слабеющим вкусом лакомства, с неммым обожанием смотрели на своего благодетеля. Спустя несколько минут прежнего тощенького мальчика снова послали говорить от имени народа.

- Мистер солдат. – Протянулась рука. – Жвачка пожалуйста спасибовам.
- Больше нет, – сказал Арчи, полагаясь скорее на язык жестов. – У меня больше нет.
- Пожалуйста-спасибо. Пожалуйста? – не унимался мальчик.
- Ради Аллаха, – отрезал Самад. – Нам нужно починить радио и привести в движение эту штуковину. Давай этим и будем заниматься, хорошо?

– Жвачка, мистер, мистер солдат, жвачка. – Это походило уже на речитатив; дети наугад раз за разом повторяли все немногие известные им английские слова.

– *Пожалуйста?* – Мальчуган тянул руку так усердно, что даже подался вперед, став на мысочки.

Вдруг он разжал руку и лукаво улыбнулся, предлагая сделку. На ладони лежали четыре зеленых, смятых, как пучок травы, банкноты.

– Доллары, мистер!

– Где вы их взяли? – попытался выхватить деньги Самад. Мальчик отдернул руку. Он непрерывно переминался с ноги на ногу – этому вертлявому танцу детей научила война. Случься чего, можно мигом удрать.

– Сначала жвачка, мистер.

– Скажи, где вы их взяли? И не вздумай меня дурить.

Резко нагнувшись, Самад ухватил мальчика за рукав. Тот отчаянно извивался. Его друзья потихоньку отходили, бросая в одиночестве своего стремительно тонущего жоака.

– Ты кого-то убил и взял деньги?

Вена на Самадовом лбу билась так неистово, словно хотела вырваться наружу. Он защищал чужую страну и мстил за смерть людей, которые не признавали его на улицах в мирное время. Это потрясло Арчи. Для него любая страна была своей; худо-бедно, более-менее, но Арчи хоть и ощущал свою малость, все же являлся одним из многих важных дисков ее позвоночника.

– Нет, мистер, нет, нет. Я у него. У него.

Свободной рукой он показал на большой заброшенный дом, жирной насадкой угнездившийся на горизонте.

– наших убил кто-то из того дома? – рявкнул Самад.

– Что вы говорите, мистер? – пропищал мальчик.

– Кто там живет?

– Он доктор. Он там живет. Но болеет. Не ходит. Доктор Болен.

Дети, которых осталась всего горстка, взволновано закивали головами. Доктор Болен, мистер, доктор Болен.

– А что с ним?

Обрадованный вниманием, мальчик живописно изобразил плачущего человека.

– Он англичанин? Как мы? Немец? Француз? Болгарин? Грек? – Самад, устав стоять в неудобной позе, ослабил хватку.

– Не-а. Он просто доктор Болен, – с облегчением сказал мальчик. – Жвачка?

Прошло еще несколько дней, а помощь не приходила. Держаться все время в состоянии боевой готовности было тягостно, и мало-помалу Арчи с Самадом все больше расслаблялись, ощущая себя почти что на гражданке. Каждый вечер они ходили ужинать в корчму старого Гозана. Жидкий суп обходился в пять сигарет. За рыбу отдавали медаль небольшого достоинства. У Арчи совсем порвалась форма, и теперь он носил один из мундиров Дикинсон-Смита, так что мог покупать на медали погибших разные лакомства и насущные вещи: кофе, мыло, шоколад. За кусок свинины Арчи сдал затертую карточку Дороти Ламор, которую носил на задку, в кармане брюк, с самого призыва.

– Ну же, Самад, – ведь их можно использовать как талоны, как продуктовые карточки; а появятся средства, выкупим, если захочешь, обратно.

– Я мусульманин, – ответил Самад, отглатывая тарелку со свининой. – И моя Рита Хэй-ворт будет со мной, пока жива моя душа.

– И почему вы это не едите? – пробормотал Арчи, заглатывая как сумасшедший две отбивные. – Странное дело, доложу я тебе.

– Свинину я не ем по той же причине, по какой англичанин никогда не удовлетворит женщину по-настоящему.

– То есть? – оторвался Арчи от своего пира.

– Дело в культуре, мой друг. – Самад с минуту подумал. – А может, еще глубже. Может, в наших костях.

После обеда они под предлогом поиска убийц обычно прочесывали деревню и добирались до города, где заглядывали в вечные три пивные с дурной репутацией и спальни в домах хорошеньких женщин, но вскоре и это им наскучило, и, сидя возле танка, они курили дешевые сигары, любовались неспешными малиновыми закатами и вели беседы о временах их прежней инкарнации, когда они были курьером (Арчи) и студентом биофака (Самад). Они касались не вполне понятных Арчи тем, и Самад делился с прохладным ночным воздухом откровениями, которых никогда раньше не высказывал вслух. Словно на женщин, давно знающих друг друга, опускалась на них долгая, уютная тишина. Они смотрели на звезды, освещающие незнакомую страну, но не тосковали по дому. Словом, это была в точности та дружба, которую англичанин может позволить себе на отдыхе и только на отдыхе. Дружба, преодолевающая классовость и расизм, основанная на физической близости; она и допускается лишь потому, что, по мнению англичанина, физическая близость – дело недолговременное.

Через полторы недели никто по-прежнему не отзывался за призывы о помощи, и тогда они решили послать клич по всем волнам в надежде, что хоть кто-нибудь их услышит. (Деревенские уже знали о завершении войны, но не спешили поделиться новостью с чужаками, чья ежедневная лепта обеспечивала процветание местной экономики.) В долгие часы досуга Арчи железным шестом приподнимал части гусеницы, а Самад изучал поломку. Где-то там, далеко, родные считали их погибшими.

– У тебя дома в Брайтоне есть женщина? – спросил Самад, погружая голову в львиную пасть между гусеницей и корпусом танка.

Арчи красотой не блистал. Если на фотографии прикрыть ему нос и рот, то он приобретал залихватский вид, но вообще-то внешность имел неприметную. Девушкам нравились его глаза, большие, печальные и голубые, как у Синатры, но отглатывали уши Бинга Кросби³¹ и натуральная толстая, будто у У.К. Филдса³², луковица вместо носа.

– Есть парочка, – беззаботно ответил он. – Знаешь, тут и там. А у тебя?

– Для меня подобрали юную леди. Некую мисс Беджум, дочь мистера и миссис Беджум. Они мне «свекры», как у вас говорят. О Аллах, они сидят так глубоко в прямой кишке бенгальского высшего света, что сам лорд-губернатор утирает сопли, если мулла не принес от них приглашение на обед!

Самад громко захохотал, думая, что Арчи тоже рассмеется, но тот ничего не понял и не дрогнул даже мускулом бесстрастного лица.

– О, это лучшие люди, – продолжал Самад, почти не смутившись. – Самые лучшие. Превосходная кровь... и вдобавок у женщин этого рода есть приятная особенность – традиционная, вековая, понимаешь ли, – огромные-преогромные дыни.

³¹ Бинг Кросби (Bing Crosby, 1901–1977) – американский джазовый певец и киноактер.

³² У. К. Филдс (W. C. Fields) – популярнейший американский комедийный актер 1930–40-х годов.

Сопроводив свои слова соответствующим жестом, Самад снова занялся гусеницей.

– И? – спросил Арчи.

– Что и?

– У нее и вправду?.. – Арчи повторил жест, но придал ему такую анатомическую неправдоподобность, что в реальности изображаемые им женщины вряд ли бы смогли удерживать равновесие.

– Боюсь, мне придется немного подождать, – задумчиво улыбнувшись, ответил его товарищ. – К несчастью, в этой бенгальской семье пока нет девочки подходящего возраста.

– Хочешь сказать, что твоя жена еще, на фиг, не родилась?

– Ну и что? – спросил Самад, вытаскивая у него из верхнего кармана сигарету. Чиркнул спичкой по броне танка. Засаленной рукой Арчи стер со лба пот.

– Там, откуда я родом, – сказал он, – парень, прежде чем жениться, предпочитает с девушкой познакомиться.

– Там, откуда ты родом, принято варить овощи, пока они не развалятся. Это не значит, что так и надо, – отрезал Самад.

Последний вечер в деревне выдался совсем темным, безмолвным. Курить в такую духоту было неприятно, и, не зная, чем занять руки, Арчи с Самадом сели и оперлись кончиками пальцев о прохладные каменные ступени церкви. На какое-то время, в сумерках, Арчи забыл о войне, которая на самом деле и так уже прекратилась. Ночь укрывала прошлое и сулила будущее.

Именно в эту последнюю ночь своего неведения об установленном мире, безмятежного незнания, Самад решил укрепить их с Арчи дружбу. Чаще всего в этом случае человек сообщает другому что-нибудь исключительное: интимный грешок, тайное чувство или скрытую темную страсть, полагаясь при этом на сдержанность своего поверенного. Но для Самада не было ничего дороже и значимее, чем его кровь. Поэтому на освященной территории он, естественно, заговорил о самом для него святом. А ничто так живо не воскрешало память о бегущей по его жилам крови и земле, которую эта кровь поливала веками, как судьба его прадеда. Потому-то Самад и поведал Арчи полузабытый, заплесневелый эпизод столетней давности о Мангале Панде.

– Значит, это был твой дед? – спросил должным образом впечатленный Арчи, выслушав рассказ; луна зашла за тучи. – Настоящий, родной дед?

– Пра-дед.

– Вот это да. Знаешь, я его со школы помню – правда – «Колониальная история», мистер Джаггс. Лысый, противный старый шельмец с выпученными глазами – я имею в виду, мистер Джаггс, а не твой дедушка. За записки бил нас линейкой по рукам, а мы все равно перебрасывались... Слушай, некоторые солдаты до сих пор зовут «пандейцами» тех, кто побойчее, мятежников, в общем... А я и не знал, откуда это... Панде был мятежником, не любил англичан, из-за его выстрела началось Восстание сипаев. Теперь я вспомнил, ясно, как божий день. Так это был твой дед!

– Пра-дед.

– Конечно-конечно. Здорово, да? – закинув руки за голову, Арчи лег и стал смотреть на звезды. – У тебя в крови есть капля истории. Думаю, это стимул, да еще какой. Вот я Джонс, понимаешь. Все равно что Смит. Мы – никто... Отец часто говорил: «Мы жмых, малыш, жмых». Не то чтоб меня это сильно волновало, нет. Я, знаешь, все равно горжусь. У меня честная, добропорядочная английская семья. Но в вашей семье есть герой!

Самада раздувало от гордости.

– Да, Арчибальд, ты верно сказал. Разумеется, эти английские академишки пытаются его принизить, им ведь не под силу отдать должное индийцу. Но он герой, и каждый мой поступок на этой войне продиктован его примером.

– Да, правда, – задумчиво протянул Арчи. – Об индийцах у нас хорошо говорить не принято; вряд ли кому понравится, назови ты индийца героем... подумают, что ты с приветом.

Вдруг Самад схватил его за руку. Какая горячая рука, словно в лихорадке, подумал Арчи. Никто ни разу так не брал его за руку; он инстинктивно хотел было ее оттолкнуть, отбросить – словом, вырваться, но потом передумал: индийцы, они же такие эмоциональные. Пряная пища и прочее.

– *Прошу тебя.* Сделай мне одно великое одолжение, Джонс. Если ты услышишь от кого, когда вернешься домой – если ты, если *мы* вернемся каждый в свой дом, – услышишь разговоры о Востоке, – тут его голос понизился на регистр и зазвучал гулко и грустно, – *имей свое мнение.* Скажут тебе «все они такие», «они делают то-то», «они думают так-то», а ты не принимай на веру, пока не откроются все факты. Потому что та земля, которую они зовут Индией, обладает тысячей имен и населена миллионами, и если ты решил, что отыскал среди этого множества двух похожих людей, ты ошибся. Это проделки лунного света.

Самад отпустил его руку и стал копаться в своем кармане, нащупывая хранимую в нем белую пыль и щепотками осторожно отправляя ее в рот. Затем прислонился к стене и дотронулся до камня кончиками пальцев. Прежде это была миссионерская церковь, в войну ее превратили в госпиталь, который проработал всего два месяца, пока от падающих снарядов не стали ходить ходуном подоконники. В церкви имелись тощие матрасы и большие широкие окна, поэтому Самад и Арчи облюбовали это место для сна. А у Самада пробудился интерес (из-за одиночества, убеждал он себя, из-за меланхолии) к морфию в порошке, который можно было найти по всему зданию, в беспризорных кабинетах-хранилищах; яйца, припрятанные после наркоманской Пасхи. Случись Арчи пойти отлить или снова поковыряться в радио, как Самад вихрем пронесся по церквушке, грабя кабинет за кабинетом, как грешник, бегающий из одной исповедали в другую. Найдя свой пузырек греха, он торопился натереть десны или забить щепоточку в трубку, а потом лежал на прохладном терракотовом полу, вглядываясь в изысканный изгиб купола. Вся церковь была покрыта надписями. Их оставили здесь бунтовщики, триста лет назад, во время эпидемии холеры, не пожелавшие платить похоронный налог и запертые алчным помещиком в этой церкви умирать, – но прежде они успели покрыть все стены письмами к родным, стихами, призывами к вечному непокорству. На Самада эта история и в первый раз произвела впечатление, но поразила его по-настоящему лишь под действием морфина. Каждый нерв тела был возбужден, вся информация во Вселенной, все слова на стенах вышибали затычку и бежали по нему, как электричество по заземляющему проводу. Голова раскрывалась, как шезлонг. А он сидел в нем и смотрел на проносившийся мимо него мир. В тот вечер Самад немного переборщил и потому чувствовал себя особенно просветленным. Ему казалось, что его язык намазан маслом, а мир представлялся в виде гладкого мраморного яйца. Погибшие бунтовщики стали ему родными, стали братьями Панде – все мятежники были сегодня Самаду братьями, – и ему хотелось поговорить с ними, узнать их мнение об этом мире. Хватило ли им его? Хватило ли его, когда пришла смерть? Довольно ли им тысячи оставшихся после них слов?

– Скажу тебе к слову, – сказал Арчи, заглянув в глаза Самада и увидев там отражение купола. – Оставайся у меня всего пара часов, я бы не стал раскрашивать потолок.

– Скажи, – поинтересовался Самад, недовольный тем, что нарушили его приятное раздумье, – какой поступок ты бы совершил в последние часы перед смертью? Доказал бы теорему Ферма? Постиг учение Аристотеля?

– Что? Кого? Не... Я бы, знаешь... занялся *любовью* – с *дамой*, – сказал Арчи, застеснявшись собственной неискренности. – *В последний раз.*

Самад захохотал.

– Скорее уж в первый.

– Ладно тебе, я *серьезно*.

– Хорошо. А если бы «дам» поблизости не оказалось?

– Ну всегда ведь можно, – и Арчи покраснел, как почтовый ящик, тоже решив по-своему укрепить их дружбу, – погонять колбаску, как говорят в американской армии!

– *Погонять колбаску...* – презрительно протянул Самад, – и это все, так? Единственное, чего тебе хочется перед тем, как соскочить с земного круга, – «погонять колбаску». Достичь оргазма.

Арчи, в чьем родном Брайтоне никто никогда, *ни разу*, не произносил таких слов, как «оргазм», затрясся от смущенного ржания.

– Кто тебя насмешил? Что тут смешного? – спросил Самад, рассеянно закуривая, несмотря на жару, сигарету и блуждая пропитанными морфином мыслями где-то далеко.

– Ничего, – запинаясь, начал Арчи, – ничего.

– Джонс, неужели в тебе этого нет? Неужели в тебе нет... – лежа на пороге, ногами наружу, Самад протягивал руки к потолку, – *...порыва?* Они не гоняли колбаски – размазывая белое вещество, – они стремились кое к чему более значимому.

– Если честно, то разницы я не вижу, – сказал Арчи. – Умер – значит, умер.

– Да *нет*, Арчибалд, *нет*, – с тоской прошептал Самад. – Ты не веришь. Нужно жить, всецело сознавая, что твои поступки не пройдут *бесследно*. Мы – следствие их, Арчибалд. – Он указал на стены. – Они это знали. И мой прадед знал. А когда-нибудь узнают и наши дети.

– Наши дети! – фыркнул, развеселившись, Арчи. Перспектива обзаведения потомством казалась весьма отдаленной.

– Наши дети родятся из наших поступков. *Их судьбы зависят от наших дел*. О, поступки не проходят бесследно. Это просто вопрос того, что ты будешь делать, мой друг, когда осыплются крошки. Когда запоет толстая леди. Когда рухнут стены, потемнеет небо и загудит земля. В тот самый момент за нас скажут наши поступки. И не важно, кто будет смотреть тогда на тебя – Аллах, Иисус, Будда или вовсе никто. В холод можно видеть свое дыхание, в жаркий день нет. Но в любом случае человек дышит.

– А знаешь, – сказал, помолчав, Арчи, – когда я отбывал из Филикстоу, мне показали новую дрель, она складывается пополам, и на нее можно насадить разные штуки – гаечный ключ, молоток, даже открывалку. Очень, думаю, удобно в походных условиях. Доложу тебе, мне чертовски такую хочется.

Какое-то время Самад вглядывался в Арчи, затем покачал головой.

– Давай войдем. Болгарская кухня переворачивает желудок. Мне нужно вздремнуть.

– Ты чего-то бледный, – заметил Арчи, помогая ему встать.

– За грехи, Джонс, это за мои грехи, и я еще грешнее, чем сам грех, – хихикнул себе под нос Самад.

– Что ты сказал?

Арчи почти тащил его на себе.

– Я съел нечто такое, – перешел Самад на чеканный английский акцент, – что со мною не согласуется.

Арчи было отлично известно, что Самад ворует из кабинетов морфий, но, похоже, Самад от него тайлся, поэтому, сгружая его на матрас, он сказал только:

– Давай мы тебя уложим.

– Когда все закончится, мы встретимся в Англии, хорошо? – выдохнул Самад в матрас.

– Да. – Арчи представил, как они станут прогуливаться по брайтонскому пирсу.

– Потому что ты англичанин, каких мало, сапер Джонс. Я считаю тебя своим другом.

Не будучи уверенным, считает ли он Самада своим другом, Арчи все же счел необходимым ответить на такие сантименты мягкой улыбкой.

– Году в 1975-м мы с женой пригласим тебя пообедать. Мы превратимся в толстопузых богачей, восседающих на горе денег. Однажды мы встретимся.

Опасаясь нового подвоха от заморской еды, Арчи вяло улыбнулся.

– Мы будем дружить всю нашу жизнь!

Уложив Самада, Арчи ворочался на своем матрасе, удобнее устраиваясь на ночь.

– Спокойной ночи, друг, – совершенно счастливым голосом сказал Самад.

* * *

Наутро в городок приехал цирк. Разбуженный криками и улюлюканьем, Самад впрыгнул в форму и здоровой рукой подхватил карабин. Оказавшись на залитом солнцем крыльце, он увидел русских солдат в защитного цвета гимнастерках: одни играли в чехарду, другие выстрелами сшибали с головы одного из солдат консервные банки или метали ножи в насаженные на палки картофелины, на каждой из которых красовались черные усики. Подкошенный внезапной догадкой, Самад опустился на ступени и, со вздохом сложив руки на коленях, стал наблюдать за происходящим. Мгновение спустя на крыльцо, размахивая карабином, вылетел Арчи в полуспущенных штанах и, увидев врага, с перепугу выстрелил в воздух. Цирковое представление продолжалось как ни в чем не бывало. Самад, устало потянув Арчи за брюки, жестом поманил его сесть.

– Что тут происходит? – Арчи требовательно смотрел на него водянистыми от сна глазами.

– Ничего. Абсолютно ничего не происходит. На самом деле все уже прошло.

– Но эти люди, наверное...

– Взгляни на картофелины, Джонс.

Арчи уставился на него диким взором.

– При чем здесь картошка?

– Это картофелины-гитлеры. Овощи-диктаторы. Экс-диктаторы. – Он снял одну из них с палки. – Видишь эти усики? Она окончена, Джонс. Кто-то окончил ее за нас.

Арчи глядел на картофелину в его руке.

– Словно автобус, Джонс. Мы пропустили эту чертову войну.

Арчи высмотрел в гуще картофельного сражения долговязого русского парня и крикнул ему:

– По-английски понимаешь? Давно она закончилась?

– Война? – недоверчиво рассмеялся тот. – Две недели назад, товарищ! Хочешь еще повоевать, поезжай в Японию!

– Словно автобус, – повторил, качая головой, Самад. В нем закипала бешеная ярость, гнев перехватывал горло. Война была его шансом. Он хотел приехать домой, покрытый славой, а затем триумфатором вернуться в Дели. Когда еще появится новая возможность? Такой войны больше не будет, это факт. Тем временем солдат, разговаривавший с Арчи, подошел ближе. Он был одет в русскую летнюю форму: тонкую гимнастерку со стоячим воротником и мягкую бесформенную пилотку; на широкой талии крепко сидел пояс, пряжка, поймав солнечный луч, запустила зайчиком в глаз Арчи. Когда зрение вернулось, Арчи принялся рассматривать широкое открытое лицо, левый глаз с легкой косинкой и копну песочных, торчащих во всех стороны волос. Весь он казался радостным порождением яркого утра, а его беглый, с американским акцентом, английский хлестал в уши, как прибой.

– Война закончилась две недели назад, а вы не знаете?

– У нас радио... не... – только и сумел выдавить Арчи.

Солдат растянулся в улыбке и энергично потряс им руки.

– Добро пожаловать в мирную жизнь, джентльмены! А мы считали, что это у нас информация хромает! – И он снова раскатисто захохотал. Затем поинтересовался у Самада: – А где остальные?

– Остальных нет, товарищ. Остальные из нашего танка погибли, а о дивизионе никаких вестей.

– Так вы здесь были не по заданию?

– Э-э... нет. – Арчи вдруг смутился.

– Какая разница, товарищ, – сказал Самад, чувствуя, как сводит желудок. – Война окончена, поэтому здесь у нас никакого задания быть теперь не может. – Он пожал русскому руку здоровой рукой и хмуро улыбнулся. – Пойду я внутрь, – шурясь, произнес он. – А то шары режет. Приятно было познакомиться.

– Да, очень, – ответил русский, провожая его взглядом, пока он не скрылся в глубине церкви. Потом повернулся к Арчи:

– Странный парень.

– Хмм, – отозвался Арчи. – А *вы* здесь чего? – Он взял предложенную русским самокрутку. Выяснилось, что этот солдат и семеро его товарищей направлялись в Польшу, чтобы освободить трудовые лагеря, о которых люди изредка украдкой друг другу рассказывали. А здесь, на западе Токая, они задержались, чтобы поймать себе нациста.

– Но тут никого нет, приятель, – вежливо возразил Арчи. – Только я, да этот индеец, да деревенские – сплошь старики и дети. Другие – кто пал, кто сбежал.

– Кто пал, кто сбежал... *кто пал, кто сбежал*, – повторил, в высшей степени впечатлившись, русский, вертя в пальцах спичку. – Хорошо сказано... забавно. Да нет, понимаешь, мы бы тоже так думали, но у нас есть надежные данные – от вашей же разведки, – что в том доме в данный момент скрывается один старший офицер. Вон там, – он показал на дом на горизонте.

– Доктор? Деревенские пацаны нам о нем говорили. Он, должно быть, обделается со страху, когда узнает, что вы все за ним пожаловали, – изобразил Арчи что-то вроде комплимента, – но они сказали, что это просто больной малый, доктор Болен, – так они его называют. Ой, так он, выходит, не англичанин? Предатель или что-то в этом роде?

– Что? А, нет. Нет, нет, нет, нет. Это доктор Марк-Пьер Перре. Молодой француз. Талант. Очень одаренный человек. С самого начала войны занимался научными разработками для нацистов. Работал над программой стерилизации, потом занялся разработкой способов легкого уничтожения людей. Немецкие делишки. Очень фашистам был предан.

– Вот те на, – протянул толком ничего не понявший Арчи. – И что вы с ним?

– Поймаем и повезем в Польшу, а там сдадим властям.

– Властям. – Арчи был по-прежнему под впечатлением, но слушал уже рассеянно. – Вот те на.

Арчи никогда не мог долго на чем-то концентрироваться, а тут еще сбивала с толку странная привычка этого приветливого русского здоровяка смотреть сразу в двух направлениях.

– И поскольку данные поступили от вашей разведки, а вы здесь самый старший офицер, капитан... капитан...

Стеклянный глаз. У него стеклянный глаз с атрофированным мускулом.

– Боюсь, я не знаю вашего имени и звания, – сказал русский, одним глазом глядя на Арчи, а другим, как плющом, обвивая дверь в церковь.

– Как? Мое? Джонс, – ответил Арчи, пытаясь уследить за его взглядом: дерево, картофелина, Арчи, картофелина.

– Так вот, капитан Джонс, окажите нам честь возглавить экспедицию на холм.

– Как это капитан? Вот те на, нет, вы все поняли задом наперед. – Чтобы не видеть этого магнитом притягивающего глаза, Арчи опустил глаза и увидел, как блестят на нем пуговицы мундира Дикинсон-Смита. – Какой я, к черту...

– Мы с лейтенантом будем польщены, – раздался позади них голос. – Давненько не были в деле. Самое время окунуться, так сказать, в гущу событий.

Бесшумно, словно тень, на пороге вырос Самад в другом мундире Дикинсон-Смита; за губу случайно, словно замудренное предложение, зацепилась сигарета. Он вообще был красив, а блестящие офицерские пуговицы лишний раз это подчеркивали; в контрастном свете дня, в обрамлении дверной рамы его фигура проступала пугающе-величественно.

– Мой друг хотел сказать, – произнес Самад нараспев в очаровательной англо-индийской манере, – что он, к черту, не капитан. Капитан, к черту, я. Капитан Самад Икбал.

– Товарищ Николай – Ник – Песоцкий.

Они сердечно рассмеялись и пожали друг другу руки. Самад закурил.

– Это мой лейтенант. Арчибальд Джонс. Должен извиниться за свое прежнее странное поведение; здешняя пища мне не по нутру. Итак, выдвигаемся ночью, когда стемнеет? Верно, лейтенант? – Он повернул голову и выразительно взглянул на Арчи.

– Да, – выдавил тот.

– Кстати, товарищ, – спросил Самад, чиркая спичкой о стену и прикуривая, – надеюсь, мой вопрос вас не обидит, – это у вас стеклянный глаз? От настоящего не отличить.

– Да! Я приобрел его в Ленинграде. Свой я в Берлине потерял. Неправдоподобное сходство, как по-вашему?

Радушный русский вытащил стекляшку из глазницы и протянул ладонь со скользкой жемчужиной Самаду и Арчи. В начале войны, подумал Арчи, парни толпились над засаленным фотоснимком ног Бетти Грэйбл. А сейчас война закончилась, и они сгрудились вокруг глаза какого-то несчастного убудка. Вот те на.

Покачавшись на ладони, глаз вскоре успокоился в тихой гавани посередине длинной, грязной линии жизни. И уставился немигающим взглядом на лейтенанта Арчи и капитана Самада.

* * *

В тот вечер лейтенант Джонс впервые узнал вкус настоящей войны. Арчи, восемь русских солдат, владелец корчмы Гозан и Гозанов племянник, возглавляемые Самадом, ехали на двух джипах брать в плен нациста на холме. Русские упились самбукой так, что не могли вспомнить гимн своей страны, Гозан выставлял на торги жареных цыплят – кто больше даст, а Самад, вознесенный к небесам белым порошком, стоял в первом джипе, деля руками ночь на части и куски, и выкрикивал своему отряду команды, которые тот не мог слышать, потому что был слишком пьян, а сам Самад не понимал, потому что был слишком далеко отсюда.

Арчи – молчаливый, трезвый, напуганный – ехал на заднем сиденье второго джипа и восхищался другом. Арчи никогда не видел героя: когда ему сравнялось пять, отец вышел за пресловутой пачкой сигарет и не удосужился вернуться, а поскольку мальчик никогда не отличался тягой к чтению, его путь не завалила бесчисленная макулатура для подростков с идиотскими героями – никаких головорезов, одноглазых пиратов и бесшабашных пройдох Арчи в помине не знал. Но вид Самада, стоящего там в мундире с офицерскими пуговицами, сверкающими в лунном свете, словно брошенные в колодец монетки-желания, апперкотом в челюсть сбил семнадцатилетнего Арчи с ног: такому человеку был по силам любой жизненный путь. Это был лунатик в бреду, стоящий на танке, друг, *герой* – подобного Арчи от него не ожидал. Однако когда позади осталось три четверти пути, дорога, то есть в данном случае танковая

колея, неожиданно оборвалась, танк резко затормозил, и бравый капитан кувырком полетел через него.

– Здесь давно-давно никто не ездил, – философски сказал Гозанов племянник, обгладывая куриную косточку. – Этот? – Он посмотрел на Самада (тот как раз приземлился рядом) и ткнул пальцем в свой джип. – Не пройдет.

Тогда Самад собрал вокруг себя почти влежку пьяный отряд и стал взбираться пешком на гору, где его ждала война, о которой он однажды расскажет внукам, как когда-то рассказывали ему о подвигах его прадеда. Продвижению мешали огромные глыбы земли, вывороченные некогда из холма бомбами и изувечившие проезжую дорогу. Со всех сторон бессильно и томно вздымались вверх корни деревьев, которые приходилось раздвигать штыками.

– Как в аду! – фырнул Гозанов племянник, споткнувшись о спутанные корни. – Все как в аду!

– Извините его. Он молод, поэтому так сильно все чувствует. Но это правда. Это не – как это сказать – не *наш спор*, лейтенант Джонс, – сказал Гозан, за пару сапог не заметивший их внезапного повышения в звании. – *Зачем нам все это?* – Он смахнул слезу, наворачнувшись от алкоголя и чувств. – Что нам тут? Мы мирные люди. Мы не хотим участвовать в войне! Этот холм – какой он был *красивый!* Цветы, птички пели, понимаете? Мы живем на востоке. Что нам до сражений на западе?

Арчи интуитивно повернулся к Самаду послушать очередную речь, но не успел Гозан договорить, как тот ринулся вперед, расталкивая невменяемых русских солдат, молотящих по веткам штыками. Он бежал так стремительно, что вскоре скрылся за слепым поворотом и исчез в утробе ночи. Несколько минут Арчи лихорадочно соображал, затем, вырвавшись из мертвой хватки Гозанова племянника (которому только-только начал втирать байку о кубинской проститутке, встреченной им в Амстердаме), припустил туда, где в последний раз мелькнула серебряная пуговица и где дорога снова пускалась выделывать немыслимые кренделя.

– Капитан Ик-Балл! Капитан Ик-Балл, подождите! – звал он на бегу, размахивая фонариком, который только и делал, что населял чащобу окрест причудливейшими атропоморфными существами: то мужчина покажется, то коленопреклоненная женщина, то три собаки, воющие на луну. Какое-то время он безуспешно тыкался в темноте.

– Включите свой фонарик! Капитан Ик-Балл! Капитан Ик-Балл!

Тишина.

– Капитан Ик-Балл!

– Почему ты меня так называешь, – произнес голос близко, с правой стороны, – тебе известно, что я не капитан.

– Ик-Балл? – спросил Арчи и сразу же наткнулся на него лучом фонарика: Самад сидел на валуне, обхватив голову руками.

– Почему – ведь не совсем ты круглый идиот. Ты знаешь, я полагаю, тебе известно, что на самом деле я *рядовой* армии Ее Величества.

– Ну да. Но мы ж договорились, ты чего? Для прикрытия и все такое.

– Для прикрытия? Мальчик. – Самад зловеще, как показалось, Арчи хихикнул и поднял на него глаза, налитые кровью и слезами. – Как, по-твоему? Сваляли мы дурака?

– Нет, я... что с тобой, Сэм? На тебе лица нет.

Самад, в общем-то, об этом догадывался. Ранее вечером он насыпал на внутреннюю сторону век по крошке белого вещества. Морфий сделал его мозг острым, как лезвие ножа, и вскрыл его. Пока длилось действие наркотика, ощущения были яркими, роскошными, но полет мысли окончился в бассейне с алкоголем, посадив Самада в злосчастное корыто. Он видел в зеркале свое отражение в тот вечер – мерзкая рожа. Он понял вдруг, где находится – на прощальной вечеринке по случаю кончины Европы, – и *затосковал* по Востоку. Посмотрел на свою бесполезную руку с пятью бесполезными довесками, на загоревшую до шоколадно-корич-

невого оттенка кожу; заглянул в мозг, набитый тупейшими разговорами и скучными стимуляторами смерти, – и затосковал по человеку, каким он когда-то был: эрудированному, красивому, светлокожему Самаду Миа, которому мать нанимала лучших учителей, заботливо берегла от солнца и дважды в день натирала льняным маслом.

– Сэм! Сэм! Ты неважно выглядишь. Прошу тебя, они через минуту уже придут... *Сэм!*

Ненависть к себе обычно переносится на первого встречного. Но особенно досадно Самаду было увидеть в тот момент Арчи, глядящего на него с нежным участием, со смесью страха и раздражения, проступивших на обычно бесформенном, неспособным к выражению чувств лице.

– Не называй меня Сэмом! – рявкнул он так, что Арчи не узнал его голоса. – Я тебе не твои английские дружки-приятели. Меня зовут Самад Миа Икбал. Не Сэм. Не Сэмми. И не – Аллах сохрани! – Самуил. Мое имя Самад. Арчи повесил голову.

– Ну ладно, – сказал Самад, внезапно подобрев и решив не устраивать душещипательных сцен, – я рад, что ты здесь, потому что я хотел тебе сказать, я не достоин этого мундира, лейтенант Джонс. У меня, как ты сам заметил, даже лица нет. Я совершенно не достоин этого мундира.

Он было вскочил, но тут же снова плюхнулся обратно на валун.

– Вставай, – сквозь зубы прошипел Арчи. – Вставай. Да *что такое* с тобой?

– Правда, я совершенно не гожусь для этого мундира. Но я тут подумал, – сказал Самад, здоровой рукой берясь за карабин.

– Убери эту штуку.

– И понял, что я в полнейшей заднице, лейтенант Джонс. У меня нет будущего. Понимаю, для тебя это, возможно, окажется сюрпризом – боюсь, моя верхняя губа немного дрожит, – но факт остается фактом. Я вижу только...

– Убери это.

– Черноту. Я *калека*, Джонс. – Он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, а пистолет в руке отплясывал веселый танец. – И вера моя увечная, ты это понимаешь? Я ни на что не гожусь, даже Аллаху, милостивому и милосердному. Что мне делать, когда война закончится, а она уже закончилась, – что мне делать? Вернуться в Бенгалию? В Дели? Кому там нужен этакий англичанин? Или в Англию? А там кому нужен этакий индус? Нам обещали свободу в обмен на нас, на людей. Но это дьявольская сделка. Что же делать? Остаться здесь? Податься куда-нибудь еще? В какой лаборатории нужен одорукий? На что я годеи?

– Послушай, Сэм... *не корчи из себя дурака*.

– *Вот как?* Так вот как оно бывает, друг? – Самад встал, но споткнулся о камень и повалился на Арчи. – Однажды я произвел тебя из рядового Засранца в лейтенанты британской армии – и вот твоя благодарность? Где ты в час моего отчаяния? Гозан! – закричал он толстяку корчмарю, который, обливаясь потом, взбирался по ухабам почти за самой их спиной. – Гозан – мой друг мусульманин – во имя Аллаха, это правда?

– Заткнись, – взвился Арчи. – Хочешь, чтобы все тебя слышали? Опусти его *вниз*.

Карабин Самада выстрелил в темноту и лег на плечи Арчи, стиснув их головы тягостным общим объятием.

– Кому я нужен, Джонс? Нажми я сейчас курок, что после меня останется? Индус, перебежчик на сторону англичан, с вязанкой хвороста вместо руки и без медалей, которые можно было бы отправить родным вместе с телом. – Он наконец отпустил Арчи, но тут же вцепился в свой воротник.

– Ради бога, лучше эти, – бросил ему Арчи воротнички, достав из-за лацкана три штуки. – У меня есть про запас.

– Да ерунда все это! Ты понимаешь, что мы дезертиры? Фактически дезертиры? Отойди на минутку, мой друг, и посмотри на нас. Наш капитан убит. Мы в его форме командуем офицерами, людьми высшего, чем мы, звания, и каким образом? *Обманом*. Конечно, мы дезертиры.

– Война закончилась! И потом, мы же пытались связаться с остальными.

– Неужели? Арчи, друг мой, неужели? Действительно? Или же мы все-таки мозолили задницы, как дезертиры, да отсиживались в церкви, в то время как мир прямо над нашим ухом разваливался на куски и люди гибли на полях сражений?

Арчи попытался отнять у него карабин, завязалась драка, Самад лягался с нешуточной силой. Из-за угла, шатаясь, выворачивала остальная шантрапа, огромная, серая в полумраке, масса, и горланила песню «Лидочка-наколочка».

– Да умерь ты свою глотку. Успокойся, – отпустил он Самада.

– Мы самозванцы, ряженые в чужом платье. Разве мы выполнили свой долг, Арчибальд? А? По всей совести? Это я тебя втянул, прости, Арчибальд. На самом деле это была моя судьба. Давным-давно предначертанная.

Эх, Лидочка-наколочка, ну, дай же поглядеть!

Самад рассеянно вставил пистолет в рот и взвел курок.

– Ик-Балл, послушай меня, – сказал Арчи. – Когда мы ехали в танке с капитаном, Роем и остальными.

Как выставка, в наколочках, согласная всегда,

– Ты всегда говорил о том, что надо быть героями и все такое – вроде твоего двоюродного деда, как там его зовут.

Наполеон на заднице, а на груди звезда,

Самад вынул карабин изо рта.

– Панде, – сказал он. – *Прапрадед*, – и засунул дуло обратно.

– А теперь – прямо здесь – тебе светит шанс. Ты не хотел упустить автобус, вот мы и не упустим, если все правильно сделаем. Хорош уже дурить.

*Плывет по жизни Лидия, как лодка по воде,
И синяя кольшется волна на животе.*

– Товарищ! Ради бога.

Незаметно подрывивший дружелюбный русский в ужасе уставился на Самада, обсасывающего ствол карабина, как леденец.

– Чишу, – заметно дрожа, буркнул Самад и достал карабин изо рта.

– Так принято, – объяснил Арчи, – у них в Бенгалии.

Войны, ожидаемой дюжиной мужчин, войны, которую Самад хотел, как сувенир молодости, засолить в банку для внуков, в большом старом доме на холме не оказалось. В полной мере соответствующий своему прозвищу, доктор Болен сидел в кресле перед горящим каминном. Болен. Закутан в плед. Бледен. Чрезвычайно худ. Одет не в форму, а белую рубашку-апаш и темные брюки. Лет двадцати пяти, не больше. Когда они ввалились с винтовками наизготове, он не вздрогнул и не отказал протеста. Как будто бы они негалантно, без приглашения, ввалились с оружием на уютную французскую ферму и плюхнулись за стол. Все помещение осве-

щалося газовыми лампами в крошечных женственных оправках, танцующие на стене отблески высвечивали восемь полотен, изображающих единую картину какого-то болгарского местечка. На пятой из них в рыжеватом пятнышке на горизонте Самад узнал свою церковь. Картины были с равными промежутками расставлены по всей комнате, образуя панораму. Девятое полотно – современная пастораль – стояло без рамы на мольберте немного ближе к огню, на нем еще не высохли краски. На художника смотрело двенадцать ружей. И когда доктор-художник обернулся, по его лицу катились кровавые слезы.

Самад выступил вперед. Он только что держал во рту оружие, и это придавало ему смелости. Он употребил лошадиную дозу морфия, провалился в морфиновую пропасть – и выжил. Сильнее всего, думал Самад, приближаясь к доктору, человек бывает по ту сторону отчаяния.

– Вы доктор Перрет? – От его англазированного произношения француз поморщился, и по его щекам заструились новые красные слезы. Самад не сводил с него пистолета.

– Да, я это он.

– Что это? Что с вашими глазами? – просил Самад.

– Диабетическая ретинопатия, мсье.

– Что? – Самад не собирался тратить момент своей славы на негероические медицинские прения.

– Это значит, что когда я не получаю инсулин, я источаю кровь, мой друг. Через глаза. Это нисколько не мешает, – он обвел рукой картины, – моему увлечению. Их должно было быть десять. Вид на 180 градусов. Но, кажется, вы пришли мне помешать. – Вздохнув, он поднялся. – Итак, вы хотите меня убить, мой друг?

– Я вам не друг.

– Я об этом и не говорю. Вы намерены меня убить? Простите, но я вынужден заметить, что вы еще малы и муху раздавить. – Он оглядел его форму. – Mon Dieu, вы слишком молоды, чтобы так преуспеть в жизни, капитан. – Самад краем глаза перехватил испуганный взгляд Арчи и поежился. Затем, незаметно расставив ноги пошире, выпрямил спину.

– Простите, если я кажусь вам назойливым, но... вы все же намерены меня убить?

Самад твердой рукой направлял на него дуло. Он мог его убить, убить совершенно хладнокровно. Не прибегая к покрову темноты или попущениям военного времени. Он мог его убить, и оба это знали. Увидев выражение индийских глаз, русский бросился вперед.

– Извините, капитан.

Самад по-прежнему молча смотрел на доктора, и русскому пришлось стать между ними.

– Мы не собираемся этого делать, – обратился он к доктору Болену. – У нас есть приказ доставить вас в Польшу.

– А там меня убьют?

– Это будут решать соответствующие власти.

Доктор наклонил голову вбок и прищурился.

– Именно это... именно это человек и хочет услышать. Забавно, но человеку очень необходимо это услышать. Всего лишь простая вежливость напоследок. Все равно, умрет он или его пощадят.

– Это будут решать соответствующие власти, – повторил русский.

Самад зашел за спину доктора и, приставив дуло к его затылку, сказал:

– Идите.

– Решат соответствующие власти... Какое цивилизованное у нас мирное время, – заметил доктор Болен, под дулами двенадцати винтовок выходя из дома.

* * *

Некоторое время спустя отряд оставил закованного в наручники доктора Болен в джипе у подножия холма и перемесился в корчму.

– Вы играете в покер? – спросил, войдя внутрь, у Самада и Арчи радостный Николай.

– Я играю во что угодно, – ответил Арчи.

– Лучше поставить вопрос так, – Самад криво улыбнулся и сел за стол, – хорошо ли я играю?

– И как, хорошо, капитан Икбал?

– Мастерски, – сказал Самад, беря свои карты и раскрывая их одной рукой.

– Что ж, – Николай подлил всем самбуки, – раз наш друг Икбал так уверен в себе, начнем по маленькой. Скажем, с сигарет, а там посмотрим, к чему нас это приведет.

Сигареты привели их к медалям, которые сменились винтовками, затем радиоприемниками, под конец дело дошло до джипов. К полуночи Самад выиграл три джипа, семь винтовок, четырнадцать медалей, кусок земли вокруг дома Гозановой сестры и расписку на четырех лошадях, трех цыплят и утку.

– Мой друг, – теплая доброжелательность Николая Песоцкого сменилась серьезной озабоченностью. – Вы должны дать нам возможность отыгаться. Мы не можем смириться с таким положением дел.

– Отдайте мне доктора, – сказал Самад, избегая глаз пьяного Арчибальда Джонса, сидящего с раскрытым ртом в кресле напротив. – В обмен на весь мой выигрыш.

– Господи, но *зачем?* – откинулся на спинку кресла пораженный Николай. – Какая с него польза...

– У меня свои причины. Я его увезу сам, без сопровождения, и мы замнем этот инцидент.

Николай Песоцкий посмотрел на свои руки, на сидящих за столом и снова на руки. Потом достал из кармана и передал Самаду ключи.

Заведя машину, в которой спал, уронив голову на приборную доску, доктор Болен, Самад и Арчи двинулись во тьму.

В тридцати милях от деревни доктор проснулся от приглушенного спора относительно его ближайшей судьбы.

– Но *почему?* – шипел Арчи.

– Потому что, с моей точки зрения, собственно проблема состоит в том, что мы должны наконец пролить чужую кровь, понимаешь? В качестве расплаты. Ты что, не понимаешь, Джонс? На этой войне мы, ты и я, валяли дурака. Нам не довелось сражаться, а теперь уже поздно – и это чудовищно. Но зато есть он, и это наш шанс. Позволь спросить: ради чего была эта война?

– Хватит ерунду молоть, – вместо ответа взревел Арчи.

– Чтобы в будущем мы могли быть *свободными*. Вечный вопрос: *в каком мире будут расти твои дети?* А мы ровным счетом ничего не сделали. Мы на нравственном распутье.

– Слушай, я не знаю, о чем ты говоришь, и знать не хочу, – перебил Арчи. – Мы выгрузим этого, – он кивнул на находящегося в полубессознательном состоянии Болен, – в первом попавшемся сарае и разойдемся каждый по своей дороге, вот единственное распутье, которое меня волнует.

– Я осознал, что поколения, – продолжал Самад, пока они миля за милей мчались по однообразной равнине, – говорят друг с другом, Джонс. Это не линия, жизнь вообще не линейна, – и не хиромантия – это круг, и они говорят с нами. Потому-то и нельзя *прочитать*

судьбу; можно только ее *изведать*. – Морфий снова стал открывать ему знание: все знание вселенной, все надписи на стене стали ему фантастическим откровением.

– Джонс, знаешь, кто этот человек? – Самад за волосы притянул к себе доктора. – Мне русские сказали. Он ученый, как и я, но что у него за наука! Выбирать, кто должен родиться, а кто нет, – разводить людей, как тех цыплят, уничтожать, если показатели не по норме. Он хочет управлять, диктовать будущему. Вывести расу людей, расу железных людей, которые доживут до конца света. Но в лаборатории такого не сделать. Это должно и единственно возможно сделать верой! Лишь Аллах нас спасет! Я не религиозен, мне всегда не доставало на это сил, но я не идиот, чтобы отрицать истину!

– А не ты ли говорил, что это *не ваш спор*? Там, на холме, ты это сказал, – сбивчиво тараторил Арчи, довольный, что ему удалось подловить Самада. – Так-так-так... что бы этот мальчик ни делал, что угодно, ты сказал, что это *наши* проблемы, проблемы *Запада*, вот что ты сказал.

Из водянистых глаз доктора Болена, которого Самад по-прежнему держал за волосы, теперь текли кровавые реки, он что-то лопотал на своем языке.

– Осторожнее, ты его задушишь, – сказал Арчи.

– Пусть! – Выкрик Самада канул в безмолвную бездну. – Такие люди думают, что живые органы можно моделировать по своему усмотрению. Они молятся науке о теле, но не Тому, Кто нам его дал! Нацист. В наихудшем проявлении.

– Но ты сказал, – настаивал на своем Арчи, – что тебя это не касается. Это не твой спор. Если уж кто и должен тут предъявить счет этому сумасшедшему немчуре...

– Французу. Он француз.

– Пусть будет француз. Если уж кто и должен предъявить ему счет, то это буду я. Мы ведь сражались за судьбу Англии. Во имя Англии. Видишь ли, – копался в памяти Арчи, – демократия и воскресные обеды... прогулки и пэры, эль с сосисками – это все *наше*. Не *ваши*, нет.

– *Именно*, – сказал Самад.

– Что?

– Это должен сделать *ты*, Арчи.

– Да что ты говоришь.

– Джонс, судьба смотрит тебе в глаза, а ты гоняешь колбаску, – с издевкой произнес Самад, все еще не отпуская доктора.

– Полегче там. – Арчи пытался следить и за дорогой, и за Самадом, который запрокинул голову Болена так, что шея чудом не сломалась. – Слышь, я же не говорю, что он не заслуживает смерти.

– Так сделай это. *Сделай*.

– Но, черт, почему тебе это так важно? Знаешь, я еще никого не убивал – вот так вот, лицом к лицу. И нехорошо убивать в машине... Я не могу.

– Джонс, это просто вопрос того, что ты будешь делать, когда осыплются крошки. Именно это меня чрезвычайно интересует. Предлагаю сегодня давнишнюю веру применить на практике. Провести, если угодно эксперимент.

– Не понимаю, о чем ты.

– Хочу узнать, Джонс, что ты за человек. На что ты способен. Неужто ты трус, Джонс?

Джип резко затормозил.

– Какого черта!

– Ты ни за что не болеешь сердцем, Джонс, – продолжал Самад. – Ни за веру, ни за политику. Ни даже за свою страну. Как ваши смогли нас завоевать – для меня загадка. Ты же фикция!

– Чего?

– И идиот к тому же. Что ты скажешь своим детям, когда они спросят: кто ты, что ты из себя представляешь? Ты будешь знать ответ? Ты когда-нибудь его узнаешь?

– Если это так чертовски сложно, скажи, кто ты?

– Я мусульманин, человек, сын, правоверный. Я доживу до конца света.

– Ты алкаш и наркоман, ты сегодня под кайфом, верно?

– Я мусульманин, человек, сын, правоверный. Я доживу до конца света, – речитативом повторял Самад.

– И какого дьявола это значит? – закричал Арчи, схватив доктора Болену и притянув его залитое кровью лицо к себе так, что они почти соприкоснулись носами.

– Ты, – прорычал Арчи. – Пойдешь со мной.

– Я бы да, но, мсье... – протянул доктор скованные запястья.

Ржавым ключом Арчи отомкнул наручники, вытолкнул доктора Марка-Пьера Перре из машины и повел, упираясь дулом в основание его черепа, прочь с дороги в темноту.

– Ты хочешь убить меня, юноша? – спросил на ходу доктор Болен.

– Похоже на то, – сказал Арчи.

– Могу я молить о пощаде?

– Как хочешь, – ответил Арчи, подталкивая его вперед.

Пять минут спустя Самад услышал из машины выстрел и подскочил на месте. Прихлопнул мошку, кружащую вокруг руки в поисках места для очередного укуса. А когда поднял голову, увидел, что Арчи возвращается: весь в крови, сильно хромя, то появляясь и вспыхивая в свете фар, то теряясь и пропадая во тьме. В луче его белокурые волосы становились полупрозрачными, и было видно, что он очень юный; круглое, как луна, лицо казалось лицом большого ребенка, головой вперед входящего в жизнь.

Самад. 1984, 1857

«Испытание крикетом – за какую команду вы болеете?.. За ту, откуда вы приехали, или ту, где вы сейчас?»
Норман Теббит

Глава 6. Испытание Самада Икбала

Дети стали для Самада настоящей напастью. Да, он по доброй воле – какая только может быть у человека – родил двоих сыновей, но подобного он не ожидал. Его не предупреждали о том, что детьми нужно *заниматься*. Сорок с лишним лет он счастливо ехал по шоссе жизни и не ведал, что на каждой из рассыпанных вдоль дороги бензозаправок живет ясельный подкласс общества, ревуший горько слой жителей-крошек; он ничего о нем не знал и не имел к нему касательства. Внезапно в начале восьмидесятых его одолели дети: чужие дети, друзья его детей, а потом и друзья друзей его детей и наконец дети из детских передач по детскому телевидению. К 1984 году по меньшей мере тридцать процентов его социального и культурного окружения составляла детвора младше девяти – это и привело Самада к теперешнему его состоянию. Он сделался активистом.

Роль отца-активиста, по диковинному закону симметрии, в точности совпадает с ролью отца. Начинается все невинно. Случайно. Ты в приподнятом настроении заглянул на очередную весеннюю ярмарку, помог провести лотерею (как отказать хорошенькой рыжей учительнице музыки), выиграл бутылку виски (в школьных лотереях давно все отлажено) – и не успел оглянуться, как всюю заседаешь на еженедельных собраниях родительского комитета, организуешь концерты, обсуждаешь планировку нового кабинета музыки, вносишь средства на реконструкцию фонтанов. Словом, ты увлечен и связан школьными делами. Рано или поздно ты уже не просто подводишь детей к школьным воротам. Ты идешь в школу вместе с ними.

– Опустит руку.

– Не опущу.

– Опустит, пожалуйста.

– Отстань.

– Самад, хватит меня позорить. Опустит.

– У меня есть точка зрения. У каждого есть право иметь свою точку зрения. И право эту точку зрения *высказывать*.

– Да, но зачем высказывать ее все время?

В среду в начале июля 1984 года на собрании школьных активистов, сидя на задней парте, переругивались Самад и Алсана. Алсана изо всех сил пыталась удержать руку мужа.

– Отстань, женщина!

Вцепившись крошечными ручками в запястье мужа, Алсана пыталась сделать ему «крапивку».

– Самад Миа, как ты не поймешь, что я пытаюсь спасти тебя от себя самого?

Председательница Кейти Минивер, долговзая белокожая разведенка в узких джинсах, с буйными кудрями и торчащими зубами, в продолжение скрытной борьбы четы Икбалов всеми силами старалась не смотреть в глаза Самаду. Мысленно она проклинала миссис Хэнсон: из-за этой толстой дамы, сидевшей позади Самада и Алсаны и распространявшейся о личинках древооточца в школьном саду, настойчиво тянущую руку Самада не заметить было невозможно. В конце концов придется дать ему слово. Периодически кивая миссис Хэнсон, она скосила

глаза влево, на записи секретаря заседания миссис Хилнани. Ей хотелось удостовериться, что дело не в ее предвзятости, несправедливости, недемократичности или, хуже того, расизме (для самопроверки она в свое время прочла эпохальную брошюру объединения «Радуга» под названием «Расовая слепота»), ведь расизм – штука социально обусловленная и настолько глубоко въевшаяся, что ее не всегда распознаешь. Однако нет. Она не помешалась. В этом ее убеждал любой наугад выхваченный отрывок:

13.0 Миссис Джанет Трот выступила с предложением установить на игровой площадке вторую шведскую стенку, чтобы все дети могли лазить по ней, не рискуя обрушить этот спортивный снаряд. Супруг миссис Трот, архитектор Гановер Трот, согласился бесплатно разработать шведскую стенку и проследить за ее установлением.

13.1 Возражений не было. Председатель предложила перейти к голосованию.

13.2 Мистер Икбал спросил, почему западная система образования ставит физическое развитие выше умственного и духовного.

13.3 Председатель поинтересовалась, какое это имеет отношение к обсуждаемому вопросу.

13.4 Мистер Икбал заявил, что голосование следует отложить до тех пор, пока он не предоставит документ, детально излагающий его точку зрения и подчеркивающий, что его сыновьям Маджиду и Миллату вполне достаточно стояния на голове – это упражнение и укрепляет мускулатуру, и стимулирует кровообращение в соматосенсорной коре головного мозга.

13.5 Миссис Вулф спросила, должна ли ее Сюзан тоже стоять на голове.

13.6 Мистер Икбал высказал предположение, что, учитывая школьные успехи Сюзан и ее проблемы с весом, стояние на голове принесло бы ей несомненную пользу.

– Да, мистер Икбал?

С силой отодрав от себя пальцы Алсаны, Самад зачем-то встал и, отыскав среди бумаг на планшете нужный листок, вынул его из зажима.

– Да-да. У меня есть заявление. Заявление.

Среди собравшихся активистов прошелестело что-то вроде вздоха; некоторое время люди ерзали, почесывались, переключивали ногу на ногу, копались в сумках, поправляли на креслах пальто.

– Еще одно, мистер Икбал?

– Да, миссис Минивер.

– Но за сегодняшний вечер вы выступили уже с двенадцатью заявлениями; возможно, другие тоже...

– Это крайне важно и не терпит отлагательств, миссис Минивер. Итак, если только мне позволено...

– Миз³³ Минивер.

– Что, простите?

– Ничего... я миз Минивер. Вы весь вечер... я, ммм... я не миссис. Я миз. Миз.

Самад с недоумением посмотрел на Кейти Минивер, затем, словно ища ответа, перевел взгляд на свои бумаги и снова поднял глаза на атакуемую им председательницу.

– Извините. Так вы не замужем?

– Видите ли, я в разводе. Но оставила фамилию мужа.

– Ясно. Мои соболезнования, мисс Минивер. Итак, к делу...

³³ В английском языке обращение «Ms» («миз») ставится перед фамилией женщины независимо от ее семейного положения, в то время как обращение «Mrs» («миссис») относится только к замужним женщинам, а «miss» («мисс») – к незамужним девушкам.

– Прошу меня простить, – запустив пальцы в свои непокорные локоны, перебила его Кейти. – М-м-м, я и не мисс тоже. Еще раз меня простите. Я, видите ли, *была* замужем, поэтому...

Эллен Коркоран и Джанин Ланзерано, ее подруги по Женскому комитету, ободряюще улыбнулись. Эллен покачала головой: мол, держись (*ты молодчина, все правильно делаешь*), а Джанин артикулировала губами: «*Давай-давай*» – и украдкой показала оттопыренные большие пальцы.

– Мне неудо... Думаю, не стоит заикливаться на семейном положении... я вовсе не хотела вас смутить, мистер Икбал. Просто мне было бы... если бы вы... говорили «миз».

– Миззз?

– Миз.

– Это некий лингвистический гибрид слов «миссис» и «мисс»? – с неподдельным интересом спросил Самад, не замечая, как дрожит нижняя губа Кейти Минивер. – Так говорят про женщину, которая либо потеряла супруга, либо не может найти себе нового мужа?

Алсана со стоном уронила голову на руки.

Самад что-то трижды подчеркнул в своих листках и снова обратился к родительскому комитету:

– Праздник урожая.

Ерзание, почесывание, перекаладывание ног и пальто.

– Да, мистер Икбал, – произнесла Кейти Минивер. – Что такое с праздником урожая?

– Именно это я и хочу узнать. Что значит праздник урожая? Что за праздник такой? По какому поводу? И почему мои дети должны его отмечать?

Директриса миссис Оуэнз, элегантная светловолосая женщина с мягким выражением лица, наполовину скрытого «рваным» бобом, сделала Кейти знак, что берет этот вопрос на себя.

– Мистер Икбал, мы довольно подробно рассматривали проблему религиозных праздников на осеннем заседании. Вам, несомненно, известно, что в нашей школе проводится большое количество самых разных религиозных и светских мероприятий, в числе которых Рождество, Рамадан, китайский Новый год, Дивали³⁴, Йом Киппур, Ханука³⁵, день рождения Хайли Селассие³⁶ и дата смерти Мартина Лютера Кинга. Праздник урожая, мистер Икбал, также является данью широте религиозных взглядов, царящей в нашей школе.

– Ясно. Миссис Оуэнз, что, в школе Манор много язычников?

– Язычников... боюсь, я не по...

– Очень просто. Христианский календарь насчитывает тридцать семь религиозных праздников. *Тридцать семь*. У мусульман их девять. Всего только девять. Да и те теснит дикий наплыв христианских торжеств. Итак, мое предложение очень простое. Давайте вычеркнем у христиан все праздники языческого происхождения, тогда у детей получится в среднем... – Самад сверился с листком – ...двадцать свободных дней, в которые можно будет отмечать, например, декабрьский Лейлят аль-кадр, январский Ид аль-фитр и апрельский Ид аль-адха³⁷. И прежде всего, как мне кажется, нужно вычеркнуть эти урожайные дела.

– Боюсь, – сказала миссис Оуэнз, вооружившись своей приятной, но каменной улыбкой и подводя зрителей к кульминационному моменту, – не в моей скромной юрисдикции стереть

³⁴ Один из пяти главных индийских ведических празднеств.

³⁵ Йом Киппур и Ханука – еврейские праздники.

³⁶ Последний император Эфиопии (1930–1974). Сам Хайли Селассие был христианином, но растафарианцы считают его своим Богом – Богом черной расы. Растафарианцы верят, что Хайли Селассие, который умер в 1975 году, воскрес и в ожидании суда сидит на горе Сион.

³⁷ Самад перечисляет мусульманские праздники.

христианские праздники с лица земли. Иначе бы я отказалась от Рождества – тогда мне не приходилось бы до изнеможения возиться с чулками для подарков.

В ответ на эту реплику по комнате прокатился смешок, но Самад и бровью не повел.

– Итак, вот что я думаю. Этот самый праздник урожая не является христианским праздником. Где в Библии сказано: *Ибо должно тебе взять из буфета твоих родителей еду и принести на школьный праздник, а мать твоя пусть испечет тебе хлеб в форме рыбы?* Это же сущее язычество! Где, скажите, говорится: *Отнеси пачку замороженных рыбных палочек престарелой карге из Уэмбли?*

Миссис Оуэнз, не привыкшая к такому сарказму (учителя ограничивались колкостями вроде: *«Мы что, в хлеву живем? У вас дома, наверное, такой же свиновод!»*), нахмурилась.

– И все-таки, мистер Икбал, не стоит упускать из виду благотворительный аспект этого праздника. Приносить еду пожилым людям похвально, пусть даже это и не сказано в Писании. Библия также умалчивает о том, что на Рождество нужно ставить на стол индейку, однако мало кто на этом основании станет осуждать данный обычай. Честно говоря, мистер Икбал, о таких вещах чаще думают с точки зрения *общества*, а не *религии*.

– Бог – вот общество человека! – воскликнул Самад.

– Да, ммм... что ж, давайте проголосуем.

Миссис Оуэнз встревоженно оглядела комнату: не поднял ли кто руки.

– Кто еще так считает?

Самад сжал руку Алсаны. Жена пнула его в лодыжку. Он надавил на большой палец ее ноги. Она ущипнула его за бок. Он заломил назад ее мизинец, и она через силу подняла правую руку, ухитрившись при этом локтем левой ловко двинуть ему между ног.

– Спасибо, миссис Икбал, – произнесла миссис Оуэнз, а Джанин и Эллен одарили Алсану жалостливыми, печальными улыбками, припасенными специально для порабощенных женщин Востока.

– Кто за то, чтобы вычеркнуть праздник урожая из списка школьных мероприятий...

– На основании его языческих корней.

– На основании определенных языческих... коннотаций. Поднимите руки.

Миссис Оуэнз оглядела класс. Поднялась, зазвенев многочисленными браслетами, рука Поппи Берт-Джонс, той самой хорошенькой рыжеволосой учительницы музыки. Вызывающе вскинули руки Маркус и Джойс Чалфены, постаревшие хиппи в псевдоиндийских нарядах. Тогда Самад выразительно посмотрел на Клару и Арчи, застенчиво пристроившихся у стены напротив, и над толпой медленно поднялись еще две руки.

– Кто против?

Взвильсь остальные тридцать шесть рук.

– Заявление отклонено.

– Солярный Совет ведьм и гоблинов школы Манор пришел бы в восторг от такого решения, – сказал Самад, усаживаясь на место.

Когда после собрания Самад вышел из туалета с неудобными маленькими писсуарами, к нему в коридоре подскочила рыжеволосая учительница музыки Поппи Берт-Джонс.

– Мистер Икбал!

– Да?

Она протянула бледную веснушчатую руку с длинными пальцами.

– Меня зовут Поппи Берт-Джонс. Я веду у Маджида и Миллата пение и оркестр.

Вместо недействующей правой руки, которую она норовила пожать, Самад подставил ей здоровую левую.

– Ой, простите!

– Ничего страшного. Она не болит. Просто не двигается.

– Хорошо. То есть хорошо, что она не болит.

Она обладала природным обаянием. Ей можно было дать лет двадцать восемь, от силы тридцать два. Стройная, хрупкая, с торчащими по-детски ребрами и висящей грудью с приподнятыми сосками, она стояла перед ним в белой блузке с вырезом, стареньких джинсах и серых теннисках. Буйные темно-рыжие волосы забраны в небрежный хвост. Вся в веснушках. Стоит и улыбается Самаду милейшей, немного глуповатой улыбкой.

– Вы хотите поговорить о близнецах? Что-то случилось?

– Нет-нет... у них все хорошо. У Маджида не всегда получается, но он так хорошо учится, что, думаю, ему не до флейты, зато Миллат – отличный саксофонист. Нет, я просто хотела вам сказать, что вы там были правы. – Она ткнула большим пальцем в воздух за плечом. – На собрании. Мне этот праздник урожая тоже кажется нелепым. Хочешь помочь старым людям – голосуй за другое правительство, а не носи им коробки с едой. – Она снова улыбнулась и поправила выбившуюся прядь.

– Чрезвычайно обидно, что многие другие с нами не согласны, – сказал Самад, который от этой второй улыбки потеплел и ощутил в своем безупречном пятидесятилетнем желудке легкое посасывание. – Похоже, мы сегодня в меньшинстве.

– За вас стояли Чалфены – очаровательные люди, интеллектуалы. – Она понизила голос, словно речь шла о каком-то экзотическом заболевании. – Он ученый, а она специалист по садоводству, но совершенно не зазнаются. Мы с ними поговорили, они считают, что вам нужно дальше отстаивать свою точку зрения. Я подумала, а что, если летом нам это еще раз обсудить, а в сентябре выдвинуть ваш проект на повторное голосование? Ближе к делу все продумаем, может, напечатаем брошюры и еще что-нибудь такое. Потому что я, знаете ли, очень интересуюсь индийской культурой. А праздники, о которых вы говорили, намного... ярче и в плане музыки, и в плане оформления. Будоражат воображение! – сказала в самом деле взбудораженная Поппи Берт-Джонс. – Это было бы очень хорошо – в смысле, для детей.

Самад не сомневался в том, что эта женщина не может испытывать к нему ни малейшего физического интереса. И все же он огляделся, нет ли поблизости Алсаны, все же нервно позвонил в кармане ключами от машины, все же ощутил, как от страха перед Богом сжалось сердце.

– На самом деле я не из Индии. – Самад произнес эту фразу, которую в Англии ему приходилось часто повторять, бесконечно дружелюбнее, чем обычно.

Поппи Берт-Джонс взглянула на него удивленно и разочарованно.

– Не из Индии?

– Нет. Я из Бангладеш.

– Бангладеш...

– Бывший Пакистан. А еще раньше Бенгал.

– А, понятно. То есть это одна и та же страна.

– Да, примерно в тех же границах.

Ненадолго повисло тягостное молчание, и Самад отчетливо понял, что хочет эту женщину больше, чем любую другую за последние десять лет. Вот такие дела. Желание не потрудились осмотреться на местности, проверить, нет ли рядом соседей, – просто вышибло дверь и ворвалось в дом. Самада затошнило. Он сообразил, что на его лице, как в кривом зеркале, гипертрофированно отражается весь спектр чувств от вождения до ужаса, пока он мысленно оценивает Поппи и все физические и метафизические последствия их знакомства. Лучше что-нибудь говорить, а то будет хуже.

– Э-э-э... Хорошая идея насчет повторного голосования, – сказал Самад против воли, потому что теперь разговором управляла не воля, а какое-то звериное чувство. – Если у вас найдется свободное время.

– Да, давайте это обсудим. Я позвоню вам через несколько недель. Мы могли бы встретиться после оркестра.

– Да... чудесно.

– Отлично! Значит, договорились. Знаете, у вас восхитительные сыновья, они очень необычные мальчишки. Мы разговаривали с Чалфенами, и Маркус точно подметил: индийские дети – не в обиду вам будет сказано – обычно гораздо...

– Что?

– Спокойнее. Они прекрасно воспитаны, но слишком, я бы сказала, зажаты.

Самад представил, что было бы, услышь эти слова Алсана.

– А Маджид и Миллат вполне себе... раскованные.

Самад попытался улыбнуться.

– Маджид такой умный для своих девяти лет – это все признают. Да, он действительно выдающийся ребенок. Вам и правда есть чем гордиться. Он держит себя совсем как взрослый. Даже в одежде... никогда не видела, чтобы девятилетние так строго одевались.

У близнецов была возможность самим выбирать себе одежду, но если Миллат кланчил у Алсаны «Найк» с фирменной «галочкой», «Ош Кош Би Гош»³⁸ и немислимые свитера, которые можно носить наизнанку, то Маджид в любую погоду ходил в сером пуловере, серой рубашке, черном галстуке, в начищенных черных туфлях и очках, купленных в магазине Национальной службы здоровья, и выглядел, словно карлик-библиотекарь. Алсана затаскивала его в отделы, где продавалась яркая детская одежда, и упрашивала: «Малыш, давай купим что-нибудь синее, ради Аммы, а? Синий так подходит к твоим глазам. Ради Аммы, Маджид. Неужели тебе не нравится синий? Ведь это цвет неба!»

«Нет, Амма. Небо не синее. Там белое излучение. Белый цвет содержит в себе все цвета радуги, и когда он проходит в небе сквозь мириады молекул, нам остаются видны только цвета с короткими волнами – синий, фиолетовый. На самом деле небо не синее. Оно только таким кажется. Это называется спектр Релея».

Станный ребенок с холодным умом.

– Вам есть чем гордиться, – повторила Поппи, улыбаясь до ушей. – Я бы на вашем месте очень гордилась.

– К сожалению... – Самад вздохнул, и мрачная дума о втором сыне на пару минут отвлекла его от эрекции, – Миллат ни на что не годится.

Поппи едва не обиделась.

– Что вы! Я совсем не имела в виду, что... я хотела сказать, он, возможно, и находится в каком-то смысле в тени Маджида, но он настоящая личность! Не такой... ученый, но все его просто обожают – к тому же он очень красивый мальчик. Еще бы... – Тут она подмигнула и похлопала Самада по плечу. – Гены-то хорошие.

«Хорошие гены»? Что она имеет в виду?

– Привет! – Подошедший сзади Арчи гулко хлопнул друга по спине.

– Привет! – Арчи пожал руку Поппи с той насмешливой аристократичностью, которой всегда вооружался при встрече с образованными людьми. – Арчи Джонс. Отец Айри, за грехи мои тяжкие.

– Поппи Берт-Джонс. Я веду у Айри...

– Музыку, я знаю. Только о вас и слышим. Айри немного расстраивается, что ее не поставили первой скрипкой... может, на будущий год, а? Итак! – говорил Арчи, переводя взгляд с Поппи на Самада, который стоял немного в стороне и как-то подозрительно выглядел, чертовски подозрительно, решил про себя Арчи. – Перед вами пресловутый Ик-Был! Переборщил ты сегодня на собрании, Самад. Верно я говорю?

³⁸ «Ош Кош Би Гош» – известная фирма детской одежды. Рекламный лозунг фирмы: «Это носит наше будущее» (What the future wears).

– Ну не знаю, – проворковала Поппи. – Мне показалось, что мистер Икбал выступал замечательно. Многие его высказывания меня просто поразили. Вот бы мне столько всего знать! Но я, увы, как тот пони, который выучил один-единственный номер. Мистер Икбал, вы, случайно, не профессор?

– Нет-нет, – запротестовал Самад, злясь, что из-за Арчи соврать невозможно. – Я работаю в ресторане. – Сказать «я официант» у него язык не повернулся. – В юности я учился, но началась война и... – В конце предложения Самад поставил пожатие плечами и увидел с упавшим сердцем, как веснушчатое лицо Поппи Берг-Джонс вытягивается большим красным вопросительным знаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.